

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 4 · 2019 · ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Бочковская А.В.* Автар-бани: конфликтный текст «Универсального Братства» 4
- Мишин Д.Е.* К вопросу о датировке сражения при Зў Қаре 22
- Ардашникова А.Н., Коняшкина Т.А.* «Воскресение иранских властелинов»: к вопросу о легитимации Реза-шаха (по материалам «Сафар-наме бе Хузестан») 37

Литературоведение

- Гурия А.Г.* Смена мотивировок в средневековом тексте: две «Рамаяны» ... 51

Языкознание

- Громова Н.В.* Деструкция системы именных согласовательных классов в языках банту 63
- Карапетьянц А.М., Даулет Ф.Н.* Вербализация аксиологического концепта «судьба» в китайской языковой картине мира 74
- Ли Дань.* Когнитивно-сопоставительное исследование пространственного предлога «на» в русском языке и рамочной конструкции «在...上» в китайском языке 92

Экономика

- Исаев В.А., Филоник А.О.* Новая роль суверенных фондов в экономическом развитии арабских монархий Персидского залива 109

Рецензии

<i>Мейер М.С.</i> Рецензия на кн.: Вкус Востока: Гастрономические традиции в истории, культуре и религии народов Азии и Африки. М.: МГИМО-Университет, 2019.....	127
--	-----

Научная жизнь

<i>Иванов В.Б.</i> Конференция по иранистике ECIS9	133
<i>Карпатьянц А.М.</i> Международная конференция «Китайская лингвистика и синология»	136
<i>Кириллина С.А., Кобищанов Т.Ю.</i> Отечественная османистика в XXI в.: векторы исследований (по материалам конференции «Адамбовские чтения»)	139
<i>Милокова О.Э.</i> Международная конференция по языку и развитию в Африке	148
<i>Волчкова Е.В.</i> 17-я Ежегодная конференция Европейской ассоциации изучения религий	152
<i>Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» в 2019 г.</i>	155

CONTENTS

History

<i>Bochkovskaya A.V.</i> The <i>Avtar Bani</i> : A Controversial Text of the Universal Brotherhood	4
<i>Mishin D.Ye.</i> A Contribution to the Dating of the Battle of Dhū Ḳār	22
<i>Ardashnikova A.N., Konyashkina T.A.</i> “The Resurrection of Persian Kings”: The Problem of Reza Shah Pahlavi’s Legitimization (by Materials of “Safar-nama be Khuzestan”)	37

Literature

<i>Guria A.G.</i> Change of Motivation in a Medieval Text: The Two “Ramayanas” ..	51
---	----

Linguistics

<i>Gromova N.V.</i> The Destruction of the System of Nominal Agreement Classes in the Bantu Languages	63
<i>Karapetyants A.M., Daulet F.N.</i> Verbalization of the Axiological Concept “Fate” in Chinese Linguistic Worldview	74
<i>Li Dan.</i> Cognitive And Comparative Study of the Spatial Proposal “On” in the Russian Language and Framework Design “在 上” in the Chinese Language	92

Economics

<i>Isaev V.A., Filonik A.O.</i> The New Role of the Sovereign Funds in the Economic Development of the Arabian Monarchies at the Persian Gulf	109
---	-----

Book Reviews

<i>Meyer M.S.</i> Book Review: The Taste of the East: Gastronomic Traditions in History, Culture and Religion of Asia and Africa. Moscow: MGIMO-Universitet, 2019	127
---	-----

Scholarly Life

<i>Ivanov V.B.</i> Ninth European Conference of Iranian Studies	133
<i>Karapetyants A.M.</i> International Conference ‘Chinese Linguistics and Sinology’	136
<i>Kirillina S.A., Kobishchanov T.Yu.</i> Research Trends of Ottoman Studies in Russia in the 21 st Century (based on Materials of the Conference ‘Readings dedicated to Ferida M. Atsamba’)	139
<i>Milyukova O.E.</i> International conference on Language and Development in Africa	148
<i>Volchkova E.V.</i> The 17th Annual Conference of the European Association for the Study of Religions	152

<i>Index of Articles and Other Matter</i> Published in the Journal “The Bulletin of Moscow University. Series 13. Vostokovedenie” in the Year 2019	155
--	-----

ИСТОРИЯ

А.В. Бочковская

АВТАР-БАНИ: КОНФЛИКТНЫЙ ТЕКСТ «УНИВЕРСАЛЬНОГО БРАТСТВА»¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Автар-бани представляет собой программный текст Миссии сент-ниранкари – одного из псевдорелигиозных сообществ современной Индии, также именующего себя «Универсальным Братством». Комитет по управлению гурдварами (высший духовный авторитет в сикхизме) относит его к числу наиболее «опасных» организаций, подрывающих религиозные и моральные ценности сикхской общины. Противостояние Миссии сент-ниранкари с последователями гуру Нанак и прежде всего с сикхами-халса, вылившееся в вооруженное столкновение 1978 г., способствовало углублению религиозно-политического кризиса в индийском штате Пенджаб. С 1980-х годов руководство сент-ниранкари изменило тактику действий, переведя акцент на социально-экономические и гуманитарные проекты, благодаря чему конфликт с сикхами-халса внешне принял более мирную форму. Исследование семантической, перформативной и культовой функций священного текста Миссии сент-ниранкари позволяет проанализировать сохраняющиеся векторы непримиримых разногласий этой организации с сикхской общиной.

Ключевые слова: сикхизм; сикхи-ниранкари; Миссия сент-ниранкари; Автар-бани.

Одним из столпов сикхизма является поклонение священному тексту Гуру-грантх (Ади-грантх), канонизированному десятым сикхским гуру Гобиндом Сингхом в 1699 г. Большинство сегодняшних последователей учения, основы которого были заложены гуру Нанак в начале XVI в., воспринимают Гуру-грантх в качестве живого и действующего Гуру, и потому любые проявления «неуважения» к

Бочковская Анна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anna.bochkovskaya@gmail.com).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Религиозные системы Востока: традиции и современность».

тексту – духовного, включая попытки искажения или имитации, и физического – сикхи расценивают как административно, а в некоторых случаях и уголовно наказуемые преступления. В статье анализируется роль «альтернативного» текста Автар-бани, составленного и используемого лидерами организации Миссия сант-ниранкари, в их противостоянии с сикхской общиной Индии.

Сант-ниранкари vs сикхи-халса

Миссия сант-ниранкари (Sant Nirankari Mission, ранее – Sant Nirankari Mandal)², ведущая отсчет своей истории с 1930-х годов, представляет собой псевдорелигиозное сообщество, которое позиционирует себя как «универсальное духовное движение, стоящее над всеми кастовыми, расовыми и религиозными различиями»³. Основателем его считается Бута Сингх (1873–1943) – «раскольник» из небольшой общины Ниранкари дарбар⁴, появившейся в середине XIX в. в качестве протестного направления в сикхизме и действовавшей в основном в северо-западной Индии – в Пенджабе.

Выступая за очищение веры от ритуалов брахманизма и возвращение к принципам, изложенным основоположником сикхизма гуру Нанак (1469–1539), последователи Ниранкари дарбар имели собственную линию живых гуру, первым из которых был Баба Даял / Даял Дас (1783–1855)⁵. Он выступал против реформ, проведенных десятым сикхским гуру Гобиндом Сингхом (1666–1708), в частности, против милитаризации сикхов и создания воинской общины-халсы⁶, настаивал на признании и использовании Гуру-грантх (или Ади-

² Сант-ниранкари (пандж. *sañt nirañkāṛī*) – букв. «святые последователи Бесплотного». *Ниранкар* (пандж. *nirañkāṛ*, не имеющий [физической] формы, бестелесный, бесплотный; тж. абстрактный) – один из ключевых эпитетов божества в сикхизме.

³ *Sant Nirankari Mission*. Official website [online resource]. URL: <http://www.nirankari.org> (дата обращения: 01.02.2019).

⁴ Ниранкари дарбар (пандж. *nirañkāṛī darbār*) – ассамблея / собрание Бесплотного.

⁵ Об истории Ниранкари дарбар и его эволюции в XX–XXI вв. см.: *Webster J.C.B.* The Nirankari Sikhs. Madras: The Macmillan India Press, 1979; *Webster J.C.B.* Nirañkāṛī // Brill's Encyclopedia of Sikhism. Vol. 1 (ed. by K.A. Jacobsen, G.S. Mann, K. Myrvold, E. Nesbitt). Leiden; Boston: Brill, 2017; Nirankari Man Singh. Sikhism: A Perspective. Ludhiana: Unistar, 2008; *Бочковская А.В.* «Истинные» и «ложные» ниранкари: особенности взаимоотношений с сикхской общиной // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2015. № 1.

⁶ *Хал(ь)са* (пандж. *khālsā* – «чистый, истинный») – община сикхов, реформированная в конце XVII в. в бескастовое воинское братство.

грантх)⁷ в качестве единственного священного текста, а также на сохранении исключительно мирного характера сикхского сообщества. Такой же линии придерживались его преемники, считавшие себя сикхами и не противопоставлявшие себя сикхскому сообществу. Во многом благодаря этому обстоятельству отношения последователей Даяла Даса с сикхами-халса складывались бесконфликтно на протяжении всего периода существования общины, несмотря на наличие у Ниранкари дарбара собственных гуру.

История Миссии сант-ниранкари развивалась совершенно иначе. Ее основатель Бута Сингх (1873–1943) был *киртанкаром* – исполнителем гимнов в главном центре-*бире* Ниранкари дарбар в Равалпинди⁸. За ряд правонарушений он был исключен из Ниранкари дарбар, но вскоре провозгласил создание собственной общины в Пешаваре, которая после раздела страны в 1947 г. на Индию и Пакистан была вынуждена переместиться в Индию. Большая часть последователей Буты Сингха обосновались в северной части индийской столицы, где вскоре появился квартал под названием Sant Nirankari Colony. Само сообщество было официально зарегистрировано в Дели в 1948 г. под названием Сант-ниранкари мандал.

Своим успехом сант-ниранкари были во многом обязаны Автару Сингху – соратнику и преемнику Буты Сингха. Он возглавлял общину с 1943 по 1962 г., и благодаря его активной проповеднической деятельности количество последователей Сант-ниранкари мандал заметно возросло. В отличие от руководителей Ниранкари дарбара, также переместившегося в 1947 г. в Индию, Автар Сингх, равно как его преемники сын Гурбачан Сингх (1962–1980) и внук Хардев Сингх (1980–2016), действовали, активно противопоставляя себя «мейнстримному» сикхизму. Особое внимание они уделяли проповедям идей об особой роли *самгуру* – «истинного [живого] Гуру», т.е. главы общины, в вопросе познания божественной сущности и – как следствие – ненужности священных текстов, включая сикхскую Гуру-грантх. Эти и целый ряд других «крамольных» для сикхов-халса мыслей были изложены в книге Автар-бани (*Avtār bānī*, «Изречения Автара [Сингха]»), вышедшей в 1957 г. и переизданной в расширенном виде в 1965 г. (подробнее речь о ней пойдет ниже). Подобные установки вкупе с самим фактом публикации «священно-

⁷ Текст Гуру-грантх (Книга-Гуру; также Ади-грантх – «Изначальная книга») был составлен в начале XVII в. при пятом сикхском гуру Арджуне Сингхе (1563–1606).

⁸ Последователи Ниранкари дарбар в XIX – первой половине XX в. также проживали в основном вокруг г. Равалпинди.

го» текста «мейнстримные» сикхи расценили как открытый вызов: как известно, линия живых гуру в сикхизме завершилась к концу XVII в. решением десятого (и последнего) гуру Гобинда Сингха (1666–1708), и с 1699 г. функцию «вечного гуру» у сикхов стала выполнять Гуру-грантх, в которую вошли гимны первых сикхских гуру, а также некоторых других авторов.

Главную роль в пропаганде идей сант-ниранкари и в заметном расширении круга последователей общины в 1960–1970-х годах сыграли проповеди Гурбачана Сингха. Он совершал множество поездок по Индии – за пределами Панджаба, в результате чего в общину вошло большое количество не только сикхов, но и индусов, а также обратил самое пристальное внимание на диаспору в США, Канаде, Великобритании, Германии и других странах. Именно с учетом этой целевой аудитории печатная продукция сант-ниранкари, включая Автар-бани, а также кассеты с записями выступлений главы общины, переводились на английский язык. Рост популярности Сант-ниранкари мандал в диаспоре привел к увеличению финансовой поддержки общины, что, в свою очередь, позволило Гурбачану Сингху чувствовать себя еще увереннее в Индии.

Открытое изложение в проповедях Автара Сингха и Гурбачана Сингха философских идей сант-ниранкари послужило катализатором протестов со стороны «мейнстримных» сикхов во главе с их высшим духовным авторитетом – Комитетом по управлению гурдварами (*Ṣromaṇi gurdwārā prabaṇḍhak kameṭi*, далее – КУГ). Осознавая исторически обусловленную неоднородность⁹ собственной общины, сикхские духовные авторитеты с конца 1960-х годов обрушивали свой гнев на те идейные «девиации», которые, по их мнению, наносили наибольший вред единству сикхской веры. Закрывая глаза на наличие линии собственных живых гуру у сообщества Ниранкари дарбар, они именовали последователей Даяла Даса «истинными» (*asī*) ниранкари и противопоставляли «ложным» (*naklī*, т.е. Сант-ниранкари мандал): по мнению КУГ, адепты Буты Сингха были

⁹ О проблеме сикхской идентичности и «границ» в сикхизме см.: McLeod W.H. Exploring Sikhism. Aspects of Sikh Identity, Culture, and Thought. ND: OUP, 2001; McLeod W.H. Textual Sources for the Study of Sikhism. Manchester: Manchester University Press, 1984; McLeod W.H. Who is a Sikh? The Problem of Sikh Identity // Sikhs and Sikhism. ND: OUP, 2006 (Third impression); Oberoi H. The Construction of Religious Boundaries: Culture, Identity, and Diversity in the Sikh Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1994; Singh Pashaura. Re-imagining Sikhi (“Sikhness”) in the Twenty-First Century: Towards a Paradigm Shift in Sikh Studies // Re-imagining South Asian Religions / Eds Pashaura Singh and Michael Hawley. Leiden: Brill, 2013.

«раскольниками», присвоившими имя «истинных» ниранкари и тем самым дезориентирующими панджабцев¹⁰.

Пик конфликта между сикхами-халса и Сант-ниранкари мандал пришелся на конец 1970-х годов: 13 апреля 1978 г. в панджабском городе Амритсар после серии взаимных провокаций произошло вооруженное столкновение, в ходе которого погибли 13 сикхов-халса и три сант-ниранкари, и в июне того же года КУГ издал указ (*hukamnāmā*), согласно которому сикхам предписывалось «объявить социорелигиозный бойкот “ложным” ниранкари»¹¹, т.е. разорвать все отношения с ними, не заключать браки, не участвовать в совместных трапезах и т.д. Сант-ниранкари мандал провозглашалась незаконной и не имеющей права на существование в силу того, что она своими действиями подрывала «религиозные и моральные ценности» сикхизма – прежде всего поклонением и превозношением собственных живых гуру вместо обращения к Божественному Слову (*śabd*) как источнику духовного просвещения, а также «пропагандой» мирских удовольствий и всяческих жизненных благ¹². Ответом наиболее радикально настроенных сикхов на события в Амритсаре стало убийство главы сант-ниранкари Гурбачана Сингха в 1980 г., окончательно ввергнувшее штат Панджаб в состояние глубокого религиозно-политического кризиса, продолжавшегося вплоть до начала 1990-х годов.

Занявший пост *самгуру* Хардев Сингх на протяжении 36 лет руководил деятельностью общины, которая стала называться Миссией сант-ниранкари. В сложившихся условиях он взял курс на расширение круга последователей, в первую очередь из многочисленной панджабской диаспоры в странах Европы и Северной Америки, а также из социальных низов Индии, и на соблюдение «холодного» нейтралитета с сикхами-халса. Благодаря пропаганде Хардевом Сингхом идеи «Универсального Братства», не признающего каких-либо расовых, кастовых, религиозных и иных форм дискриминации, за пределами Индии Миссия сант-ниранкари открыла множество зарубежных филиалов. По данным официального сайта Миссии, сегодня она располагает более 2 тыс. своих центров и имеет свыше 10 млн последователей по всему миру.

¹⁰ Singh G. Sikhism and the Nirankari Movement. Chandigarh: Youngmen's Nirankari Association, 1980. P. 23.

¹¹ Hukamnāme ādeś sañdeś. Sri Akāl Takht Sāhib / Ed. By Roop Singh. Amritsar: Singh Brothers, 2003. P. 77–78.

¹² Ibidem.

Несколько снизить уровень конфликтности с сикхами Гурбачану Сингху удалось за счет модификации риторики сант-ниранкари, которая стала ориентироваться в первую очередь не на оппозицию сикхам, а на поддержку собственной «паствы», и потому оказалась менее агрессивной и провокационной. При этом Комитет по управлению гурдварами не менял своего отношения к сообществу: Миссия сант-ниранкари вошла в составленный КУГ перечень из шести¹³ «самых опасных» для сикхской веры сообществ современной Индии, а ее программный текст Автар-бани по-прежнему характеризуется как «кошунство в отношении сикхских гуру, сантов (святых) и священных книг [сикхизма]»¹⁴.

«Так говорит Автар»: конфликтогенные измерения текста

Первое издание Автар-бани на панджаби в графике гурмуки увидело свет в 1957 г. Спустя восемь лет вышел расширенный вариант книги – «Сампуран Автар-бани» (*Samṗūraṇ avtār bāṇī*)¹⁵; впоследствии он неоднократно переиздавался и был переведен на английский, а также хинди и на ряд других индийских языков. Анализ «трехмерной модели» этого текста с учетом его семантической, перформативной и культовой функций («измерений») на основе методологии, предложенной американским религиоведом Дж. Ваттсом¹⁶, позволяет выявить конфликтогенный потенциал Автар-бани в продолжающемся противостоянии сант-ниранкари и «мейнстримного» сикхизма.

Дж. Ваттс отмечает, что религиозные сообщества «ритуализируют все три измерения своих текстов»¹⁷, что, по сути, и делает тексты «священными», но степень ритуализации любого измерения в каждом конкретном случае может быть различной. Применительно к Автар-бани на первый план выступает **семантический аспект**, включающий, помимо смысла написанного, «все аспекты интерпретаций и комментариев, а также особенности обращения

¹³ Помимо Миссии сант-ниранкари «антисикхскими» объявлены также сообщества намдхари и Радхасоами сатсанг Беас, возникшие в XIX в., а также три общины-*депа*, возникшие в XX столетии, – Нурмахали, Бханиаравали и Сача сауда.

¹⁴ The Hindu. 01.10.2001.

¹⁵ *Samṗūraṇ avtār bāṇī*. Delhi: Avtar Printers Nirankari Colony, 1977. Далее в статье под «Автар бани» понимается расширенный вариант текста.

¹⁶ *Watts J.W. The Three Dimensions of Scriptures // Iconic Books and Texts / Ed. by James S. Watts. Sheffield, Bristol: Equinox, 2013. P. 14–16.*

¹⁷ Ibid. P. 14.

к тексту во время проповедей и при использовании других форм персуазивной риторики»¹⁸.

Книга включает преамбулу и 376 гимнов-*шабдов* (*śab[a]d*, «слово»), каждый из которых начинается с обращения к Бесплотному (*tū hī nirāṅkāṛ*) и заканчивается упоминанием имени Автара Сингха («Автар говорит так...», «Автар повторяет:...» и т.д.), а в нескольких случаях – и Гурбачана Сингха. Таким образом, повествование (*bāṇī* – голос, речь, слова) идет от лица гуру, и постоянное повторение его имени – Ав(а)тар – призвано напоминать, что глава сант-ниранкари является *аватарой*/земным воплощением божественного начала. Соответственно, главную смысловую (и одновременно – конфликтогенную) нагрузку в тексте несут последние строки каждого *шабда*. Само понятие *шабд* выполняет, как и в сикхизме¹⁹, особую роль, поскольку оно синонимично не только слову «голос» (*bāṇī*), но и «Гуру» – в двух значениях: Бог, а также учитель/наставник/помощник на пути познания божественной сути. Кроме того, в самом названии книги заложена оскорбительная для сикхов коннотация с «Гурбани» (*gurbāṇī* – голос Всевышнего/Гуру): так именуют гимны, входящие в священную Гуру-грантх, а также в «Дасам-грантх» – не менее важный для сикхов-*халса* текст, автором которых считается десятый гуру Гобинд Сингх.

В первом гимне (в конце его Автар упоминается трижды) перечислены имена/эпитеты божества: «не имеющий цвета, очертаний», «не познаваемый разумом и мудростью», «вечный, не имеющий возраста», «вездесущий», «всеведущий», «хранитель жизни», «единственный» и др. Они, а также эпитет «истинный» (*sac*), многократно используются в книге – по образу и подобию сикхской Гуру-грантх.

Воспевая вездесущность божественного начала (*шабд* 2), Автар Сингх подчеркивает особую роль основателя Миссии сант-ниранкари Буты Сингха, а также собственную значимость:

Ты присутствуешь в каждой частице, Твое Имя в каждом листке.

Визу Тебя во всем, что меня окружает...

Ты – Истинный Гуру (*sat[i]gur saccā*) [воплотившийся] в Буте Сингхе,

Твоя обитель – десятое измерение.

¹⁸ Ibid. P. 15.

¹⁹ О понятии *шабд* см.: Grewal J.S. A Study of Guru Granth Sahib. Doctrine, Social Content, History, Structure and Status. Amritsar: Singh Brothers, 2009. P. 88–93; Захарьин Б.А., Хохлова Л.В. «Джап Джи» Гуру Нанак в сикхской религиозной традиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1999. № 4. С. 61–62.

Автар говорит так:

[Истинный] Гуру ниспослал мне Слово [которое я произношу] и мое
обличье²⁰.

Отдавая должное Буте Сингху, Автар-бани упоминает его в общей сложности четыре раза – как и Гурбачана Сингха, по указанию которого составлялся текст «Сампуран Автар-бани». *Шабд* 3, поясняющий, что божественное начало есть Истина, которая, в свою очередь, составляет основу всего сущего, завершается утверждением, что эту истину Автар познал «милостью» своего предшественника Буты Сингха²¹. Далее *шабд* 259 выстраивает вертикаль имен, призванную показать преемственность божественного начала – как в значении произносимых главой сообщества слов, так и в его видимом облике:

В Сатья-юге²² Всевышний явился, чтобы спасти Прахладу²³.

В Трета-юге Всевышний явился, чтобы убить Равану²⁴.

В Двапара-юге Всевышний явился в облики Кришны²⁵.

В Кали-юге Всевышний явился в облики [гуру] Нанака²⁶,

[Затем] Всевышний изменил свое [видимое] обличье
и посадил дерево (*bīṭā*) божественного знания.

Всевышний – всегда Един, его именуют *ниранкар*.

Снова говорит Автар:

Слово Гуру (*bacan gurū dā*²⁷) – это [сам] Всевышний²⁸.

Аналогичным образом Гурбачан Сингх предстает как проводник на пути постижения божественного начала; как Голос, ведущий к конечной цели, и одновременно как божественная *аватара* или реинкарнация Автара Сингха:

²⁰ Букв. «одеяние» (*ves*): *kahe avtār gurū ne bakhśī āṇī bolī āṇā ves*. См.: *Sāpūraṇ avtār bāṇī*. P. 2.

²¹ *Sāpūraṇ avtār bāṇī*. P. 2.

²² *Юга* (санскр. *yuga*) – эпоха; понятие мифологической хронологии в индуизме и буддизме.

²³ Прахлада – пуранический персонаж, беззаветно преданный богу Вишну.

²⁴ Равана – персонаж эпоса «Рамаяна». Повелитель демонов, антагонист главного персонажа – Рамы, который, в свою очередь, является седьмой *аватарой* Вишну.

²⁵ Бог Кришна – восьмая *аватара* Вишну.

²⁶ Нанак (1469–1539) – основоположник сикхской веры, первый из десяти сикхских гуру.

²⁷ Букв. «произнесенное [устаами] гуру»; отсюда имя преемника Автара Сингха – Гурбачан.

²⁸ *Sāpūraṇ avtār bāṇī*. P. 124.

Тот, кто отбросит тщеславие, тот встретит Бесплотного.

Тот, кто следует словам Гурбачана, тот встретит Автара / *аватару*
[Всевышнего]²⁹

(*шабд* 284)

Автар-бани перечисляет³⁰ основные обеты (*pran*), которые «нужно принять и действовать [в соответствии с ними], чтобы познать Божественное слово» (*шабд* 9). Первые два обета полностью соответствуют сикхскому учению и фактически повторяют положения, изложенные в гимнах Гуру-грантх: 1) все, чем располагают люди вне зависимости от своего достатка – физическое (*tan*), ментальное (*man*) и материальное (*dhan*) – принадлежит Всевышнему, и 2) все равны вне зависимости от происхождения, пола, касты и веры, поскольку «божественный свет (*iko nūr*) присутствует в каждом [живом существе]».

Идее равенства посвящен и следующий обет, где говорится, что нельзя оценивать людей по их трапезе и одеянию: и то и другое связано лишь с телом, т.е. с видимой и изменчивой оболочкой, не имеющей никакого отношения к душе, а потому предписаний и ограничений здесь быть не должно. Автар-бани таким образом осуждает вегетарианство, распространенное прежде всего в среде индусов; одновременно этот тезис представляет собой выпад в сторону сикхов-халса с их кодексом поведения, включающими обязательные внешние атрибуты (пять «К»³¹), а также некоторые пищевые запреты, в частности, на употребление опьяняющих напитков. Кроме того, вопрос равенства имеет особую значимость для социальных низов (низкокастовых сикхов, индусов и мусульман как в Пенджабе, так и за его пределами), за счет которых Миссия сант-ниранкари, как и другие религиозные и псевдорелигиозные сообщества Индии, успешно расширяет круг своих последователей³². Не случайно в последние десятилетия сант-ниранкари чаще называют себя «Универсальным Братством» (*vasudhaiv kutumbakam*), где «нет

²⁹ Ibid. P. 135.

³⁰ Ibid. P. 5–7.

³¹ Пять «К» – неперенные атрибуты, которые отличают сикхов-халса: нестриженные волосы (*keś*); кинжал (*kirpān*); гребень (*kaṅghā*); металлический браслет (*kāṛā*) и особого покроя штаны (*kacerā*).

³² Подробнее см.: Бочковская А.В. Праведные дела новых вероучителей Пенджаба // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 4. С. 79–97.

места кастовым, расовым и религиозным различиям»³³. О равенстве говорится далее и в других гимнах Автар-бани; в одном из них (*шабд* 304), в частности, упоминается Бегампура – «город без несчастий», в котором царят «любовь и смирение». Этот популярный образ заимствован из Гуру-грантх; там Бегампура фигурирует в гимне низкокастового певца Равидаса как место, где все равны и свободны³⁴.

Четвертый обет объясняет ненужность и бессмысленность аскетического образа жизни, и в этом слова Автар-бани полностью созвучны с тем, что проповедовал основоположник сикхизма гуру Нанак: жизнь должна идти в соответствии с дхармой (долгом) домохозяина. Идея аскезы явно не импонировала верхушке Сант-ниранкари мандал, начиная с ее основателя Бути Сингха, но была близка последователям Даяла Даса; соответственно в этом *шабде* также присутствует «ответ» Автара Сингха «истинным» ниранкари.

Наконец, пятый обет, вызывающий наибольшее негодование сикхов³⁵, обязывает последователей сант-ниранкари, находящихся на пути познания истины, не разглашать «божественную тайну» без дозволения своего духовного лидера / главы сообщества, к которому они обращаются.

По своему содержанию все обеты, за исключением последнего, демонстрируют (по определению сикхов-*халса* – «имитируют») созвучность ряда принципов Миссии сант-ниранкари идеям сикхизма. С другой стороны, они недвусмысленно показывают, что идеологически сант-ниранкари далеки от «мейнстримного» сикхизма: мысль о следовании слову живого «истинного Гуру», повторяющаяся в каждом *шабде*, означала их безусловный уход от сикхизма *халсы*. Это очевидно и терминологически: сант-ниранкари не называют себя сикхами (санскр. *śiṣya* ученик, последователь) и используют другую лексику для определения своих взаимоотношений с божеством, именуясь *бхактами* (*bhakt* – почитатель, сторонник; любящий) или *севаками* (*sevak* – слуга, служитель; приверженец)³⁶.

³³ Sant Nirankari Mission. Official website [online resource]. URL: <https://www.nirankari.org/modules/idology/universalbrotherhood/> (дата обращения: 01.02.2019).

³⁴ См., например: Ram R. The genealogy of a Dalit faith: The Ravidassia Dharm and caste conflicts in contemporary Punjab // Contributions to Indian Sociology. 2017. Vol. 51 (1). P. 52–78.

³⁵ См., например: Exposing the Sacrilegious Writings of The Sant Nirankari Mandal (The Nirankari Heresiology). Amritsar: Dharam Parchar Committee, SGPC, 1978.

³⁶ При этом внешне лидеры общины мало чем отличаются от сикхов-*халса* и от сикхов-ниранкари: они не стригут волосы, бороду и усы, носят тюрбан белого цвета. Единственное, что их выделяет – белый шарф, символизирующий продолжение

Отсыл к идеям сикхизма времен Нанака и первых гуру дают рассуждения о ненужности священных текстов:

Истинный Гуру не предписывает читать веды, Библию, Гуру-грантх, Коран³⁷ (*шабд* 80).

Автар Сингх неоднократно напоминает о бессмысленности самых популярных религиозных практик прежде всего паломничества, вновь и вновь повторяя, что главной целью *бхакта* должно быть безусловное служение «истинному Гуру», открывающему путь ко Всевышнему:

Паломничества, подаяния и исповеди теряют смысл у Твоего порога³⁸ (*шабд* 26).

Автар говорит так: склонись к ногам *самгуру* – и обретешь то, что дает омовение в 68 паломнических местах³⁹ (*шабд* 75).

Упоминание 68 паломнических мест, т.е. самых священных для индусов и сикхов локусов на берегах индийских рек, прежде всего, Ганги, многократно встречается в сикхской Гуру-грантх. Приведенная часть *шабда* фактически повторяет слова из священного текста сикхов – «слушать Божественное Слово – все равно, что совершить омовение в 68 *тиртхах* [местах паломничества]» – с той разницей, что в Гуру-грантх акцентируется общение с Всевышним, а в Автар-бани – с живым гуру.

Таким образом, семантическое «измерение» Автар-бани определяется обоснованием и восхвалением значимости «истинного Гуру» в лице действующих лидеров Миссии сант-ниранкари, а также ниспровержением того, что связано с другими религиями, прежде всего с сикхизмом. Конфликтность, по сути, была заложена уже в самом факте публикации Автар-бани: по убеждению сикхов-*халса*, книга, неправомерно задевавшая лексику и образы сикхизма и преподносившая их в искаженном виде, не имеет право на существование, как и само сообщество «ложных» ниранкари.

Перформативная функция Автар-бани, т.е. то, что по определению Дж. Ваттса, «касается исполнения написанного»⁴⁰, выступает

традиции и впервые, как считается, переданный Бутой Сингхом его преемнику Автару Сингху.

³⁷ *Saṁpūraṇ avtār bāṇī*. P. 38.

³⁸ *Ibid.* P. 15.

³⁹ *Ibid.* P. 37.

⁴⁰ *Watts J.W.* Op. cit. P. 15.

главным образом в форме устного воспроизведения⁴¹ священного текста. Это происходит на собраниях-*сатсангах*⁴²; предназначенные для них помещения сант-ниранкари именуют *бхаванами* (здание, дом; дворец), избегая понятия «храм»: поскольку Бесплотный присутствует повсюду, поклоняться ему можно где угодно. Ежедневные локальные *сатсанги*, равно как и большие ассамблеи-*самагамы*, которые сант-ниранкари с 1947 г. ежегодно проводят в Дели, а с 2012 г. также и за пределами Индии – в тех странах, где проживает много последователей миссии, начинаются и заканчиваются исполнением на панджаби *шабдов*, «обрамляющих» проповедь главы собрания.

Присутствующие в *бхаванах* сидят на полу, а на специальной платформе или помосте размещается один из последователей-*бхактов*, который руководит собранием. На этой же платформе в специальном кресле восседает, возвышаясь над всеми, еще один *бхакт*, который олицетворяет собой *сатгуру* – «истинного Гуру». За несколько минут до начала *сатсанга* «администратор» исполняет несколько гимнов из Автар-бани, затем при открытии мероприятия звучит вышеупомянутый *шабд* 1, в котором возносится хвала Всевышнему и перечисляются его эпитеты; его поют все участники *сатсанга*. Следующая часть *сатсанга* вариативна: желающие, в том числе дети, могут выступить перед собравшимися – прочитать молитву, стихотворение, произнести речь, иногда – разыграть заранее подготовленную небольшую сценку. В начале и конце любого выступления они обязательно произносят слова «дхан ниранкар». («Хвала/слава Бесплотному!») Далее все вместе исполняют *шабд*-преамбулу, в последней строфе которого упоминается Автар Сингх. Поскольку при исполнении *шабдов* последняя строфа всегда повторяется дважды, акцент на имени особенно заметен:

О, Всевышний – Праотец наш! Ты присутствуешь в каждой частице!
Ты – главный Творец, Предводитель и Повелитель!
Созерцая Тебя во всем окружающем, Автар возносит молитву Тебе.
Ты – Владыка владык, я [же] – смиреннейший из смиренных!⁴³

⁴¹ Дж. Ваттс отмечает, что перформанс священных текстов может выступать в двух формах: воспроизведение слов или сюжетов.

⁴² Санскр. *satsaṅg* – букв. «общение с хорошими, достойными людьми». Это понятие используется и в других индийских религиях в том же значении – «собрание последователей».

⁴³ *Śaṁpūraṇ avtār bāṇī*. P. 1.

Заключительным, самым важным и, как правило, самым продолжительным этапом *сатсанга* является проповедь «представителя» *сатгуру*, который чаще всего разъясняет какую-либо строку или гимн из Автар-бани. В ходе проповеди его помощник, руководящий собранием, с определенной периодичностью зачитывает эту строку или выдержки из соответствующего *шабда*. Таким образом, текст Автар-бани вербально воспроизводится на протяжении всего *сатсанга* и составляет его канву.

Что же касается **культовой**⁴⁴ **функции** Автар-бани, подразумевающей, что священный текст выступает качестве иконы, поскольку имеет конкретную физическую (книжную) форму, используется в различных ритуалах, а также несет определенный символизм⁴⁵, то она уходит на второй план по сравнению с семантикой и перформансом и не идет ни в какое сравнение с тем особым отношением, которого удостоивается сикхская Гуру-грантх⁴⁶, возведенная в ранг живого существа. Экземпляры Автар-бани хранятся в каждом *бхаване*, но не обожествляются и не выставляются на видное место для поклонения: как уже говорилось ранее, в тексте книги несколько раз говорится о ненужности священных текстов, которые «меркнут» перед живым словом «истинного Гуру». Последователи также объясняют отсутствие книги в *сатсанг-бхаванах* тем, что «как Всевышний не имеет видимой формы, так и книга со словами Автара [ее не имеет] – она [присутствует] в гимнах, которые звучат во время *сатсангов*»⁴⁷. Еще одна причина заключается, очевидно, в том что с начала 1980-х годов Миссия сант-ниранкари под руководством Хардева Сингха взяла курс на минимизацию противостояния с сикхами-*халса*, для которых физическая «аватара» слов Гуру играет первостепенную роль. Использование Автар-бани в таком качестве во время массо-

⁴⁴ Дж. Ваттс использует многозначный термин *iconic* – культовый, канонический, имиджевый, статусный и др. Под художественным отображением понимаются разные формы украшения священных книг: особые шрифты, иллюстрации (в том числе выполненные вручную), переплеты с тиснением, инкрустацией, драпировка тканью и пр.

⁴⁵ *Watts J.W.* Op. cit. P. 16.

⁴⁶ Поскольку Гуру-грантх считается живым существом, ее почитают по-особому. В гурдваре книга находится на специальном троне под паланкином; когда она не используется в ритуальных целях, на нее накрывают покрывало; вечером ее убирают в специальную комнату для «отдыха» и т.д.

⁴⁷ По материалам интервью в *сатсанг-бхаване* в Дели (Sant Nirankari Colony) 08.11.2017.

вых *сатсангов*, безусловно, воспринималось бы «мейнстримными» сикхами в качестве откровенной провокации и имело бы следствием нападения на *бхаваны* и прочие насильственные варианты расправы с «богохульниками».

В то же время книга Автар-бани хранится во многих домах сант-ниранкари. При этом в последние годы гораздо более популярными становятся ее электронные версии: Миссия сант-ниранкари широко использует все современные технологические возможности для продвижения своих идей, в том числе и для саморекламы, и – как у многих религиозных и псевдорелигиозных сообществ современной Индии⁴⁸ – в деятельности «Универсального Братства» очевидно смещение активности в интернет-пространство. Ориентированный прежде всего на диаспору англоязычный⁴⁹ сайт Миссии сант-ниранкари www.nirankari.org, предлагает, помимо сведений об истории, идеологических установках и гуманитарной деятельности общины, ссылки на проповеди лидеров сообщества, в особенности Хардева Сингха, стоявшего во главе сант-ниранкари с 1980 по 2016 г. Текст Автар-бани на английском и хинди открывается после заполнения детальной анкеты и регистрации на сайте: таким образом сант-ниранкари ограничивают открытый доступ к конфликтогенному тексту и одновременно получают адресную аудиторию для информационно-пропагандистских рассылок. Кроме этого, Автар-бани на тех же двух языках доступна для бесплатного скачивания на смартфоны; приложения дают возможность одновременно читать текст и слушать его исполнение. Наконец, на видеохостинге YouTube представлены многочисленные официальные и неофициальные ролики, на которых текст книги исполняется полностью⁵⁰.

Таким образом, «альтернативная» сикхскому тексту Гуру-грантх и откровенно провокационная книга Автар-бани уже более 60 лет успешно применяется последователями Буты Сингха и Авара Сингха для освящения деятельности Миссии сант-ниранкари. Уделяя максимальное внимание семантической и перформативной функциям книги, сант-ниранкари с осторожностью задействуют ее культовое

⁴⁸ См.: *Bochkovskaya A. Promoting Punjabi Deras' Ideologies Online: A Case of Dera Sacha Sauda // Religion and Technology in India: Spaces, Practices and Authorities / Ed. by Knut A. Jacobsen, Kristina Myrvold. Routledge South Asian Religion. Series Routledge. L.; N.Y., 2018. P. 164–182.*

⁴⁹ Вторая версия сайта доступна на немецком языке.

⁵⁰ См., например: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LG7mbzE6B0>; URL: https://www.youtube.com/watch?v=C_Hvo3JMnqQ (дата обращения: 01.02.2018).

«измерение», чтобы не доводить противостояние с сикхами-халса до крайней степени конфронтации. Вместе с тем использование Автар-бани в виртуальном пространстве, объединяющем Индию с диаспорами на всех континентах, хорошо коррелирует с рассуждениями руководителей сант-ниранкари о всеобщем единстве в формате «Универсального Братства», а также максимально расширяет охват аудитории, причем прежде всего ее молодежного сегмента, наиболее восприимчивого к технологическим инновациям.

* * *

В последние годы Миссия сант-ниранкари испытала ряд серьезных потрясений. В 2016 г. во время одного из зарубежных турне в автомобильной катастрофе погиб Хардев Сингх, после чего общину возглавила его вдова – Мата (мать) Савиндер Хардев; впервые в истории сант-ниранкари пост духовного лидера заняла женщина. Она формально выполняла функции *самгуру* до июля 2018 г., но затем, за несколько недель до кончины из-за тяжелой болезни, передала полномочия младшей дочери Судикше, чей супруг погиб в 2016 г. вместе с Хардевом Сингхом. Таким образом, 33-летняя Судикша Савиндер Хардев сейчас стоит во главе общины, деятельность которой пока что идет по накатанной колее.

Судикша не обладает ни харизмой своего отца, ни выраженными лидерскими и ораторскими способностями, поэтому вынуждена в еще большей степени опираться на авторитет своих предшественников, их слова и мысли. Одной из таких опор для нее стала опубликованная в 2017 г. книга на хинди под названием «Сампурна Хардев-бани» (*Sam̐pūrṇa Hardev bāṇī*, «Собрание изречений Хардева [Сингха]»), куда – по типу Автар-бани – вошел 301 гимн-*шабад* с упоминанием в каждой их последних строф имени прежнего главы сант-ниранкари. Цитаты из «Хардев-бани», как и неперенные выдержки из Автар-бани, Судикша Сувиндер Хардев включает в свои проповеди и выступления перед аудиторией: книга призвана, с одной стороны, чтить память ушедшего *самгуру* (хотя, вероятно, составлялась еще при его жизни и по его указанию), а с другой – насколько это возможно с помощью его имени – поддерживать имидж преемницы. Пока что трудно прогнозировать, как Миссия сант-ниранкари, исторически выстраивавшаяся вокруг авторитарных лидеров, продолжит функционировать. Но в любом случае, очевидно, что привлечение исходных и ритуализация новых «священных» текстов будет составлять неотъемлемую часть стратегии «Универсального

Братства», развивая и переводя в новые измерения имманентно присутствующий сикх-ниранкари конфликт с сикхской общиной.

Список литературы

1. Бочковская А.В. «Праведные дела» новых вероучителей Панджаба // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 4.
2. Бочковская А.В. «Истинные» и «ложные» ниранкари: особенности взаимоотношений с сикхской общиной // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2015. № 1.
3. Захарьин Б.А., Хохлова Л.В. «Джап Джи» Гуру Нанака в сикхской религиозной традиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1999. № 4.
4. Bochkovskaya A. Promoting Punjabi Deras' Ideologies Online: A Case of Dera Sacha Sauda // Religion and Technology in India: Spaces, Practices and Authorities / Ed. by Knut A. Jacobsen, Kristina Myrvold. Routledge South Asian Religion Series. Routledge. L.; N.Y., 2018.
5. Exposing the Sacrilegious Writings of The Sant Nirankari Mandal (The Nirankari Heresiology). Amritsar: Dharam Parchar Committee, SGPC, 1978.
6. Grewal J.S. A Study of Guru Granth Sahib. Doctrine, Social Content, History, Structure and Status. Amritsar: Singh Brothers, 2009.
7. Hukamnāme ādeś sādēś. Sri akāl takht sahib / Ed. by Roop Singh. Amritsar: Singh Brothers, 2003. (На панджаби)
8. McLeod W.H. Exploring Sikhism. Aspects of Sikh Identity, Culture, and Thought. ND: OUP, 2001.
9. McLeod W.H. Textual Sources for the Study of Sikhism. Manchester: Manchester University Press, 1984.
10. McLeod W.H. Who is a Sikh? The Problem of Sikh Identity // Sikhs and Sikhism. ND: OUP, 2006 (Third impression).
11. Nirankari Man Singh. Sikhism: A Perspective. Ludhiana: Unistar, 2008.
12. Oberoi H. The Construction of Religious Boundaries: Culture, Identity, and Diversity in the Sikh Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
13. Ram R. The genealogy of a Dalit faith: The Ravidassia Dharm and caste conflicts in contemporary Punjab // Contributions to Indian Sociology. 2017. Vol. 51 (1).
14. Saṃpūraṇ avtār bāṇī. Delhi: Avtar Printers Nirankari Colony, 1977.
15. Sant Nirankari Mission. Official website. URL: <http://www.nirankari.org> (На панджаби)
16. Singh G. Sikhism and the Nirankari Movement. Chandigarh: Youngmen's Nirankari Association, 1980.
17. Singh Kh. A History of the Sikhs. Vol. II: 1839–2004. New Delhi: OUP, 2008 (Seventh Impression).
18. Singh H. Genesis of Sikh-Nirankari Tussle. Amritsar: Dharam Parchar Committee (Shiromani Gurdwara Parbandhak Committee), 6.r.
19. Singh P. Re-imagining Sikhi (“Sikhness”) in the Twenty-First Century: Towards a Paradigm Shift in Sikh Studies // Re-imagining South Asian Religions / Eds Pashaura Singh and Michael Hawley. Leiden: Brill, 2013.
20. The Encyclopedia of Sikhism / Ed. Harbans Singh. Patiala: Punjabi University, 1998. Online edition. URL: <http://www.learnpunjabi.org/eos/>
21. Watts James W. The Three Dimensions of Scriptures // Iconic Books and Texts / Ed. by James S. Watts. Sheffield, Bristol: Equinox, 2013.
22. Webster J.C.B. The Nirankari Sikhs. Madras: The Macmillan India Press, 1979.

Anna V. Bochkovskaya

**THE AVTAR BANI: A CONTROVERSIAL TEXT
OF THE UNIVERSAL BROTHERHOOD**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The *Avtar Bani* represents a sacred text of the Sant Nirankari Mission (“Universal Brotherhood”) – one of pseudo-religious communities in contemporary India. The Shiromani Gurdwara Parbandhak Committee includes Sant Nirankaris in their list of most “dangerous” organizations undermining religious and moral values of the Sikhs. In 1978, Sant Nirankaris’ standoff with Khalsa Sikhs evolved into a large-scale violence that further aggravated the political and religious crisis in the Indian state of Punjab. Since the 1980s, Sant Nirankaris have resorted to different tactics through focusing on socio-economic and humanitarian projects both in India and overseas; as a result their immanent conflict with Khalsa Sikhs became ostensibly less violent. An analysis of *Avtar Bani*’s semantic, performative and iconic dimensions (Watts 2013) presented in this paper allows a better understanding of the ongoing irreconcilable dispute between Sant Nirankari Mission and mainstream Sikhs.

Key words: Sikhism; Nirankari Sikhs; Sant Nirankari Mission; Avtar Bani.

About the author: Anna V. Bochkovskaya – Associate Professor in the Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anna.bochkovskaya@gmail.com).

References

1. Bochkovskaya A. Promoting Punjabi Deras’ Ideologies Online: A Case of Dera Sacha Sauda. *Religion and Technology in India: Spaces, Practices and Authorities*. Ed. by Knut A. Jacobsen, Kristina Myrvold. Routledge South Asian Religion Series. Routledge London, New York, 2018.
2. Bochkovskaya A.V. “Istinniye” i “lozhniye” nirankari: osobennosti vzaimootnosheniy s sikhskoi obschinoi (“True” and “Fake” Nirankaris: Relations with the Sikh Community). *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Seriya 13 (Vostokovedeniye). 2015. № 1.
3. Bochkovskaya A.V. “Pravednye dela” novykh verouchitelei Panjaba (“True Deals” of Punjab’s Neo-Gurus). *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Seriya 13 (Vostokovedeniye). 2008. № 4.
4. *Exposing the Sacrilegious Writings of The Sant Nirankari Mandal (The Nirankari Heresiology)*. Amritsar: Dharam Parchar Committee, SGPC, 1978.
5. Grewal J.S. *A Study of Guru Granth Sahib. Doctrine, Social Content, History, Structure and Status*. Amritsar: Singh Brothers, 2009.
6. *Hukamnāme ādeś sañdeś. Sri akāl takht sāhib*. Ed. by Roop Singh. Amritsar: Singh Brothers, 2003. (In Punjabi)
7. McLeod W.H. *Exploring Sikhism. Aspects of Sikh Identity, Culture, and Thought*. ND: OUP, 2001.

8. McLeod W.H. *Textual Sources for the Study of Sikhism*. Manchester: Manchester University Press, 1984.
9. McLeod W.H. Who is a Sikh? The Problem of Sikh Identity. *Sikhs and Sikhism*. ND: OUP, 2006 (Third impression).
10. Nirankari Man Singh. *Sikhism: A Perspective*. Ludhiana: Unistar, 2008.
11. Oberoi H. *The Construction of Religious Boundaries: Culture, Identity, and Diversity in the Sikh Tradition*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
12. Ram R. The genealogy of a Dalit faith: The Ravidassia Dharm and caste conflicts in contemporary Punjab. *Contributions to Indian Sociology*. 2017. Vol. 51 (1).
13. *Sampūraṇ avtār bāṇī*. Delhi: Avtar Printers Nirankari Colony. 1977. (In Punjabi)
14. *Sant Nirankari Mission*. Official website. URL: <http://www.nirankari.org>
15. Singh G. *Sikhism and the Nirankari Movement*. Chandigarh: Youngmen's Nirankari Association, 1980.
16. Singh Kh. *A History of the Sikhs*. Volume II: 1839–2004. New Delhi: OUP, 2008 (Seventh Impression).
17. Singh H. *Genesis of Sikh-Nirankari Tussle*. Amritsar: Dharam Parchar Committee (Shiromani Gurdwara Parbandhak Committee), 6.r.
18. Singh Pashaura. Re-imagining *Sikhi* (“Sikhness”) in the Twenty-First Century: Towards a Paradigm Shift in Sikh Studies. *Re-imagining South Asian Religions*. Eds Pashaura Singh and Michael Hawley. Leiden: Brill, 2013.
19. *The Encyclopedia of Sikhism*. Ed. Harbans Singh. Patiala: Punjabi University, 1998. Online edition.URL: <http://www.learnpunjabi.org/eos/>
20. Watts James W. The Three Dimensions of Scriptures. *Iconic Books and Texts* (ed. by James S. Watts). Sheffield, Bristol: Equinox, 2013.
21. Webster J.C.B. *The Nirankari Sikhs*. Madras: The Macmillan India Press, 1979.
22. Zakharyin B.A., Khokhlova L.V. “Jap ji” Guru Nanaka v sikhskoi religioznoi traditsii (Guru Nanak’s Japji in the Religious Tradition of the Sikhs. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Seriya 13 (Vostokovedeniye). 1999. № 4.

Д.Е. Мишин

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СРАЖЕНИЯ ПРИ ЗӰ ҚАРЕ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12*

Настоящая работа посвящена знаменитому сражению при ЗӰ Қаре, в котором арабы из племенного объединения БанӰ Бакр Ибн Уа'иль нанесли поражение войску сасанидского царя Хосрова II Парвиза (591–629). Его датировка остается спорной. На основе некоторых новых материалов сражение можно отнести к лету 602 г. Это позволяет скорректировать хронологию сасанидских наместников Хиры, в частности, установить, что второе правление Ий'аса Ибн Қабйсы пришлось на период начала – середины 602 г.

Ключевые слова: доисламская Аравия; ЗӰ Қар; Ий'ас Ибн Қабйса; Сасаниды, Хосров II Парвиз.

Битва при ЗӰ Қаре, в которой ополчение арабского племенного объединения БанӰ Бакр Ибн Уа'иль (бакритов) нанесло поражение войску Сасанидов, состоявшему из подчиненных им арабов и двух персидских отрядов, – яркая страница истории доисламской Аравии. Абу 'Убайда Ма'мар Ибн аль-Мусаннā (ум. в 824/25 или 828/29 г.), составивший знаменитый трактат «Памятные дни арабов» (*аййām аль-'араб*), называл битву при ЗӰ Қаре одним из трех величайших сражений в истории арабов доисламского периода¹. Средневековые мусульманские авторы – а рассказы о битве сохранили только они – подробно говорят о ней², но дают разные датировки:

Мишин Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (e-mail: mde@mts.ru).

¹ аль-'Умда фй махāсин аш-ши'р уа āдāби-хи уа нақди-хи. Та'лйф ... *Ибн Рашиқ* аль-Қайрауāни аль-Аздй [[Книга, подобная] опоре, о достоинствах стихосложения, его искусстве и об отделении в нем хорошего от дурного. Сочинение ... *Ибн Рашиқ* аль-Қайрауāни аль-Аздй] / Изд. М.М. 'Абд аль-Хамйид. Бейрут: Дār аль-джйль, 1981. Ч. 2. С. 203.

² В основном эти рассказы – переложения известий АбӰ 'Убайды и другого известного знатока древностей, Хишāма аль-Кальбй (род. ок. 737 г., ум. в 819 или 821 г.). Наиболее полные сообщения см.: *Annales quos scripsit ... at-Tabari* / Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Lugduni Batavorum, 1881–1882. P. 1029–1036; *Gedichte von 'Abū Baṣīr Maimūn Ibn Qays al-'Aṣā* / Hrsg. R. Geyer. L.: Luzac & Co, 1928. S. 179–183; аль-Кāмиль фй-т-тāрих ли ... *Ибн аль-Асйр* [Совершенное изложение истории ...

- в год начала пророческой миссии Мухаммада³;
- после начала пророческой миссии Мухаммада⁴;
- на третьем году пророческой миссии Мухаммада⁵;
- до переселения Мухаммада в Медину⁶;

Ибн аль-Асйра] / Изд. А. 'А. аль-Қāди. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-'ильмийя, 1987. С. 374–380; Китāб аль-ағāнй ли ... *Абй-ль-Фарадж аль-Исфакхāнй* [Книга песен ... Абй-ль-Фараджа аль-Исфакхāнй] / Изд. А. аш-Шинқйтй. Каир, 1905. Ч. 20. С. 132–138; Китāб аль-'икд аль-фарйд. Та'лиф ... *Ибн 'Абд Раббихи аль-Андалусй* [Книга, [подобная] неповторимому ожерелью. Сочинение ... Ибн 'Абд Раббихи аль-Андалуси] / Изд. А. Амйн, А. аз-Зайн, И. аль-Абйārй. Каир: Ладжнат ат-та'лиф уа-т-тарджама уа-н-нашр, 1965. Ч. 5. С. 262–264; Китāб аль-манāкиб аль-мазийадиййя фй ахбār аль-мулūk аль-асадиййя. Та'лиф ... *аль-Хиллй* [Книга достоинств мазйадитов об истории асадитских царей. Сочинение ... аль-Хиллй] / Изд. Ҷ.М. Дарāдика, М. 'А. Харйсāt. Амман: Мактабат ар-рисāла аль-ҳадйса, 1984. С. 423; Масāлик аль-абсār фй мамāлик аль-амсār ли ... *аль-'Умари* [Пути взоров по царствам в [разных] странах ... аль-'Умарй]. Ч. 25 / Изд. К. аль-Джабурй, М. ан-Наджм. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-'ильмийя, 2010. С. 128–130; аль-Махāсин уа-ль-масāуй. Та'лиф ... *аль-Байхақй* [Достоинства и пороки. Сочинение ... аль-Байхақй] / Изд. 'А. 'Али. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-'ильмийя, 1999/2000. С. 86–88; Му'дjam аль-бульдāн ли ... *Йāқўт* [Справочник по странам и поселениям ... Йāқўта]. Т. 4. Бейрут: Дār Ҷāдир, Дār Байрўт, 1957. С. 293–295; Нихāйят аль-араб фй ахбār аль-фурс уа аль-'араб [Предел желания в [изложении] истории персов и арабов] / Изд. М.Т. Дāнешпэжўх. Тегеран: Анджоман-и-āsār ва мафāхир-и-фархангй, 1996/97. С. 418–422; Нихāйят аль-араб фй фунўн аль-адаб. Та'лиф ... *ан-Нувайрй* [Предел желания в искусствах словесности. Сочинение ... ан-Нувайрй]. Ч. 15–16 / Изд. Йй. ат-Тауйль, 'А.М. Хāшим. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-'ильмийя, 2004. С. 329–332; ар-Рауд аль-ми'тār фй ҳабар аль-ақтār. Та'лиф ... *аль-Химьярй* [[Книга, подобная] благоухающему саду, с известиями об областях. Сочинение ... аль-Химьяри] / Изд. И. 'Аббās. Бейрут: Мактабат Лубнāн, 1984. С. 260–262; Тарджомэ-йе-Тāрйх-и-Табари аз ... *Бал 'амй* (қисмат-и-марбўт бе Йрāн) [Перевод Истории ат-Табари, [сделанный] Бал'амй (часть по истории Ирана)] / Изд. М. Дж. Машкўр. Тегеран: Чāпхāне-йе-Хайдарй, 1959. С. 229–235; Тāрйх Ибн Халдўн аль-мусаммā Дйуāн аль-мубтада' уа аль-ҳабар фй тāрйх аль-'араб уа аль-барбар уа ман 'āsара-хум мин зауй аш-ша'н аль-акбар. Та'лиф ... *Ибн Халдўн* [История Ибн Халдўна, называемая «Собрание тем и сообщений по истории арабов, берберов и их современников из числа обладателей высочайшего положения». Сочинение ... Ибн Халдўна] / Изд. Х. Шахāда. Бейрут: Дār аль-фикр аль-'арабй, 2000. Ч. 2. С. 320–322; Шарх нақā'ид Джарйр уа аль-Фараздақ [Объяснение [стихотворных] препирательств Джарйра и аль-Фараздақа] / Изд. М.И. Хувар, У.М. Хāлис. Абу Даби: аль-Маджма' ас-сақāфй, 1994. С. 791–797.

³ Масāлик аль-абсār ... Ч. 25. С. 129.

⁴ аль-Кāмиль ... С. 379.

⁵ Тāрйх Ибн Халдўн ... Ч. 2. С. 325.

⁶ Китāб аль-муҳаббар ли ... Мухаммад *Ибн Хабйб* [Книга изящного [повествования] ... Мухаммада Ибн Хабйба] / Изд. Е. Lichtenstädter. Хайдарабад: Дā'ират аль-ма'āриф аль-'усмāнийя, 1942. С. 360.

- в год переселения Мухаммада из Мекки в Медину⁷;
- через год после смерти ан-Ну‘мāна, который умер примерно в год переселения Мухаммада из Мекки в Медину⁸;
- через 40 лет после рождения Мухаммада и после начала его пророческой миссии или после его переселения из Мекки в Медину⁹;
- через 40 лет после рождения Мухаммада или в год первой битвы при Бадре¹⁰;
- через два месяца после сражения при Бадре¹¹;
- через 4 или 5 месяцев после сражения при Бадре¹²;
- через несколько месяцев после сражения при Бадре¹³;
- между битвами при Бадре и Ухуде¹⁴.

Эти указания расходятся с рассказами о сражении. Согласно им последний лахмидский правитель Хиры ан-Ну‘мāн III, попав в опалу у сасанидского царя Хосрова II Парвиза (591–629), скрылся в пустыне и, скитаясь там, оставил родственников, а также немало оружия и доспехов у Хāни’ Ибн Қабйсы (или его деда Хāни’ Ибн Мас‘ӯда), вождя сильного племени Банӯ Шайбāн, принадлежавшего к объединению Банӯ Бакр Ибн Уā’иль. Впоследствии ан-Ну‘мāн отправился к Хосрову, надеясь получить прощение, но был либо казнен, либо заточён в темницу, где и умер. Хāни’ не выдал оружие и доспехи по требованию Хосрова, что и стало причиной похода сасанидских

⁷ аль-Махāсин ... С. 87; Нихāйят аль-араб ... 1996/97. С. 420; Тарджомэ ... С. 233.

⁸ Китāб аль-манāқиб ... С. 158. Ан-Ну‘мāн – лахмидский правитель ан-Ну‘мāн III (см. далее).

⁹ аль-Мас‘ӯдй. Мурӯдж аз-захаб уа ма‘āдин аль-джаухар [Промывальни золота и рудники драгоценных камней] / Изд. Ch. Pellat. Ч. 1. Бейрут: аль-Джāми‘а аль-лубнāнийя, 1966. С. 319–320.

¹⁰ Китāб аль-масāлик уа аль-мамāлик ли ... аль-Бакрй [Книга путей и государств ... аль-Бакрй] / Изд. A.P. Van Leuwen, A. Ferré. Тунис: ад-Дār аль-‘арабийя ли-ль-китāб, аль-Му‘ассаса аль-уағанийя ли-т-тарджамā уа-т-тахқйқ уа-д-дирāсāt, 1992. С. 293; Тārйх Абй-ль-Фидā’ аль-мусаммā аль-Мухтасар фй ахбār аль-башар. Та’лйф ... Абй-ль-Фидā’ [История Абӯ-ль-Фидā’, называемая «Сокращенное изложение истории человечества»]. Сочинение ... Абӯ-ль-Фидā’] / Изд. М. Даййуб. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-‘ильмийя, 1997. Ч. 1. С. 131.

¹¹ Китāб аль-манāқиб ... С. 158, 422.

¹² Ibn-Wādhīh qui dicitur *al-Ja‘qubī* Historiae pars altera historiam islamicam continens / Ed. M.Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883. P. 47.

¹³ Китāб аль-ағāнй ... Ч. 20. С. 128; Китāб аль-масāлик ... С. 293; Нашуат ат-тараб фй тārйх джāхилийят аль-‘араб. Та’лйф Ибн Са’йд аль-Андалусй [Приносящая упоение [книга] об истории арабов времени джахилийи. Сочинение Ибн Са’йда аль-Андалусй]. Амман: Мактабат аль-ақсā, 1982. С. 608; ар-Рауд ... С. 262.

¹⁴ Китāб аль-ағāнй ... Ч. 20. С. 135.

войск, завершившегося сражением при Зў Қаре¹⁵. Время правления ан-Ну‘мāна III должно было подойти к концу в первые месяцы 601 г.¹⁶ Поскольку Хосров, хорошо осведомленный о положении дел у арабов, быстро узнал об оставленном в пустыне оружии, поход сасанидских войск должен был состояться вскоре после окончания правления ан-Ну‘мāна. Эту точку зрения высказал уже Т. Нёльдеке¹⁷; Г. Ротштайн, рассуждая также на уровне гипотезы, предложил 604 г.¹⁸ Эту, по сути, догадку восприняла Н.В. Пигулевская, которая со ссылкой на Т. Нёльдеке (фактически – на Г. Ротштайна) писала, что, скорее всего, битва произошла летом, вероятно, в 604 г.¹⁹ В наше время И. Тораль-Нихофф считает датой сражения 602 г.²⁰

Но есть еще один временной ориентир, следование которому приводит к иным выводам. В рассказах о битве при Зў Қаре предводителем сасанидского (объединенного арабо-персидского) войска называется Ийās Ибн Қабйса. Этот вождь из арабского племени Тāййи’ к тому времени служил Сасанидам более четверти века, на переломе 578 и 579 гг. несколько месяцев управлял Хирой, а в 591 г. помог Хосрову II бежать в Византию от полководца Варахрана Чубина, захватившего власть. После окончания правления ан-Ну‘мāна III Ийās был назначен наместником бывших владений Лахмидов. Такие авторитетные авторы, как Муḥаммад Ибн Ḥабйб (ум. в 860 г.), ат-Ṭабарй (838/839–923), аль-Мас‘ūdй (ум. в 956/57 г.), Бйрўнй (973–1048) и Ибн Ḥалдўн (1332–1406), полагали, что Ийās правил в Хире 9 лет²¹. Ḥамза аль-Исфāхāнй (род. ок. 893 г., ум. между 961 и 970/71 гг.) отводил Ийāсу 7 лет правления²². Это указание можно было бы считать ошибкой переписчика, спутавшего سبع, семь, и تسع, девять, однако то же самое мы находим у Ибн Са’йда

¹⁵ См. прим. 2.

¹⁶ Мишин Д.Е. История государства Лахмидов. М., 2017. С. 42. Ср. *Toral-Niehoff I. Al-Ḥīra. Eine arabische Kulturmetropole im spätantiken Kontext.* Leiden; Boston: Brill, 2014. S. 223 (дата окончания правления ан-Ну‘мāна III – 602 г.).

¹⁷ *Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden.* Leyden, 1879. S. 347. Anm. 1.

¹⁸ *Rothstein G. Die Dynastie der Laḥmiden in al-Ḥīra.* Berlin, 1899. S. 123.

¹⁹ Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана. М.; Л., 1964. С. 122 и прим. 5 на ней.

²⁰ *Toral-Niehoff I.* S. 64, 131.

²¹ *Annales ...* P. 1038; *Garbers K.* S. 54; аль-Мас‘ūdй. Ч. 2, с. 229; *Kitāb аль-муḥаббар ...* С. 360; *Ṭāriḫ Ибн Ḥалдўн ...* Ч. 2. С. 321.

²² *Kitāb ṭāriḫ сунй мулўк аль-ард уа-ль-анбийā’*. Та’лйф Ḥамза ... аль-Исфāхāнй [История лет царей земли и пророков. Сочинение Ḥамзы ... аль-Исфāхāнй]. Berlin: Kavianī G.m.b.H., 1921/22. С. 74.

(1213/14–1286/87), пользовавшегося трудом Хамзы²³. Отдельно стоит сообщение Ибн Қутайбы (828/29–889/90), согласно которому Ийās правил всего восемь месяцев²⁴. Обычно исследователи исходят из того, что правление Ийāса Ибн Қабīсы заняло семь или девять лет, и помещают сражение при Зў Қаре в этот временной отрезок²⁵.

Ориентироваться на правление Ийāса Ибн Қабīсы в Хире в принципе правильно, но это должно соответствовать историческому контексту. Командуя сасанидскими войсками, Ийās проиграл сражение, в результате чего один арабский отряд даже вторгся в Савад – южную часть междуречья Евфрата и Тигра, одну из самых богатых областей Сасанидской державы²⁶. Согласно ряду известий после битвы Ийās явился к Хосрову и, опасаясь кары за плохие известия (тому, кто их приносил, вырывали руки из плечевых суставов), солгал царю, сообщив, что его войско одержало победу²⁷. В Сасанидской державе полководец, потерпевший поражение, мог подвергнуться наказанию; ложь в зороастрийской культуре считалась грехом. Хосров II был известен подозрительностью и к арабам относился в целом недоверчиво. Ийās тоже не мог избежать подозрений: Хāни’ Ибн Қабīса был его братом. Согласно одному рассказу Хосров до начала похода заподозрил Ийāса в симпатиях к бакритам²⁸. Во время сражения часть арабов из сасанидского войска, договорившись с бакритами, покинула поле боя, и при желании Ийāса можно было обвинить в том, что он попустительствовал измене. Более того, Ийās, сообщив Хосрову о якобы одержанной победе, не вернулся на свое место в Хиру, но попросил разрешения проведать больного брата и, получив его, уехал в ‘Айн ат-Тамр²⁹, где прежде был наместником. Фактиче-

²³ Нашуат ... С. 285.

²⁴ аль-Ма’āриф ли *Ибн Қутайба* [[Книга] знаний Ибн Қутайбы] / Изд. С. ‘Укāша. Каир: Дār аль-ма’āриф, 1981. С. 650.

²⁵ См., например: *Hoyland R.G. Arabia and the Arabs. From the Bronze Age to the Coming of Islam*. L.; N.Y.: Routledge, 2001. P. 30; *Huart Cl. Histoire des Arabes*. T. I. Paris, 1912. P. 70–71; *Veccia Vaglieri L. Dhū Kār // The Encyclopaedia of Islam* / Ed. B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht. Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1991. P. 241; *Таққўш М.С. Тāрих аль-‘араб қабла-ль-ислām* [История арабов до ислама]. Бейрут: Дār ан-нафā’ис, 2009. С. 404.

²⁶ Китāб аль-ағāни ... Ч. 20. С. 138; Китāб аль-‘иқд ... Ч. 5. С. 264; Масāлик аль-абсār ... Ч. 25. С. 130; Нихāйят аль-араб ... 2004. С. 331.

²⁷ Китāб аль-‘иқд ... Ч. 5. С. 264–265; Китāб аль-манāқиб ... С. 524; Масāлик ... Ч. 25. С. 130; Нихāйят аль-араб ... 2004. С. 331.

²⁸ *Gedichte* ... S. 180; Китāб аль-ағāни ... Ч. 20. С. 134.

²⁹ *Gedichte* ... S. 181; Китāб аль-ағāни ... Ч. 20. С. 138; Китāб аль-‘иқд ... Ч. 5. С. 264; Китāб аль-манāқиб ... С. 524; Масāлик аль-абсār ... С. 130; Нихāйят аль-араб ... 2004. С. 331.

ски Ийās, понимая, что больше не сможет вернуться к Хосрову, стал скрываться, что немногим ранее делал ан-Ну‘мāн III.

Всё сказанное говорит в пользу того, что Хосров II сместил Ийās вскоре после битвы при Зў Қāре³⁰.

Важный хронологический ориентир обнаруживается у Ибрāхима аль-Байхақī (ум. в 932/933 г.). Он дает подробный рассказ о битве при Зў Қāре, который заканчивается так: узнав о поражении, Хосров раздал воинам оружие и отправил их сражаться с бакритами, однако в это время ромейские (т.е. византийские) вельможи выступили против императора и убили его. Это отвлекло Хосрова, и он не стал воевать с бакритами³¹. Аналогичное сообщение в несколько более подробном виде обнаруживается и в трактате неизвестного автора «Предел желаний в истории персов и арабов»; оно заканчивается тем, что Хосров повернул против ромеев войска, которые готовились идти на бакритов³².

Книга «Предел желаний в истории персов и арабов» была издана в 1996/97 гг. Прежде ученые довольствовались ее сокращенным английским пересказом, опубликованным в 1900 г. Данный фрагмент не вошел в пересказ; есть лишь упоминание о печали и гнев персидского царя по поводу битвы при Зў Қāре³³. Новое издание позволяет считать, что данный рассказ – не вымысел аль-Байхақī, на труде которого автор «Предела желаний», по-видимому, не основывался, а заимствование из общего источника, пока не установленного.

Описываемые события в державе ромеев – мятеж конца 602 г., который завершился свержением византийского императора Мав-

³⁰ Эту точку зрения (правда, с иной датировкой рассматриваемых событий) автор предложил в одной из более ранних работ (*Мишин Д. Е.* Резня тамимитов в аль-Мушаккаре (начало VII в.) // Восток. 2015. № 6. С. 11). Прежде такое предположение высказал Г. Ротштайн (*Rothstein G. ...* S. 123. Anm. 2). Однако в его труде оно основано только на упоминаниях источников о гневе Хосрова и бегстве Ийās, а также на том, что девять лет правления последнего должны были истечь в 611 г. – в год, когда, согласно А.П. Коссэну де Персевалю, состоялось сражение при Зў Қāре. Датировка А.П. Коссэна де Персевала основана на сведениях аль-Мас‘ūdī и Абў-ль-Фидā’, представленных в прим. 9, 10 (*Caussin de Perceval A.P.* Essai sur l’histoire des Arabes avant l’islamisme, pendant l’époque de Mahomet et jusqu’à la réduction de toutes les tribus sous la loi musulmane. Paris, 1847. Т. II. Р. 184). Сам Г. Ротштайн считал эту гипотезу ненадежной и, как отмечено выше, предлагал датировать сражение 604 г.

³¹ аль-Маḥāsин ... С. 88.

³² Нихāйят аль-араб ... 1996/97. С. 423.

³³ *Browne E. G.* Some Account of the Arabic work entitled “Nihāyatu’l-irab fi akhbāri’l-Furs wa’l-‘Arab,” particularly of that part which treats of the Persian Kings // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1900. P. 250.

рикии (582–602) и приходом к власти узурпатора Фоки (23 ноября). По словам Феофана Исповедника, (род. в 759 или 760 г., ум. в 818 г.) Хосров начал войну в 6096 г. от сотворения мира или на седьмом году индикта (1 сентября 603 – 31 августа 604)³⁴. Георгий Кедрин (писал в 50-е годы XI в.) относит начало войны ко второму году правления Фоки³⁵, т.е. к периоду 23 ноября 603 – 22 ноября 604. В сирийской истории последних Сасанидов неизвестного автора («аноним Гвиди»), мы читаем, что Хосров выступил с большим войском на войну с ромеями зимой³⁶. Сопоставляя эти сведения, мы можем считать, что война началась ранней весной 604 г. Однако решение начать войну Хосров, очевидно, принял раньше. Вступив на престол, Фока по обычаю известил об этом сасанидского царя, направив к нему посольство. Согласно Феофилакту Симокатте (I половина VII в.) это произошло на пятом месяце правления Фоки³⁷, т.е., вероятнее всего, в конце марта 603 г. Хосров велел взять посла под стражу и направил Фоке неуважительный ответ; у Феофана сообщение об этом помещено под 6095 г.³⁸ (1 сентября 602 – 31 августа 603), но речь, несомненно, идет о весне 603 г. Вероятно, тогда Хосров принял решение о войне против Фоки и начал подготовку к ней. Войска потребовались ему не в Аравии, а на другом направлении.

Если сражение при 3ṯ Qāre состоялось раньше весны 603 г., единственный способ примирить сообщения источников – допустить, что время правления Ийāса Ибн Қабйсы в Хире – 8 месяцев, как утверждает Ибн Қутайба. То, что правление Ийāса Ибн Қабйсы было недолгим, видно и по другим сведениям. Ибн Халдүн повествует, что Хосров II, казнив ан-Ну‘мāна, назначил на его место Ийāса Ибн Қабйсу. Однако арабы не подчинялись Ийāсу и гневались на него из-за смерти ан-Ну‘мāна. Далее следуют краткие сообщения о победе арабов над персами при 3ṯ Qāre и смерти Ийāса³⁹. Создается впечатление, что все эти события произошли быстро: Хосров не стал бы терпеть длительное безвластие своего наместника над арабами.

³⁴ *Theophanis Chronographia*. Vol. I. Bonnae, 1839 (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 39). P. 451–452.

³⁵ Georgius Cedrenus. T. I. Bonnae, 1838 (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 34). P. 710.

³⁶ *Chronica minora. Pars prior* (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores syri. Textus. Ser. III, t. 4) / Ed. I. Guidi. Parisiis, Lipsiae, 1903. P. 20–21.

³⁷ *Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo*. Bonnae, 1834 (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 22). P. 345.

³⁸ *Theophanis Chronographia*. Vol. I. P. 450.

³⁹ Тāйх Ибн Халдүн ... Ч. 2. С. 325.

Автор «Сииртской хроники» (XI в.), хорошо осведомленный о делах в Хире, вообще не упоминает о правлении Ийāса Ибн Қабīсы и сообщает, что Хосров назначил наместником полководца, написание имени которого как оно приведено в издании (سولر) явно искажено, но всё еще дает возможность распознать исходную форму – النخيرجان (ан-Нахйрджāн, Нахварган)⁴⁰. Ат-Ṭабарī и Ҳамза аль-Исфāхāнī отмечают, что Ийāс правил в Хире вместе с персидским вельможей, именуемым ан-Нахйрджāн⁴¹. Видимо, девять (или семь) лет – период, который начался как совместное правление Ийāса и Нахваргана и закончился с отзывом или смертью последнего уже тогда, когда таййитского вождя не было в живых. Далее источники сообщают, что Хосров, принимая решение о походе, последовал совету одного арабского вождя из племенного объединения Банū Тағлиб, ан-Ну‘мāна Ибн Зур‘ы, который предлагал напасть на бакритов летом, когда они, гонимые жарой, выйдут из пустыни и приблизятся к сасанидским владениям⁴². В другом фрагменте, восходящем к Абū ‘Убайде, указывается, что сражение пришлось на жаркий летний день⁴³. Если на этом основании относить битву при Зū Қāре, например, к июлю или началу августа 602 г., получается следующее. Летом сасанидские цари обычно пребывали в Мидии, путь до которой от Хиры занимал примерно три недели⁴⁴. В связи с этим решение о смещении Ийāса Хосров II принял не раньше, чем через месяц после сражения. До Хосрова еще должны были доехать сначала Ийāс, а затем тот, от кого царь узнал правду об исходе битвы. Еще какое-то время понадобилось для того, чтобы о царском повелении узнали в Хире. Чтобы определить время начала правления Ийāса Ибн Қабīсы в Хире, из июля 602 г. следует отступать примерно на шесть месяцев. Тогда получается, что Ийас получил назначение и прибыл в Хиру в качестве наместника примерно в начале 602 г.

Получив в августе-сентябре 602 г. известие о сражении, Хосров II мог начать планировать карательную экспедицию. Но было понятно: сбор войска займет время; затем начнется осень, и бакриты уйдут в пустыню. В связи с этим поход против бакритов, если Хосров дей-

⁴⁰ Histoire nestorienne (Chronique de Séert) / Ed. A. Scher. Seconde partie, fasc. 2 (*Patrologia Orientalis*, t. XIII). Paris: Firmin-Didot et Cie, 1919. P. 546.

⁴¹ См. ссылки в прим. 21, 22.

⁴² Annales ... P. 1030; аль-Кāмилъ ... С. 378; Китāб аль-‘иқд ... Ч. 5. С. 262; Китāб аль-манāқиб ... С. 409; Тарджомэ ... С. 230; Нихāйят аль-араб ... 2004. С. 329–330; ар-Raуд ... С. 261; Шарх ... С. 792.

⁴³ Шарх ... С. 796.

⁴⁴ Мишин Д.Е. 2017. С. 29.

ствительно задумал его, должен был состояться летом 603 г., когда можно было вновь сразиться на том же месте. Однако весной 603 г. стало ясно, что война будет не с бакритами, а с Византией.

Эта реконструкция событий позволяет воссоздать окончание правления ан-Ну‘мāна III. Согласно наиболее раннему источнику, «анониму Гвиди», Хосров позвал ан-Ну‘мāна на пир, где последнего «потчевали» хлебом из соломы, явно не в соответствии с его рангом, как человека низкого звания. Затем арабы-ма‘аддиты, видимо, по призыву ан-Ну‘мāна, стали нападать на сасанидские владения. Ан-Ну‘мāна в это время уже не было при Хосрове, так как последний уговаривал его вернуться. Наконец ан-Ну‘мāн отправился к Хосрову и был предан смерти по его приказу⁴⁵.

Позвать ан-Ну‘мāна на пир Хосров II мог только если оба находились в одном и том же месте. Вероятно, это произошло во время одной из поездок к сасанидскому двору, которые лахмидские правители совершали ежегодно, осенью-зимой, когда царь находился в Ктесифоне. Видимо, зимой 600–601 гг. Хосров II, принимая ан-Ну‘мāна во время одной из таких поездок, дал ему понять, что он в опале и может быть смещен или казнен (выражением этого был хлеб из соломы). Вернувшись в Хиру, ан-Ну‘мāн ушел в пустыню, причем тем, кто вел хирские исторические записи, было ясно, что его правление подошло к концу⁴⁶. Оно составило 22 года, как сообщают мусульманские авторы, с первых месяцев 579 г. по первые месяцы 601 г.

Несколько месяцев ситуация была неопределенной. Ан-Ну‘мāн пребывал в пустыне, возможно, не будучи еще смещен. Момент истины должен был настать осенью, когда подошло время очередной поездки. Ан-Ну‘мāн, который под разными предлогами уклонялся от того, чтобы явиться ко двору, более не мог вести такую игру. В рассказах о возвращении ан-Ну‘мāна ко двору есть упоминание о том, как он пересекал мост через Тигр, направляясь в Ктесифон⁴⁷. Это

⁴⁵ *Chronica minora*. P. 20.

⁴⁶ По словам мусульманских авторов ан-Ну‘мāн укрылся в пустыне после того, как получил приказ Хосрова II явиться ко двору (*Annales* ... P. 1027; аль-Кāмиль ... С. 378; Китāб аль-ағāни ... Ч. 2. С. 28) или после того, как сасанидский царь приказал Ийāсу Ибн Қабйсе привезти его силой (аль-Махāсин ... С. 382; Нихāйят аль-араб ... 1996/97. С. 417). Обе эти версии маловероятны, потому что ан-Ну‘мāн, как показано в тексте, явился к Хосрову на пир. Видимо, они фактически относятся к упоминаемым в «анониме Гвиди» попыткам сасанидского царя вернуть ан-Ну‘мāна из пустыни.

⁴⁷ *Annales* ... P. 1028; *Gedichte* ... S. 180; аль-Кāмиль ... С. 378; Китāб аль-ағāни ... Ч. 2. С. 29; Китāб аль-манāкиб ... С. 401; Тāрих Ибн Халдūн ... Ч. 2. С. 320.

должно было происходить в конце 601 г. Именно тогда ан-Ну‘мāн был окончательно разжалован, а затем Хосров назначил на его место Ийāса Ибн Қабйсу. Тот правил восемь месяцев, летом следующего года проиграл сражение при Зў Қāре, скрылся от гнева Хосрова в ‘Айн ат-Тамре и, видимо, скоро умер.

Мы можем теперь предложить следующую реконструкцию событий.

Первые месяцы 579 г. – первые месяцы 601 г. – правление ан-Ну‘мāна III в Хире.

Конец осени 600 г. – зима 600–601 гг. – опала ан-Ну‘мāна III.

Первые месяцы 601 г. – отъезд ан-Ну‘мāна III из Хиры, фактическое окончание его правления.

Осень 601 г. – поездка ан-Ну‘мāна III к Хосрову II. Смещение и заключение под стражу ан-Ну‘мāна III.

Начало 602 г. – назначение Ийāса Ибн Қабйсы правителем Хиры.

Начало 602 г. – лето-осень 602 г. – правление Ийāса Ибн Қабйсы в Хире (восемь месяцев).

Лето 602 г. – сражение при Зў Қāре.

Ноябрь 602 г. – свержение Маврикия.

Весна-лето 603 г. – принятие Хосровом II решения о войне с Византией (а не с бакритами).

Ранняя весна 604 г. – начало войны между Сасанидской державой и Византией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мишин Д.Е. История государства Лахмидов. М., 2017.
2. Мишин Д.Е. Резня тамимитов в аль-Мушаккаре (начало VII в.) // Восток. 2015. № 6. С. 5–11.
3. Мишин Д.Е. Хосров Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М., 2014.
4. Пугулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана. М.; Л., 1964.
5. *Annales quos scripsit ... at-Tabari* / Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Lugduni Batavorum, 1881–1882.
6. Browne E.G. Some Account of the Arabic work entitled “Nihāyatu’l-irab fi akhbāri’l-Furs wa’l-‘Arab,” particularly of that part which treats of the Persian Kings // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1900. P. 195–259.
7. Caussin de Perceval A.P. Essai sur l’histoire des Arabes avant l’islamisme, pendant l’époque de Mahomet et jusqu’à la réduction de toutes les tribus sous la loi musulmane. Paris, 1847.
8. *Chronica minora. Pars prior (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores syri. Textus. Ser. III, t. 4)* / Ed. I. Guidi. Parisiis, Lipsiae, 1903.

9. *Garbers K.* Eine Ergänzungen zur Sachaus Ausgabe von al-Bīrūnīs ‘Chronologie orientalischer Völker’ // *Documenta islamica inedita*. Berlin: Akademie-Verlag, 1952. S. 45–68.
10. Gedichte von ‘Abū Baṣīr Maimūn Ibn Qays *al-‘Aṣā* / Hrsg. R. Geyer. L.: Luzac & Co, 1928.
11. *Georgius Cedrenus*. T. I. Bonnae, 1838 (*Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, 34).
12. Histoire nestorienne (Chronique de Séert) / Ed. A. Scher. Seconde partie, fasc. 2 (*Patrologia Orientalis*, t. XIII). Paris: Firmin-Didot et Cie, 1919. P. 433–639.
13. *Hoyland R.G.* Arabia and the Arabs. From the Bronze Age to the Coming of Islam. L.; N.Y.: Routledge, 2001.
14. *Huart Cl.* Histoire des Arabes. T. I. Paris, 1912.
15. Ibn-Wādhīh qui dicitur *al-Ja‘qubī* Historiae pars altera historiam islamicam continens / Ed. M.Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883.
16. *Nöldeke Th.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879.
17. *Rothstein G.* Die Dynastie der Laḥmiden in al-Ḥīra. Berlin, 1899.
18. *Theophanis* Chronographia. Vol. I. Bonnae, 1839 (*Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, 39).
19. *Theophylacti Simocattae* Historiarum libri octo. Bonnae, 1834 (*Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, 22).
20. *Toral-Niehoff I.* Al-Ḥīra. Eine arabische Kulturmetropole im spätantiken Kontext. Leiden; Boston: Brill, 2014.
21. *Veccia Vaglieri L.* *Dhū Kār* // The Encyclopaedia of Islam / Ed. B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht. Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1991. P. 241.
22. аль-Кāмилъ фй-т-тāрйх ли ... *Ибн аль-Асйр* [Совершенное изложение истории ... Ибн аль-Асйра] / Изд. А. ‘А. аль-Қāди. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-‘ильмиййя, 1987.
23. Китāб аль-ағāнй ли ... *Абӯ-ль-Фарадж аль-Исфāхāнй* [Книга песен ... Абӯ-ль-Фараджа аль-Исфāхāнй] / Изд. А. аш-Шинқйтй. Каир, 1905.
24. Китāб аль-манāқиб аль-мазйадиййя фй ахбār аль-мулўк аль-асадиййя. Та’лйф ... аль-Ḥиллй [Книга мазйадитских стоянок об истории асадитских царей. Сочинение ... аль-Ḥиллй] / Изд. С. М. Дарāдика, М. ‘А. Ḥарйсāt. Амман: Мактабат ар-рисāла аль-ḥадйса, 1984.
25. Китāб аль-масāлик уа аль-мамāлик ли ... *аль-Бакрй* [Книга путей и государств ... аль-Бакрй] / Изд. А.Р. Van Leuwen, A. Ferré. Тунис: ад-Дār аль-‘арабиййя ли-ль-китāб, аль-Му’ассаса аль-уаṭаниййя ли-т-тарджама уа-т-тахқйқ уа-д-дирāsāt, 1992.
26. Китāб аль-муḥаббар ли ... Мухаммад *Ибн Ḥабйб* [Книга изящного [повествования] ... Мухаммада Ибн Ḥабйба] / Изд. E. Lichtenstädter. Хайдарабад: Дā’ират аль-ма’āриф аль-‘усмāниййя, 1942.
27. Китāб тāрйх сунй мулўк аль-ард уа-ль-анбийā’. Та’лйф Ḥамза ... *аль-Исфāхāнй* [История лет царей земли и пророков. Сочинение Ḥамзы ... аль-Исфāхāнй]. Berlin: Kaviani G.m.b.H., 1921/22.
28. аль-Ма’āриф ли *Ибн Қутайба* [[Книга] знаний Ибн Қутайбы] / Изд. С. ‘Укāша. Каир: Дār аль-ма’āриф, 1981.
29. Масāлик аль-абсār фй мамāлик аль-амсār ли ... *аль-‘Умарй* [Пути взоров по царствам в [разных] странах ... аль-‘Умарй]. Ч. 25 / Изд. К. аль-Джабурй, М. ан-Наджм. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-‘ильмиййя, 2010.
30. *аль-Мас’ūdй*. Мурўдж аз-захаб уа ма’āдин аль-джаухар [Промывальни золота и рудники драгоценных камней] / Изд. Ch. Pellat. Ч. 1. Бейрут: аль-Джами’а аль-лубнāниййя, 1966.

31. аль-Мах̣āsин уа-ль-мас̣āуй. Та'лиф ... *аль-Байхақӣ* [Достоинства и пороки. Сочинение ... аль-Байхақӣ] / Изд. 'А. 'Али. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-'ильмиййа, 1999/2000.
32. Му'дjam аль-бульдāн ли ... *Йақўт* [Справочник по странам и поселениям ... Йақўта]. Бейрут: Дār Сāдир, Дār Байрўт, 1957.
33. Нашуат ат-тараб фӣ тārйх джāхилиййат аль-'араб. Та'лиф *Ибн Са'йд* аль-Андалусӣ [Приносящая упоение [книга] об истории арабов времени *джахилийи*. Сочинение Ибн Са'йда аль-Андалусӣ] / Изд. Н. 'Абд ар-Рахмāн. Амман: Мактабат аль-ақсā, 1982.
34. Нихайят аль-араб фӣ ахбār аль-фурс уа аль-'араб [Предел желания в [изложении] истории персов и арабов] / Изд. М. Т. Дāнешпэжўх. Тегеран: Анджоман-и-ас̣ār ва мафāхир-и-фархангӣ, 1996/97.
35. Нихайят аль-араб фӣ фунун аль-адаб. Та'лиф ... *ан-Нувайрӣ* [Предел желания в искусствах словесности. Сочинение ... ан-Нувайрӣ]. Ч. 15–16 / Изд. Й. ат-Тауиль, 'А. М. Хāшим. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-'ильмиййа, 2004.
36. ар-Рауд аль-ми'тār фӣ хабар аль-ақтār. Та'лиф ... *аль-Химьярӣ* [[Книга, подобная] благоухающему саду, с известиями об областях. Сочинение ... аль-Химьярӣ] / Изд. И. 'Аббās. Бейрут: Мактабат Лубнāн, 1984.
37. *Таққўш* М. С. Тārйх аль-'араб қабла-ль-ислām [История арабов до ислама]. Бейрут: Дār ан-нафā'ис, 2009.
38. Тарджомэ-йе-Тārйх-и-Табари аз ... *Бал'амӣ* (қисмат-и-марбўт бе Йрāн) [Перевод Истории ат-Табари, [сделанный] Бал'амӣ (часть по истории Ирана)] / Изд. М. Дж. Машкўр. Тегеран: Чāпхāне-йе-Хайдарӣ, 1959.
39. Тārйх Абй-ль-Фидā' аль-мусаммā аль-Муҳтасар фӣ ахбār аль-башар. Та'лиф ... *Абй-ль-Фидā'* [История Абў-ль-Фидā', называемая «Сокращённое изложение истории человечества». Сочинение ... Абў-ль-Фидā'] / Изд. М. Даййўб. Бейрут: Дār аль-кутуб аль-'ильмиййа, 1997. Ч. 1.
40. Тārйх Ибн Халдўн аль-мусаммā Дйуāн аль-мубтада' уа аль-хабар фӣ тārйх аль-'араб уа аль-барбар уа ман 'асара-хум мин зауӣ аш-ша'н аль-акбар. Та'лиф ... *Ибн Халдўн* [История Ибн Халдўна, называемая «Собрание тем и сообщений по истории арабов, берберов и их современников из числа обладателей высочайшего положения». Сочинение ... Ибн Халдўна] / Изд. Х. Шахāда. Бейрут: Дār аль-фикр аль-'арабӣ, 2000.
41. аль-'Умда фӣ мах̣āsин аш-ши'р уа āдāби-хи уа нақди-хи. Та'лиф ... *Ибн Рашиқ* аль-Қайрауāнӣ аль-Аздӣ [[Книга, подобная] опоре, о достоинствах стихосложения, его искусстве и об отделении в нём хорошего от дурного. Сочинение ... Ибн Рашиқа аль-Қайрауāнӣ аль-Аздӣ] / Изд. М. М. 'Абд аль-Хамйд. Бейрут: Дār аль-джиль, 1981.
42. Шарх нақā'ид Джарйр уа аль-Фараздақ [Объяснение [стихотворных] препирательств Джарйра и аль-Фараздақа] / Изд. М. И. Хувар, У. М. Хāлис. Абу Даби: аль-Маджма' ас-сақāфӣ, 1994.

Dmitriy Ye. Mishin

A CONTRIBUTION TO THE DATING OF THE BATTLE OF DHŪ ḲĀR

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 107031, Rozhdestvenka 12, Moscow, Russia

This study deals with one of the most famous events in the history of pre-Islamic Arabia, the battle of Dhū Ḳār, in which Arabs of the Bakr Ibn Wā'il tribal confederation defeated troops of Sasanid king Khusraw II Parwēz (591–629). That battle was, and is, known to many, but its date remains uncertain from the Middle Ages. The use of some new evidence presented herein allows to suggest that the battle probably took place in the summer of 602. This, in its turn, makes it possible to revise the chronology of Sasanid governors of al-Ḥīra and, in particular, to suggest that Iyās Ibn Ḳabiṣa al-Ṭā'i ruled there for the second time from the beginning through the middle of 602.

Key words: Arabia; Dhū Ḳār; Iyās Ibn Ḳabiṣa; Sasanids; Khusraw II Parwēz.

About the author: *Dmitriy Ye. Mishin* – CSc., Senior Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: mde@mts.ru).

REFERENCES

1. *Annales quos scripsit ... at-Tabari*. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Lugduni Batavorum, 1881–1882.
2. Browne E.G. Some Account of the Arabic work entitled “Nihāyatu'l-irab fi akhbāri'l-Furs wa'l-'Arab,” particularly of that part which treats of the Persian Kings. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1900. P. 195–259.
3. Caussin de Perceval A.P. *Essai sur l'histoire des Arabes avant l'islamisme, pendant l'époque de Mahomet et jusqu'à la réduction de toutes les tribus sous la loi musulmane*. Paris, 1847.
4. *Chronica minora*. Pars prior (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores syri. Textus. Ser. III, t. 4). Ed. I. Guidi. Parisiis, Lipsiae, 1903.
5. Garbers K. Eine Ergänzung zur Sachausgabe von al-Bīrūnīs “Chronologie orientalischer Völker”. *Documenta islamica inedita*. Berlin: Akademie-Verlag, 1952. S. 45–68.
6. *Gedichte von 'Abū Baṣīr Maimūn Ibn Qays al-'A'ṣā* / Hrsg. R. Geyer. London: Luzac & Co, 1928.
7. *Georgius Cedrenus*. T. I. Bonnae, 1838 (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 34).
8. Histoire nestorienne (Chronique de Séert). Ed. A. Scher. Seconde partie, fasc. 2 (*Patrologia Orientalis*, t. XIII). Paris: Firmin-Didot et Cie, 1919. P. 433–639.
9. Hoyland R.G. *Arabia and the Arabs. From the Bronze Age to the Coming of Islam*. London, New York: Routledge, 2001.
10. Huart Cl. *Histoire des Arabes*. T. I. Paris, 1912.
11. *Ibn-Wādhīh qui dicitur al-Ja'qubī Historiae pars altera historiam islamicam continens* / Ed. M.Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883.
12. *al-Kāmil fi al-tārīkh li ... Ibn al-Athīr* [Perfect History by ... Ibn al-Athīr]. Ed. A. 'A. al-Ḳāḍī. Beirut: Dār al-kutub al-'ilmiyya, 1987. (In Arabic)
13. *Kitāb al-aghānī li ... Abī al-Faradj al-Iṣfahānī* [Book of Songs by ... Abū al-Faradj al-Iṣfahānī]. Ed. A. Al-Shinkīṭī. Cairo, 1905. (In Arabic)
14. *Kitāb al-manāqib al-mazyadiyya fī akhbār al-mulūk al-asadiyya. Ta'līf ... al-Ḥillī* [Book of [Banū] Mazyad's Virtues on the Asadite Kings' History by ... al-Ḥillī]. Ed. Ṣ.M. Darādika, M.'A. Kharīsāt. Amman: Maktabat al-risāla al-ḥadītha, 1984. (In Arabic)

15. *Kitāb al-masālik wa al-mamālik li ... al-Bakrī* [Book of Roadways and Kingdoms by ... al-Bakrī]. Ed. A.P. Van Leuwen, A. Ferré. Tunis: al-Dār al-‘arabiyya li-l-kitāb, al-Mu’assasa al-waṭaniyya li-l-tardjama wa al-tahkīk wa al-dirāsāt, 1992. (In Arabic)
16. *Kitāb al-muḥabbar li ... Muḥammad Ibn Ḥabīb* [Book [Containing] an Embellished Presentation by ... Muḥammad Ibn Ḥabīb]. Ed. E. Lichtenstädter. Hyderabad: Dā’irat al-ma’ārif al-‘uthmāniyya, 1942. (In Arabic)
17. *Kitāb tāriḥ sunī mulūk al-arḍ wa al-anbiyā’*. *Ta’līf Ḥamza ... al-Iṣfahānī* [A History of the Years of the Kings of the Earth and of the Prophets Composed by Ḥamza... al-Iṣfahānī]. Berlin: Kaviani G.m.b.H., 1921/22. (In Arabic)
18. *al-Ma’ārif li Ibn Kutayba* [Book of Knowledge by Ibn Kutayba]. Ed. Th. ‘Ukāsha. Cairo: Dār al-ma’ārif, 1981. (In Arabic)
19. *al-Maḥāsin wa al-masāwī*. *Ta’līf... al-Bayhaḳī* [Virtues and Vices by ... al-Bayhaḳī]. Ed. ‘A. ‘Alī. Beirut: Dār al-kutub al-‘ilmiyya, 1999/2000. (In Arabic)
20. *Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār li ... al-‘Umarī* [Directions of Looks at Kingdoms in Countries by ... al-‘Umarī]. Part 25. Ed. K. al-Djabūrī, M. al-Nadīm. Beirut: Dār al-kutub al-‘ilmiyya, 2010. (In Arabic)
21. *al-Mas’ūdī*. *Murūdj al-dhahab wa ma’ādin al-djawhar* [Meadows of Gold and Mines of Gems]. Ed. Ch. Pellat. Parts 1, 2. Beirut: al-Djāmi’a al-lubnāniyya, 1966. (In Arabic)
22. Mishin D.Ye. *Istoriya gosudarstva Laxmidov* [A History of the Lakhmid State]. Moscow: OOO ‘Sadra’, 2017. (In Russ.)
23. Mishin D.Ye. *Xosrov I Anushirvan (531–579), yego epoxa i yego zhizneopisaniye i poucheniye v istorii Miskaveyxa* [Khusraw I Anushirwan (531–579), His Epoch and His Biography and Sermon in Miskawayh’s History]. Moscow: IV RAN, 2014. (In Russ.)
24. Mishin D.Ye. *Reznya tamimitov v al-Mushakkare (nachalo VII veka)* [A Massacre of Banū Tamīm at al-Mushakkar (Beginning of the 7th Century)]. *Vostok*, 2015, No. 6, pp. 5–11. (In Russ.)
25. *Mu’ḍjam al-buldān li ... Yāḳūt* [Reference-Book on Countries and Settlements by ... Yāḳūt]. Beirut: Dār Ṣādir, Dār Bayrūt, 1957. (In Arabic)
26. *Nashwat al-ṭarab fī tāriḥ dhāhiliyyat al-‘arab*. *Ta’līf Ibn Sa’id al-Andalusī* [Delight of Joy in the History of the Arabs’ Dhāhiliyya by Ibn Sa’id al-Andalusī]. Ed. N. ‘Abd al-Raḥmān. Amman: Maktabat al-aḳṣā, 1982. (In Arabic)
27. *Nihāyat al-arab fī akhbār al-furs wa al-‘arab* [The Utmost of What May Be Sought in the History of the Persians and the Arabs]. Ed. M.T. Dānishpezhūh. Tehran: Andjoman-i-āthār wa mafākhir-i-farhangī, 1996/97. (In Arabic)
28. *Nihāyat al-arab fī funūn al-adab*. *Ta’līf... al-Nuwayrī* [The Utmost of What May Be Sought in Literary Arts by ... al-Nuwayrī]. Part 15–16. Ed. Y. al-Ṭawīl, ‘A.M. Hāshim. Beirut: Dār al-kutub al-‘ilmiyya, 2004. (In Arabic)
29. *Nöldeke Th.* *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden*. Leyden, 1879.
30. Pigulevskaya N. V. *Araby u granits Vizantii i Irana* [Arabs at the Borders of Byzantium and Iran]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. (In Russ.)
31. *al-Rawḍ al-mi’ṭār fī khabar al-aḳṭār*. *Ta’līf... al-Ḥimyarī* [[A Book Like] A Fragrant Garden With Information on Regions by ... al-Ḥimyarī]. Ed. I. ‘Abbās. Beirut: Maktabat Lubnān, 1984. (In Arabic)
32. Rothstein G. *Die Dynastie der Laḥmidin in al-Hira*. Berlin, 1899.
33. *Sharḥ naḳā’id Djarīr wa al-Farazdaḳ* [Explanation of [Poetic] Disputes between Djarīr and al-Farazdaḳ]. Ed. M.I. Ḥūwar, W.M. Khālīs. Abu Dhabi: al-Madjma’ al-thakāfī, 1994. (In Arabic)
34. Ṭaḳḳūsh M. S. *Tāriḥ al-‘arab qabl al-islām* [A History of the Arabs Before Islam]. Beirut: Dār al-nafā’is, 2009. (In Arabic)

35. *Tardjuma-i-Tārīkh-i-Ṭabarī az ... Bal'amī (ḳismat-i-marbūṭ be Īrān)* [Translation of al-Ṭabarī's History by ... Bal'amī (Part Related to Iran)]. Ed. M.Dj. Mashkūr. Tehran: Chāpkhāneh-i-Ḥaydarī, 1959. (In Persian.)
36. *Tārīkh Abī-l-Fidā' al-musammā al-Mukhtaṣar fī akhbār al-baṣhar. Ta'līf ... Abī-l-Fidā'* [Abū-l-Fidā's History Entitled 'An Abridgement of the History of Mankind' by ... Abū-l-Fidā']. Ed. M. Dayyūb. Beirut: Dār al-kutub al-'ilmiyya, 1997. Part 1. (In Arabic)
37. *Tārīkh Ibn Khaldūn al-musammā Diwān al-mubtada' wa al-khabar fī tārīkh al-'arab wa al-barbar wa man 'āṣara-hum min dhawī al-sha'n al-akbar. Tālīf ... Ibn Khaldūn* [Ibn Khaldūn's History Entitled 'Collection Encompassing Both the Subject and the Predicate (or the Beginning and the Stories [Following to It]) on the History of the Arabs, the Berbers and Their High-Ranked Contemporaries' by ... Ibn Khaldūn]. Ed. Kh. Shaḥāda. Beirut: Dār al-fikr al-'arabī, 2000. (In Arabic)
38. *Theophanis Chronographia*. Vol. I. Bonnae, 1839 (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 39).
39. *Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo*. Bonnae, 1834 (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 22).
40. Toral-Niehoff I. *Al-Hīra. Eine arabische Kulturmetropole im spätantiken Kontext*. Leiden, Boston: Brill, 2014.
41. *al-'Umda fī maḥāsin al-shi'r wa ādābi-hi wa naḳdi-hi. Ta'līf ... Ibn Rashīḳ al-Ḳayrawānī al-Azdī* [A Pillar-[like Book] on Good Qualities of Poetry, Its Art Canons and the Discernment of Good and Bad within It by ... Ibn Rashīḳ al-Ḳayrawānī al-Azdī]. Ed. M.M. 'Abd al-Ḥamīd. Beirut: Dār al-djīl, 1981. (In Arabic)
42. *Veccia Vaglieri L. Dhū Ḳār. The Encyclopaedia of Islam*. Ed. B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht. Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1991. P. 241.

А.Н. Ардашникова, Т.А. Коняшкина

**«ВОСКРЕСЕНИЕ ИРАНСКИХ ВЛАСТЕЛИНОВ»:
К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМАЦИИ РЕЗА-ШАХА
(ПО МАТЕРИАЛАМ «САФАР-НАМЕ БЕ ХУЗЕСТАН»)¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена анализу путевых заметок премьер-министра Ирана Реза-хана, текст которых впервые вводится в научный оборот и подвергается детальному рассмотрению в рамках междисциплинарного исследования. Написанный во время военного похода против влиятельного владельца южной провинции Ирана Арабистан (Хузестан) дневник главным образом содержит сведения политического характера, являясь, по существу, обоснованием права Реза-хана на иранский престол. Смещение фокуса внимания с описания внешнего мира, что является неперменной характеристикой тревеллога, на собственное «Я», придает сочинению черты, свойственные политехнологическому проекту. Дневник дает возможность выявить конкретные приемы, в том числе опирающиеся на культурные коды иранской традиции, использованные автором для конструирования своего образа как государственного деятеля эпохи модерна. В статье также освещаются истоки новых представлений о характере власти и ее носителе, утвердившиеся в Иране начала XX в. Текст снабжен необходимым количеством извлечений из «Дневника путешествия в Хузестан», дающих исчерпывающее представление о содержании сочинения.

Ключевые слова: Иран; Реза-хан; дневник путешествия; конституция; парламент; власть; «Шах-наме»; национализм.

Ардашникова Анна Наумовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: anardash@mail.ru).

Коняшкина Тамара Александровна – старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tamara_mgu@mail.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «История и культура стран Востока; межкультурные контакты». В названии статьи использовано заглавие поэмы Мир-заде Эшки (1894–1924). См.: Эшки, Мир-заде. Коллият-е мосаввар (Полное собрание сочинений с иллюстрациями). Тегеран, 1350 (1981). С. 201.

Династию Пехлеви, правившую Ираном чуть более полувека, вряд ли можно отнести к историческим долгожителям. Но тем не менее исследовательский интерес к этому периоду не угасает. Не в последнюю очередь это касается основателя династии Реза-шаха Пехлеви, фигуры, которая до сих пор привлекает пристальное внимание историков-иранистов. Расхождение мнений здесь весьма значительно: «беззаконный диктатор», подобно Надиру², лишивший трона своего повелителя, или политик, проложивший путь во власть мирным конституционным путем. Он – и ставленник внешних сил, каким видят Реза-хана советские и некоторые российские исследователи³, и *self-made man*, сумевший воспользоваться обстоятельствами нового витка англо-российской конкуренции в Иране. Впрочем, иранские историки не склонны придавать этому факту решающее значение, по умолчанию полагая подобный путь наверх единственно возможным для человека, лишенного каких бы то ни было политических связей или влиятельной родни⁴. Его «Тулоном» стало участие в бескровном перевороте 3 хута 1921 г., успешная борьба с племенной вольницей обеспечила стремительный карьерный рост (военный министр, премьер и главнокомандующий с сохранением руководства военным министерством), а победа над могущественным властелином юга шейхом Мохаммером⁵ Хазалем в 1924 г. проложила ему дорогу к иранскому трону. Завершением этого триумфального похода стала подготовка «Дневника путешествий по Хузестану».

У этого сочинения непростая судьба. Объемный текст, написанный от первого лица могущественным премьер-министром, который год спустя был коронован как шахиншах Ирана, не нашел своего исследователя ни в отечественном, ни в зарубежном востоковедении. Основания для этого есть. К настоящему времени в иранистике сложилось устойчивое представление о жанрообразующих аспектах *сафар-наме*, и специалисты-литературоведы вряд ли могли рассчитывать обнаружить в путевом дневнике Реза-хана какие-либо формальные или содержательные особенности, выделяв-

² Надир-шах Афшар (1736–1742).

³ См.: Алиев С. М. История Ирана XX в. М., 2004; Асадулаев К. Свержение династии Каджаров в Иране 1920–1925 гг. Душанбе, 1966.

⁴ См., например: Abrahamian E. Iran between two revolutions. Princeton, 1982.

⁵ Совр. Хорремшахр на юге Ирана.

шие бы его в ряду достаточно многочисленных произведений этого жанра⁶. Не стал дневник и летописью легендарного военного броска на юг, оставив равнодушными и иранистов-историков. Проблему Хузестана, судя по тексту, удалось решить сравнительно мирным путем. Только две батальные сцены нарушают описание бесконечной цепи маневров, которую совершает на пути к цели грозная армада, многословно описанная ее создателем и предводителем: один двухсотлетней давности – в летописно-эпической манере повествующий о разгроме афганцев Надиром в битве при Мурчехорте⁷, второй, связанный с изгнанием португальцев с о. Ормуз Аббасом I в 1622 г.⁸

В сущности, армии отведена роль средства устрашения Хазала и его недаленовидных союзников из числа бахтиар и владельцев Поштекуха⁹, поторопившихся вскоре отказать шейху-бунтовщику в поддержке. Главную роль в умиротворении юга сыграла договоренность с англичанами, отступившимися от своего «давнего и преданного друга», которому четверть века назад они помогли

⁶ Это маршрут как тематический и структурный стержень текста, написанного от первого лица, обязательная датировка записей, отражение впечатлений путешественника о постигаемом им, чаще всего «чужом», пространстве. Последняя – наиболее интересная и для читателя, и для исследователя – составляющая путевых дневников в арабо-иранской традиции носит название «чудеса» или «диговинки». Именно ее содержание отличает средневековые сочинения в этом жанре (например, «Сафар-наме» Насир-и Хосрова, XI в.) от дневников путешествий Нового времени, авторы которых обращают внимание на зримые доказательства технического и культурного прогресса в Европе. Таковы дневник Мирзы Абу Хасан-хана Ширази, посвященный визиту иранской делегации в Россию для рассмотрения условий и подписания Гюлистанского мирного договора; путевые заметки каджарского принца Хосрова-мирзы, прибывшего в Россию в 1829 г. в составе искупительной миссии после гибели российского посольства в Тегеране, дневники двух путешествий каджарского шаха Насер ад-Дина по Европе.

⁷ «Я решил пролистать перед [мысленным] взором одну из славных страниц истории своей родины и как будто увидел, что в это мгновение в южной части равнины афганцы и соратники Ашрафа спешно и в беспокойстве бегут, пытаются обороняться, а с северо-востока долины со стороны Натанза быстро приближается иранское войско кызылбашей под командованием самого отважного Надира, как сель обрушивается [оно] с перевала на равнину, неся поражение и смерть горстке афганцев, оседлавших скакунов отступления» (Здесь и далее перевод авторов статьи). Сафар-наме-ие Реза-шах-е Пахлави бе Хузестан ва Мазандаран. USA: Ketab Corp, 2007. С. 50–51.

⁸ Там же. С. 109.

⁹ В данном случае имеются в виду иранские племена, населяющие отроги Поштекуха (совр. Загрос).

утвердиться как шейху Мохаммеры¹⁰. Именно с этого времени находившаяся в запустении Мохаммера стала богатеть, превратившись в территорию нефтяного транзита, а ее правитель при поддержке англичан получил право на вечное владение этими землями, которые он сумел значительно увеличить¹¹.

Поверженный противник, который в 1920 г. претендовал на иракский трон, собираясь «увести» с собой и иранскую часть побережья Персидского залива, отвоеванную у османов Зендами¹², не только капитулировал, но и был готов признать, как сообщает «Дневник», султанат Реза-хана на условиях его брака с одной из своих внучек и объявления *валиагдом* – наследником иранского престола – их будущего сына¹³. Такая, скорее всего сочиненная «задним числом», версия разрешения конфликта является отражением заветной цели, побудившей автора к написанию «Дневника путешествия в Хузестан» – представить развернутое обоснование права на власть Реза-хана, выступавшего в роли нового спасителя отечества.

Опора на военную силу, т.е. новый переворот, слухи о подготовке которого будоражили Тегеран в течение последних трех лет, вряд ли смогла бы обеспечить необходимую устойчивость власти Реза-хана. Недостаток легитимности остро ощущали и Каджары¹⁴, которых народная молва считала самозванными правителями. Это мнение разделяет и автор «Сафар-наме бе Хузестан», вступая в своеобразный спор-диалог с другим «путешественником» – Насер ад-Дин-шахом, опубликовавшим дневники, посвященные поездкам в Европу¹⁵. Наполненная трудами и лишениями военного похода хузестанская

¹⁰ Хазаль-хан стал шейхом Мохаммеры в 1897 г. после смерти брата шейха Мазаля, павшего жертвой заговора родственников и глав некоторых арабских племен. Участие шейха Хазалья в убийстве брата также не исключалось – в дипломатических донесениях из Хузестана в Тегеран о нем сообщалось как об одном из организаторов заговора. За два года до убийства старшего брата Хазаль в разговоре с британским консулом в Ахвазе пообещал поспособствовать британской торговле и соблюдению политических интересов Соединенного Королевства в случае, если он окажется у власти.

¹¹ К началу 20-х годов Хазаль находился в зените своего могущества. Приобретение земель, активные контакты с арабскими и луро-бахтиарскими племенами позволили ему распространить свою власть на 2/3 территории провинции Хузестан.

¹² Иранская династия, правившая в 1753–1794 гг.

¹³ Сафар-наме бе Хузестан. С. 201.

¹⁴ Династия, правившая Ираном с 1795 по 1925 г.

¹⁵ *Насер ад-Дин-шах Каджар*. Рузнаме-йе сафар-е аввал бе Фаранг. Бомбей, 1254 (1876); *Насер ад-Дин-шах Каджар*. Рузнаме-йе сафар-е доввом бе Фаранг. Техран, 1257 (1879).

командировка Реза-хана является не просто прямым укором коронованному экскурсantu, а наглядной демонстрацией того, какие именно путешествия должен совершать истинный государственный деятель. Но, пожалуй, наиболее удобной мишенью для критики стал Султан-Ахмад-шах Каджар¹⁶, напрямую обвиненный Реза-ханом в подстрекательстве Хазала к мятежу¹⁷. Испытавший в детстве шок, связанный с низложением и изгнанием из Ирана отца, Мухаммад-Али-шаха¹⁸, он и в двадцать с лишним лет оставался перепуганным подростком, опасавшимся покушений на свою жизнь. Мечтая о безопасной и комфортабельной жизни в Европе, он в 1923 г. покинул Иран, но, склонный к мотовству, продолжал цепко держаться за власть как основной источник доходов.

Сюжетообразующий стержень путешествия, лежащий в основе «Сафар-наме бе Хузестан», умело используется повествователем не только для сведения счетов со своими политическими конкурентами, но прежде всего для рассказа о себе и выстраивания образа собственного «Я». Нарративная стратегия, выбранная в «Дневнике» для самоаттестации, основывается на традиции *фахра* (самовосхваления) с воспроизведением базовых черт героико-эпического канона. Использование культурных кодов иранской эпической традиции не только облегчало решение поставленной, хотя открыто и не заявленной задачи легитимации собственной власти, но и звучало очень современно.

Первопроходцем в процессе конструирования славного доисламского прошлого как модели «лучшего будущего» стала иранская публицистика второй половины XIX в. В 1910–1920 годах рупором иранского национализма и центром притяжения молодых интеллектуалов-эмигрантов стали издававшийся в Берлине в 1916–1922 гг. журнал «Каве»¹⁹ и пришедший ему на смену «Ираншахр» (1922–

¹⁶ Султан-Ахмад-шах (1908–1925) – последний представитель Каджарской династии на иранском троне.

¹⁷ Обвинение скорее всего облыжное. Достоверно известно только, что Хазаль пытался склонить Ахмад-шаха к союзу дорогими подарками и его именем призывал к борьбе против Реза-хана Сардарсеха, стремившегося к «уничтожению святого знамени ислама и попранию любых форм законности в стране». *Сафар-наме бе Хузестан*. С. 22–23.

¹⁸ Смирнов К.Н. Записки воспитателя персидского шаха 1907–1914 годы. Тель-Авив, 2002.

¹⁹ Кузнец Каве – один из героев «Шах-наме» Фирдоуси, возглавивший восстание против тирана – узурпатора шахской власти Заххака. Фигура Каве с поднятым как знамя на древко кузнечным фартуком изображена на фронтисписе журнала.

1927)²⁰. Во многом благодаря их усилиям политический лексикон обрел дополнительный ресурс в виде словесных формул и ассоциаций, почерпнутых из созданной ими утопии – некоего «тридевятого иранского царства», которое является единым государственным телом и наследственным домом прямых потомков его насельников с периода греко-персидских войн. Характерной приметой времени стало включение легендарных мотивов и образов в ткань политической повседневности. Так, стремление иранского правительства поднять на Парижской мирной конференции вопрос о территориальной компенсации Ирану как нейтральной стране, пострадавшей от агрессии воюющих блоков, воспринималось националистически настроенной интеллигенцией как начало возрождения страны и, казалось, возвращало ее к былой географической конфигурации, когда великая Сасанидская держава простиралась от «Рума до Чина».

Лейтмотив противопоставления бесславного настоящего величественному прошлому, воспоминание об «ушедших владыках» как образцовых правителях были подхвачены поэзией начала XX в.²¹ и делавшей первые шаги исторической романистикой, воскрешавшими образы «иранских властелинов» – спасителей и хранителей Ирана²². Матрица героического эпоса «Шах-наме» была успешно применена и в «Дневнике», еще раз продемонстрировав поистине неисчерпаемые возможности. Но здесь при помощи использования традиционного репертуара изобразительных средств решалась задача создания образа политического лидера нового времени.

Героический подвиг в эпосе всегда индивидуален. Доблестный муж эпических сказаний – это «герой, заменяющий собой все войско»: армия, сопровождающая движение своего предводителя, ожидаемо остается в путевых заметках Реза-хана практически за пределами текста. Как и его далекие предшественники, новоиспеченный Рустам отважен и неуязвим для врага, связан узами по-

²⁰ Ираншахр – среднеперс. Эраншахр, «Арийское царство» – официальное название державы Сасанидов.

²¹ См., например, стихотворение Пур-е Давуда (1885–1970): «Вспомните те дни и те победоносные войска, // Вспомните ваших шахов, о, иранцы, иранцы! // Где Джамшид, Сам и Заб? Где Тахмурас и Дараб? // Где Ирадж? О, иранцы, иранцы! // Что стало с Курушем, где Камбиз, где Ардашир и его фарр? // Где Кей-Хосров, кайанидский царь? О, иранцы, иранцы!» Цит. по: *Ishaque M. Modern Persian Poetry*. Calcutta, 1943. P. 152.

²² См., например: *Бертельс Е.Э. Персидский исторический роман XX в.* // Бертельс Е.Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М., 1988. С. 363–375; *Чайкин К.* Краткий очерк новейшей персидской литературы. М., 1928.

братимства со своим преданным воинством, одержим благородной идеей служения родине.

Соединение реальности и мифа в «Сафар-наме бе Хузестан» создает особую пространственно-временную среду, в которой витязь XX в. отправляется на схватку с противником в автомобиле, с аэроплана устраивает смотр своим войскам²³, руководит учебным танковым боем и, наконец, осваивает стихию, совершенно неродственную иранским богатырям и владыкам – морскую²⁴.

Герой эпических произведений не только богатырь, но подобно Джамшиду и другим царям легендарных Пишдадидов «культурный герой» – устроитель социума. Однако мироустройство принадлежит сфере влияния высших сил и лишь опосредованно человека, ибо только «десница провидения ... возлагает на плечи разума и способностей самого могущественного из своих сыновей тяжелую ношу защиты государства и народа»²⁵. Использование автором в дневнике устойчивых смысловых пар «милость Божья и мои деяния», «помощь Господа и моя несгибаема воля», уверенность в том, что «Господь наблюдает за мной всегда и со мной во всех моих деяниях» – дань этому непреложному установлению, в котором слышна прямая отсылка к фарру-хварно (харизме)²⁶, древнеиранскому символу богоизбранности, знаку уготованному править. Отличая только достойного, фарр мог отставить временного обладателя, когда его созидаящая сила иссякнет. Но вряд ли идет речь о фарре Кайанидов, которым владели Сасаниды, а позже и Сафавиды, правившие как земные представители «сокрытого имама» Махди и потомки сасанидских

²³ Сафар-наме бе Хузестан. С. 70.

²⁴ Путешествие по Персидскому заливу от Бушехра до Дейлема на утлом суденышке, едва вместившем 20 человек, превращено в отдельный сюжет-вставку, самый объемный в «Дневнике». «Корабль, маленький и старый... не был приспособлен для морского пути и мог затонуть... Сотрясаясь, он швырял нас между водой и небом. Но я не разрешал себе думать о смерти ... Капитан корабля страшился шторма. Все поголовно были в обморочном состоянии. Лишь я и министр внутренних дел проявляли выдержку... Со всех сторон стали подниматься вспененные волны, и поверхность воды уходила то на 5 заров вверх, то на 5 заров вниз [Зар – уст. мера длины, равная примерно 104 см. – *Авт.*] ... В этом шторме нам надо было покинуть корабль и сесть в лодку. Капитан занял свое место в лодке, а я быстро перетащил туда своих испуганных спутников. Море играло с лодкой, подбрасывало ее то в одну сторону, то в другую, и мы покорились языческому божеству морской стихии». Сафар-наме бе Хузестан. С. 116–117.

²⁵ Там же. С. 52.

²⁶ Книга деяний Ардашира сына Папака. М., 1987.

царей²⁷. В условиях десакрализации власти и отсутствия у Реза-хана каких бы то ни было наследственных прав²⁸ идея народного признания стала его охранной грамотой в борьбе за престол. «Божья отметина» Реза-хана представлена как харизма, подтвержденная народом: духовенством, купечеством, людьми базара, угадавшими в нем своего вождя и приветствовавшими его, как это было в Кербеле, возгласами ликования и цветами. Восторг толпы, граничивший с религиозным экстазом, был таков, что один горожанин, буквально воспроизводя распространенную клятвенную формулу «Да стану я жертвой за тебя», был готов отдать на заклятие своих детей в честь героя Ирана²⁹.

Следуя зову «святого духа Ирана»³⁰, Реза-хан приходит во власть как Надир-шах, сын пастуха из хорасанской степи, чтобы одолеть хаос, т.е. положить конец тому злосчастному состоянию, к которому привело Иран каджарское правление. Как избранный, как лучший из живущих он чувствует свое предназначенье; внутри него заключен некий «странный враг беспорядка»³¹ – гений созидания, который является его залогом в осуществлении великой миссии.

Реза-хан, выступающий на страницах «Дневника» в обличье эпического богатыря-ратоборца, предстает перед читателем сразу в двух ипостасях: как исламский правитель, соответствующий расхожим классическим представлениям о носителе власти, – справедливый, отворяющий житницы голодным, иначе говоря, заботящийся о народе, непримиримый по отношению к врагам и бесстрашный, и как

²⁷ Генеалогия Сафавидов покоилась на двух основах: родоначальник династии Исмаил, который был духовным вождем суфийского ордена Сафавийе, через седьмого шиитского имама Мусу Казима вел свое происхождение от Али и одновременно являлся потомком Сасанидов – по шиитским легендам Хусейн, сын Али, был женат на дочери последнего сасанидского шаха – Йездигерда III. Древнеиранская идея сияющего фарра как символа огня и небесной благодати не противоречила шиитским принципам божественного света, почивающего на потомках Мухаммада из дома Алидов.

²⁸ Ставя себя в один ряд с освободителем Ирана от турок и афганцев Надир-шахом Афшаром, Реза-хан не упускает случая подчеркнуть, что он, как и мирзавоеватель, – простой солдат, «привычный к ратным делам, свою жизнь провел на поле брани, вода дружбу с пушкой и винтовкой». «При взгляде на натянутые у реки палатки, – продолжает автор, – я испытываю блаженство, потому что вспоминаю лучшие дни своей жизни, проведенные в армейских лагерях... будто после разлуки вернулся на родину». Сафар-наме бе Хузестан. С. 130.

²⁹ Там же. С. 274.

³⁰ Там же. С. 119.

³¹ Там же. С. 43–44.

правитель нового времени – патриот, поборник технологического и социального прогресса³².

Как политик и государственный деятель модерна Реза-хан обращается к периоду конституционной революции, когда утвердились и вошли в общественный оборот основные современные политические принципы. Почтительно демонстрируя готовность защищать главные достижения *маируте* – конституцию и парламент как институт народного представительства³³, автор обрушивает поток брани и угроз в адрес парламента действующего – меджлиса пятого созыва, открывшего свои заседания в ноябре 1923 г. Повышенная эмоциональность личных оценочных суждений, свойственная тексту путевых заметок в целом, в данном случае приобретает дополнительную политическую мотивацию, так как речь идет о разногласиях с депутатским корпусом, грозивших обрушить с трудом выстроенную в период неудачной республиканской компании карьеру премьера³⁴.

Впрочем, автор не скрывает своих собственных политических предпочтений. Это сильное правление, которое фиксируется на страницах «Дневника» как двуединство авторитарной и суверенной,

³² В качестве премьера, назначенного шахом на должность в ноябре 1923 г., Реза-хан не торопился, подобно некоторым его предшественникам, связывать себя многообещающей, но, как правило, невыполнимой программой, ограничившись только решением самых насущных, по его мнению, задач – усилением позиций государства и неукоснительным исполнением законов. Практическая деятельность всегда являлась сильной стороной его личности: в течение года был подготовлен новый гражданский кодекс и начата разработка торгового законодательства, в стране создавалась сеть учебных заведений, готовивших специалистов технического профиля. *Макки Х. Тарих-е бист сале-йе Иран [Двадцатилетняя история Ирана].* Тегеран, 1322 (1944). Дж. 1. С. 125–129. По-прежнему объектом неусыпных забот премьера оставалась армия, которая перевооружалась и доукомплектовывалась. В путевых заметках Реза-хан с гордостью упоминает о том, что хозяйничанье англичан в водах Персидского залива в скором времени будет поколеблено: по пути из вод Балтики в Ахваз уже находится первенец иранского военного флота, знаменательно нареченный им «Пехлеви». Сафар-наме бе Хузестан. С. 101.

³³ «Я всегда хотел работать вместе с парламентом, сохранить его, каким бы слабым он ни был, какие бы порочные люди не сумели бы там утвердиться, и попытаться его исправить». Там же. С. 176.

³⁴ Поименно называя своих противников из числа депутатов по главе со спикером меджлиса, обвинивших его в диктаторских замашках и нарушении конституции, Реза-хан намерен «дать такую оплеуху этому независимому эмиру Хузестана, чтобы с корнем выбить зубы алчности у депутатов-предателей, никчемных болтунов-придворных, зарубежной и нашей прессы». Там же. С. 38. О республиканской компании см.: Ghani, Cyrus. *Iran and the rise of Reza Shah: from Qajar collapse to Pahlavi rule.* L., 2000.

независимой от внешнего влияния власти. Именно к единовластному правлению, по мысли автора, более всего склонен и иранский народ, осуществлявший с прославленными государями прошлого – «падишахом-созидателем» Аббасом I и «прозорливым» Надиром-шахом – свои самые великие дела, памятные потомкам.

Пожалуй, выбор, заявленный в Дневнике, исчерпывающе характеризуют слова-маркеры, которым принадлежит первенство по частотности использования – «*ватан*» (родина) и «*меллат*» (народ). Он рассуждает как государь, для которого *ватан* лишено сокровенного смысла как обитель души, т.е. веры. Его *ватан* не является местом рождения или проживания, «малой родиной»³⁵, это и не владение средневекового правителя с пунктирными, подвижными границами, а государственная территория со строго очерченными и закрепленными в договорах пределами. *Меллат* также лишается своего исконного смысла, связанного с верой, объединением единоверцев³⁶, и понимается расширительно, включая каждого, кто ощущает чувство принадлежности Ирану («*иранийат*»), независимо от этно-религиозных различий³⁷.

Эти принципы и скрытые за ними смыслы стали камнем преткновения в отношениях между светски ориентированными националистами и представителями духовенства³⁸, в том числе и принявшими *маируте*. Один из таких конфликтов удалось уладить только ценой политических уступок лидеру консервативной партии сейиду Х. Модарресу. Отдавая дань святой вере, Реза-хан как истинно шиитский правитель начинает свой поход с *зийарата* – паломничества в Кум, а завершает в Кербеле на очищающей могиле имама Хусейна, вместе с одним из столпов атабата сейидом Х. Ширази, вознося имаму молитву в честь успешного завершения столь многотрудного дела.

³⁵ *Деххода Али-Акбар*. Логатнаме (Словарь). Тегеран, 1373 (1993/94). Дж. 14. С. 20520–20521; об этом см. также: *Tavakoli-Targhi M. Refashioning Iran. Orientalism, Occidentalism and Historiography*. Oxford, 2001. P. 119.

³⁶ *Деххода Али-Акбар*. Там же. Дж. 13. С. 18947–18948.

³⁷ «Иногда мне встречались иранские селенья и шатры, обитатели которых говорили по-арабски и носили арабскую одежду... они постепенно утрачивали свое достоинство ...и оказались чужаками по отношению к Ирану. Арабы навязали им свой язык и обычаи, но сердце у них иранское». Сафар-наме бе Хузестан. С. 156.

³⁸ См. об этом: *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Идея халифата в мусульманском мире (конец XIX – начало XX в.): вызовы и региональные отклики // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. Т. 14. 2018. № 3. С. 133–149.

Мозаичная структура текста, продиктованная спецификой жанра путевых заметок, который положен в основу повествования, не нарушает цельности авторского замысла по созданию образа вождя, готового возложить на себя венец спасения нации. Выдвижению в ряд первых политиков Ирана полковника Реза-хана, известного в 1921 г. разве что своим однополчанам по Персидской Казачьей бригаде, способствовал ряд обстоятельств, в их числе наличие общественно значимых проблем, которые решались военными методами, а также неустойчивый, «текучий», по выражению современника, характер политических партий, формировавшихся по принципу индивидуального лидерства³⁹.

Стоит заметить, что образ идеального лидера конструировался постепенно. Наиболее значительную роль в пропаганде общественного запроса на вождя нации, которому под силу «привести в движение колесо машины государства»⁴⁰ сыграли публикации членов фракции «Таджаддод» («Обновление»), пик деятельности которой пришелся на время работы пятого меджлиса, завершающий период борьбы Реза-хана за власть. Но начало ее организационного становления можно, скорее всего, отнести к лету 1921 г., когда ее будущими лидерами была создана камерная инициативная группа по изучению культурного наследия Ирана. Одним из ее членов стал делающий первые шаги в политике военный министр Реза-хан Савадкухи⁴¹.

Вопрос о реальном авторе политтехнологического проекта, а цель написания «Дневника путешествия в Хузестан» очевидна, практически всегда остается открытым. Касаясь этой проблемы, хорошо знакомый с политической кухней Тегерана тех лет современник описываемых событий Х. Макки⁴² уверенно называет имя одного из выдвиженцев премьера Фарджаллаха Бахрами (1878–1951). Заместитель Реза-хана по делам военного министерства, человек ближнего круга, «*дабир-е азам*» – главный помощник, секретарь – был участником многих его военных походов, в том числе и экспедиции в Хузестан. Деловитость и исполнительность, доверительное отношение со стороны своего покровителя сближают Бахрами с кабинет-секретарем Петра I А.В. Макаровым, которому так же, как и его иранскому коллеге было поручено написать «Гисторию

³⁹ См.: Осетров В.П. Персидские партии (Письмо из Тегерана) // Новый Восток. 1922. № 1. С. 147–153.

⁴⁰ Сафар-наме бе Хузестан. С. 20.

⁴¹ Grigor T. Recultivating “Good taste”: the early Pahlavi modernists and their society for national heritage // Iranian Studies. Vol. 37. 2004. № 1. P. 18–45.

⁴² Макки Х. Тарих-е бист сале-йе Иран. С. 144.

Свейской войны», самого важного внешнеполитического события петровского царствования⁴³.

Идея харизматического лидерства, основанного на чувстве великой миссии, оказалась востребованной и спустя несколько десятилетий легла в основу идеологии пехлевизма, разработанного шахом-сыном Мухаммадом Реза Пехлеви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Деххода Али-Акбар*. Логатнаме [Словарь]. Тегеран, 1373 (1993/94). Дж. 13, 14.
2. *Макки Х. Тарих-е бист сале-йе Иран* [Двадцатилетняя история Ирана]. Тегеран, 1322 (1944). Дж. 1.
3. *Насер ад-Дин-шах Каджар*. Рузнаме-йе сафар-е аввал бе Фаранг [Дневник первого путешествия в Европу]. Бомбей, 1254 (1876).
4. *Насер ад-Дин-шах Каджар*. Рузнаме-йе сафар-е доввом бе Фаранг [Дневник второго путешествия в Европу]. Тегеран, 1257 (1879).
5. Сафар-наме-йе Реза-шах-е Пахлави бе Хузестан ва Мазандаран [Дневник путешествия Реза-шаха Пехлеви в Хузестан и Мазандаран]. USA, 2007.
6. Эшки, Мир-заде. Коллийат-е мосаввар [Полное собрание сочинений с иллюстрациями]. Тегеран, 1350 (1981).
7. *Алиев С.М.* История Ирана XX в. М., 2004.
8. *Асадулаев К.* Свержение династии Каджаров в Иране 1920–1925 гг. Душанбе, 1966.
9. *Бертельс Е.Э.* Персидский исторический роман XX в. // Бертельс Е.Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М., 1988. С. 363–375.
10. История Свейской войны [Поденная записка Петра Великого]: В 2 вып. Вып. 1. М., 2004.
11. *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Идея халифата в мусульманском мире (конец XIX – начало XX в.): вызовы и региональные отклики // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. Т. 14. 2018. № 3. С. 133–149.
12. Книга деяний Ардашира сына Папака. М., 1987.
13. *Осетров В.П.* Персидские партии (Письмо из Тегерана) // Новый Восток. 1922. № 1. С. 147–153.
14. *Смирнов К.Н.* Записки воспитателя персидского шаха 1907–1914 годы. Тель-Авив, 2002.
15. *Чайкин К.* Краткий очерк новейшей персидской литературы. М., 1928.
16. *Abrahamian E.* Iran between two revolutions. Princeton, 1982.
17. Ghani, Cyrus. Iran and the rise of Reza Shah: from Qajar collapse to Pahlavi rule. L., 2000.
18. *Grigor T.* Recultivating “Good taste”: the early Pahlavi modernists and their society for national heritage // Iranian Studies. V. 37. 2004. № 1. P. 18–45.
19. *Ishaque M.* Modern Persian Poetry. Calcutta, 1943.
20. *Tavakoli-Targhi M.* Refashioning Iran. Orientalism, Occidentalism and Historiography. Oxford, 2001.

⁴³ История Свейской войны [Поденная записка Петра Великого]: В 2 вып. Вып. 1. М., 2004.

Anna N. Ardashnikova, Tamara A. Konyashkina

**“THE RESURRECTION OF PERSIAN KINGS”:
THE PROBLEM OF REZA SHAH PAHLAVI’S
LEGITIMIZATION (BY MATERIALS OF “SAFAR-NAMA
BE KHUZESTAN”)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the analysis of travel accounts of Iranian Prime Minister Reza Khan, the text of which is first introduced into scientific circulation and subjected to detailed consideration in an interdisciplinary study. Written during the military campaign against the influential ruler of the southern province of Iran, Arabistan (Khuzestan), the travelogue mainly contains information of a political origin, being essentially a justification of Reza Khan’s right to the Iranian throne. Shifting the focus of attention from the description of the outside world, which is a necessary characteristic of the travelogue, to its own “I”, gives the travel accounts typical features of a project based on political technology. “Safar-nama be Khuzestan” makes it possible to identify specific techniques, including those based on the cultural codes of the Iranian tradition, used by the author to construct his own image as a politician of the modern era. The article also highlights the origin of the new ideas about the nature of power and its carrier, established in Iran at the beginning of the 20th century. The article is provided with the necessary number of quotations from the text of the “Safar-nama”, which gives a comprehensive idea of its content.

Key words: Iran; Reza-khan; travelogue; constitution; parliament; political power; “Shah-nama”; nationalism.

About authors: *Anna N. Ardashnikova* – Ph.D. (Literature), Associate Professor, Department of Iranian Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anardash@mail.ru); *Tamara A. Konyashkina* – senior teacher, Department of Middle and Near East History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tamara_mgu@mail.ru).

REFERENCES

1. Dehkhoda, Ali-Akbar. *Logatname* [Dictionary]. Tehran, 1373 (1993/94). Dzh. 13, 14.
2. Makki H. *Tarik-e bist sala-ye Iran* [The 20-year history of Iran]. Tehran, 1322 (1944). Dzh.1.
3. Naser al-Din Shah Qajar. *Ruznama-ye safar-e avval be Farang* [The Travel accounts of the first journey to Europe]. Bombay, 1254 (1876).
4. Naser al-Din Shah Qajar. *Ruznama-ye safar-e dovvom be Farang* [The Travel account of the fsecond journey to Europe]. Tehran, 1257 (1879).
5. *Safar-nama-ye Reza-shah-e Pahlavi be Khuzestan wa Mazandaran* [The Travel Account of Reza Shah Phalavi through Khuzestan and Mazandaran]. USA, 2007.

6. Eshqi Mirzada. *Kolliyat-e mosawwar* [The Complete Works with Illustrations]. Tehran, 1350 (1981).
7. Aliev S.M. *Istoriya Irana. XX v.* [The History of Iran. XX c.] Moscow, 2004.
8. Asadulaev K. *Sverzhenie dinastii Kadzharov v Irane 1920–1925 gg.* [The Overthrow of Qajar Dynasty in Iran] Dushanbe, 1966.
9. Bertels E.E. *Persidskij istoricheskij roman XX v.* [The Persian Historical Novel]. Bertels E.E. *Izbrannye trudy. Istoriya literatury i kul'tury Irana* [The Selected Works. The History of Iranian Literature and Culture]. Moscow, 1988, pp. 363–375.
10. *Gistoriya Svejskoj vojny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [The History of the Swedish War (Everyday Notes of Peter the Great)]. Vyp. 1. Moscow, 2004.
11. Kirillina S.A., Safronova A.L., Orlov V.V. Ideya halifata v musul'manskom mire (konec XIX – nachalo XX v.): vyzovy i regional'nye otkliki (The Idea of Caliphate in the Muslim World) (late XIX – early XX c.). *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty* [Islam in the Modern World: the Domestic and International Aspects]. T. 14. 2018. № 3, pp. 133–149.
12. *Kniga deyanij Ardashira syna Papaka* [The Book of Deeds of Ardashir-i Pabagan]. Moscow, 1987.
13. Osetrov V.P. *Persidskie partii (Pis'mo iz Tegerana)* [Persian Parties. Letter from Tehran]. *Novyj Vostok*. 1922. № 1, pp. 147–153.
14. Smirnov K.N. *Zapiski vospitatelya persidskogo shaha. 1907–1914 gody* [The Notes of the Persian Shah's Upbringer. 1907–1914]. Tel'-Aviv, 2002.
15. Chajkin K. *Kratkij ocherk novejshej persidskoj literatury*. [Short Essay on the New Persian Literature] Moscow, 1928.
16. Abrahamian E. *Iran between two revolutions*. Princeton, 1982.
17. Ghani, Cyrus. *Iran and the rise of Reza Shah: from Qajar collapse to Pahlavi rule*. L., 2000.
18. Grigor T. Recultivating “Good taste”: the early Pahlavi modernists and their society for national heritage. *Iranian Studies*. V. 37. 2004. № 1, pp. 18–45.
19. Ishaque M. *Modern Persian Poetry*. Calcutta, 1943.
20. Tavakoli-Targhi M. *Refashioning Iran. Orientalism, Occidentalism and Historiography*. Oxford, 2001.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.Г. Гурия

СМЕНА МОТИВИРОВОК В СРЕДНЕВЕКОВОМ ТЕКСТЕ: ДВЕ «РАМАЯНЫ»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье на примере ключевых эпизодов второй книги «Рамаяны» – «Книги об Айодхье» – показано, как в смене мотивировок действий осуществилась авторская переработка Тулсидасом санскритского первоисточника – «Рамаяны» Вальмики – с позиций религиозного течения бхакти. Рассмотрены причины самого решения об изгнании Рамы в лес – страх магических последствий нарушения клятвы в архаике, затем замещенный причинами морально-этического свойства. Образы всех главных героев, в особенности Лакшманы, переработаны с целью дать читателю образцы добродетельного поведения в соответствующих социальных ролях. У Тулсидаса подчеркнут контраст в поведении и речах положительных и отрицательных героев. Рама последовательно изображен как воплощение всемогущего божества, а не просто праведный царевич, выделенный на фоне остальных героев своей исключительной добродетелью.

Ключевые слова: Рамаяна; санскрит; Тулсидас; Вальмики; историческая поэтика.

Речь в настоящей статье пойдет об одном из примеров переработки традиционного сюжета (санскритского эпоса «Рамаяна», далее – РВ) в поэме Тулсидаса «Рамачаритаманаса» (далее – РЧМ)¹.

Гурия Анастасия Георгиевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры индийской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: agguria@gmail.com).

¹ «Рамаяна» Вальмики цитируется по классическому изданию ее южной рецензии К.П. Параба [Ramayana, 1885]. Иногда привлекалась размещенная в реестре Геттингенского Университета GRETIL цифровая версия критического издания Рамаяны (The Vālmiki-Rāmāyaṇa. Critical Edition. General Editor, G.H. Bhatt. Vol. II. Ayodhyākāṇḍa. Baroda, 1961–1962), подготовленная М. Токунага [Ramayana, 2017]. Ряд причин не позволил ему стать общепринятым эталоном текста [Рамаяна, 2006: 727+], но на нем основан английский перевод под общей редакцией Голдмана [Ramayana, 2007 Vol. I, II]. Для сверки привлекался русский перевод П.А. Гринцера [Рамаяна, 2006].

Смена мотивировок, как известно, есть один из способов переработки традиционных сюжетов в художественной литературе ранних эпох. На примере эпизода с принятием решения об уходе Рамы в лесное изгнание рассматривались мотивировки действий героев и их поведение.

Уход главного героя в лес – один из ключевых моментов любой версии «Рамаяны». Санскритский эпос «Рамаяна», автором которого традиция называет мудреца Вальмики, – древнейшая из них (конец I в до н.э. – начало I в. н.э.). Именно от ее сюжетной схемы отталкивались позже авторы поэм о Раме на новоиндийских языках. Тулсидас, автор поэмы «Рамачаритаманаса», или «Море подвигов Рамы» (закончена в 1575 г.), пожалуй, наиболее известный из этих авторов. Его переработка первоисточника помимо художественных соображений продиктована идеологической задачей укрепления индуизма и распространения идей религиозного течения *бхакти*².

Как известно, термин *bhakti* (исходно «сопричастность, приобщение») в Северной Индии закрепился за идеей личной любви к божеству, построения близких эмоциональных отношений человека с богом, причем эти отношения не нуждались в сложном брахманическом ритуале или посреднике-жреце. Простота и общедоступность *бхакти* делали возможным его распространение среди всех слоев общества. Такая религия могла и среди низших каст конкурировать с активно (часто кроваво) насаждаемым в завоеванной Индии исламом. Важно и другое. В архаическом брахманизме пребывание в боге было уделом только отрешившихся от мирской жизни (аскетов, необратимо выпавших из всех человеческих связей – родственных и социальных). Средневековый же индуизм, построенный вокруг концепции *бхакти*, признавал для человека возможность единения с богом без обязательного ухода от мира. От адепта-*бхакта* требовались лишь чистота души, соблюдение норм нравственности, знакомство с религиозными текстами общины и любовь к божеству. В некоторых течениях *бхакти* религиозная жизнь превращалась в альтернативу

Текст РЧМ Тулсидаса [цит. по: Тулсидас, 2017], однако сверен по классическому русскому переводу проф. А.П. Баранникова [Тулсидас, 1948]. Полезен оказался грамматический очерк языка РЧМ [Grieves, 1895]. Везде в статье, где не оговорено иное, перевод цитат мой.

² Корни этого течения разнородны, от философских идей «Бхагавад-Гиты» и экстатических практик южноиндийских дравидийских культов (кстати, и богатейшей поэтической религиозной традиции Тамилнада, см. подробнее, например: [Павлова, 2014: 34–45]) до влияния ислама (особенно суфизма). Однако обзор генезиса и истории развития *бхакти* выходит за рамки наших задач.

мирской, в способ освобождения из плена своей социальной роли, своей предусмотренной ячейки в кастовой системе. Однако был и вариант бхакти, когда именно добросовестное исполнение своего долга на своем месте в семье, государстве и обществе объявлялось угодным богу и осмыслялось как путь к нему. Сам Рама в таком случае рассматривался как образец, архетип добродетельного человека, исполнителя долга-*дхармы*. Он сам и его ближайшее окружение превращаются в пример соблюдения дхармы на все времена.

Именно для популяризации такого варианта идей *бхакти* и распространения их среди самых широких кругов слушателей (читать умели немногие) Тулсидас на современном ему разговорном языке (*авадхи* и *брадж*, с редкими вставками на санскрите) обращается к древнему сюжету, в котором идеальный герой, царевич Рама, аватара бога Вишну на земле, во всех своих поступках и речах подавал пример добродетельного поведения и исполнения священного долга-*дхармы*. Послужившая поэту первоисточником санскритская «Рамаяна» Вальмики ко времени Тулсидаса становится текстом, непонятным для большинства людей. Однако, утверждая, что он просто пересказывает ту же самую древнюю историю современным, всем понятным языком, средневековый поэт – как всегда в таких случаях – старательно преуменьшает меру новаций, на самом деле внесенных им в текст³. Но для Тулсидаса принципиально важно утверждать свое тождество с предшествующей традицией, которую он *de facto* перетолковывает на новый лад. Так происходит во все эпохи религиозной реформации.

В изначальной «Рамаяне» Вальмики у сюжета есть земная (царская) и мифологическая линии. Мифологическая линия делает Раму воплощением (аватарой) бога Вишну и увязывает все его приключения с необходимостью для богов победить Равану, царя ракшасов, с помощью подвижничества получившего господство над мирами. Давно высказывалось мнение⁴, что концепция аватары и всё с ней связанное есть более поздний пласт текста, добавленный к изначальным частям эпоса – со второй по пятую книгам. В этих цен-

³ Сходным образом обходится со своим первоисточником автор тамильской «Рамаяны» Камбан (X в.). Разбор сцены из «Айодхьяканды» у Вальмики и Камбана см.: [Hart, 1976: 343–351].

⁴ Об этом писал еще Якоби [Jacobi, 1893: 55+, 67+], и всю книгу 1 многие считали поздним добавлением к эпосу. Голдман доказывает, что книга 1 в тексте была изначальной, но в нее инкорпорировано много вставок. В частности, вишнуитские фрагменты текста, представляющие Раму аватарой Вишну, – одна из таких более поздних интерполяций [Ramayana, 2007, vol. 1: 60+, 77].

тральных книгах «Рамаяны» Вальмики, действительно, превалирует восприятие Рамы не как божества, а как человека, добродетельного царевича, переносящего испытания. Он велик как человек и страдает как человек: когда исчезает похищенная Сита, его жена, то, не зная, что с ней случилось, Рама разражается плачем длиной в три главы (РВ 3.60–63), гадая, то ли к реке она ушла в одиночку, то ли ее пожрали бродящие по лесу ракшасы. Так горевать может только человек, но не верховное божество. Раму утешает и побуждает к дальнейшим поискам брат Лакшмана. Тулсидас, в сущности, исправляет эту непоследовательность первоисточника, представляя Раму во всех ситуациях сюжета прежде всего аватарой Вишну. Отсюда непоколебимое спокойствие героя и его неизменное превосходство над окружающими. Из второстепенной мифологическая линия становится внутренне главной, автор подчиняет царскую линию новым идейным задачам. Трансформируется не только образ самого Рамы, но и образы других персонажей: теперь они предстают как *бхакты*, преданные адепты своего божества, либо же как его противники.

Царская линия сюжета «Рамаяны» Вальмики связана с тем, что старший царевич Солнечной династии, Рама, сын царя Дашаратхи от Каусальи, в результате интриг младшей жены царя Кайкейи отправляется в лесное изгнание в тот самый день, когда должен был стать соправителем отца, молодым государем. Кайкейи, желая видеть на троне своего сына Бхарату, вынуждает Дашаратху сдержать давнее слово. Когда-то она спасла мужа во время битвы богов и асуров, и он обещал, что исполнит два любых ее желания. Добившись повторной клятвы, Кайкейи сообщает Дашаратхе свои желания: она хочет, чтобы наследником стал Бхарата, а Рама – отправился в лесное изгнание на четырнадцать лет. Дашаратха вне себя от горя пытается переубедить ее, но Кайкейи непреклонна. Царь падает без сил, и так его застает утро. Пришедшего за благословением отца Раму встречает Кайкейи; Дашаратха не в силах вымолвить ни слова, и она от имени царя требует, чтобы Рама отказался от трона и удалился в изгнание. Рама подчиняется из почтения к отцу и чтобы не сделать его клятвопреступником. Несмотря на уговоры и скорбь близких, Рама уходит в изгнание. Сцена содержит ряд плачей и гневных обличений в адрес Кайкейи. Горе от разлуки с Рамой после его отъезда убивает царя-отца.

Странность всей этой ситуации в том, что старый царь Дашаратха оказывается словно бы связан по рукам и ногам. Царевич Рама совершает нравственный выбор: ему предлагают (даже сам отец – РВ 2.34.26) силой захватить престол, но вместо этого Рама решает по-

виноваться отцу, и совесть его после этого спокойна; доля горечи не мешает ему сохранять самообладание. А вот его отец страдает безмерно, потому что совершает поступок, которому противится всё его существо, и вместе с тем по каким-то причинам не может поступить иначе. Внутренний конфликт, в конце концов, и убивает его. У Дашаратхи словно бы и нет выбора, он находится в положении чисто страдательном с того момента, как Кайкейи выманивает у него клятву исполнить ее просьбу. Он не предпринимает никаких действий, чтобы изменить ситуацию. Это, если вдуматься, необычно.

Эпос пространно мотивирует поступки персонажей с помощью развернутых монологов и обменов речами. В южной рецензии РВ всю ситуацию вокруг изгнания Рамы передают песни 2.7–2.41. Тулсидас, сократив соответствующую сцену примерно втрое (*дохи* 12–85, за каждой из которых обычно следуют четверостишия-*чоупаи*) и придав ей более стройную композицию, вместе с тем изменяет мотивировки поступков почти всех участвующих в ней персонажей.

В обеих версиях подстрекаемая служанкой Мантхарой, которая внушает ей страх за судьбу Бхараты в случае коронации Рамы, Кайкейи решает воспрепятствовать помазанию. Она удаляется в так называемый дом гнева (*krodhāgāra* в РВ, *kora-bhavana* в РЧМ), соблюдая весь этикет поведения обиженной женщины, которая добивается, чтобы муж вымаливал у нее прощение. Большей частью такие сцены в санскритской литературе связаны с ситуацией ревнивой ссоры [Индийская лирика II–X вв., 1978: 54]. И у Вальмики Дашаратха, застав любимую жену в доме гнева, лежащей на земле в грязном сари и без украшений (т.е. подчеркнуто страдающей), предполагает что-нибудь подобное. Царь начинает выспрашивать, что с ней, не больна ли она, не обидел ли ее кто⁵. Кайкейи ловко подводит разговор к тому, что муж на самом деле не готов сдержать свое обещание и даровать ей желанный дар. Так, разыграв сцену обычных капризов ревнивой женщины, которую надо улестить приятными речами, Кайкейи провоцирует мужа на звучные клятвы и, в конце концов, он клянется, что непременно сдержит когда-то данное ей слово исполнить две ее просьбы. В критическом издании царь клянется накопленной им благой заслугой, от которой зависит его посмертная доля, – *sukṛtena*⁶: «Ревнивица, не знаешь ли, что тебя

⁵ РВ 2.10.28-39 [Ramayana, 1888: 145], перевод [Рамаева, 2006: 284–285].

⁶ В крит. изд. – 2.20.17–19: *avalipte na jñāsi tvattaḥ priyatara mama / manujo manujavyāghrād rāmād anyo na vidyate // bhadre hṛdayam apy etad anumṛsyoddharasva me / etad samikṣya kaikeyi brūhi yat sādhu manyase // balam ātmani paśyanti na māṇ śāṅkitum arhasi / kariṣyāmi tava prītiṃ sukṛtenāpi te śape //*

дороже у меня / нет человека, кроме тигра среди мужей Рамы? // О благая, вытащив, возьми себе даже это сердце мое; / – Вглядевшись в него, о Кайкейи, скажи, что считаешь верным. // Видя силу свою, не должна ты сомневаться во мне: / Сделаю я то, что тебе приятно, – даже благой заслугой клянусь тебе». Однако есть и другой, расширенный вариант этой сцены, включающий после первой еще три строфы, в которых царь клянется Рамой (!): «Тем непобедимым, главным из потомков Рагху, великим духом / клянусь я тебе, дорогим, как жизнь, – говори, чего желаешь душою. // Тем, которого миг не видя, несомненно не смог бы жить я, / Тем Рамой, Кайкейи, клянусь исполнить твое слово. // Тем быком средь мужей, который дороже мне себя самого и других сыновей, / тем Рамой, Кайкейи, клянусь исполнить твое слово»⁷. Далее в критическом издании и в издании Параба текст совпадает. Чтение Параба принимает в своем переводе и П.А. Гринцер (РВ 2.11.5–10, ср. [Рамаяна, 2006]).

Далее Кайкейи произносит монолог, в котором призывает в свидетели всех богов и космически значимые элементы мироздания, явно относящиеся к кругу ведийских представлений о мировом порядке (ṛta), за нарушение которого человека ждала расплата: «То, как раз за разом приносишь ты клятву и даруешь мне дар⁸, / Да услышат тридцать три божества, предводимые Индрой; // Месяц и Солнце, да и Небо, планеты, День и Ночь, стороны света, / И мир, и земля с гандхарвами и ракшасами; // Пусть бродящие в ночи неупокоенные духи и домашние божества в домах, / И все, какие есть, живые существа ведают сказанное тобой. // Верный правде, великомощный, знающий дхарму, чистый, ибо правдоречив он, / дарует он дар мне, – да слышат это все божества!» (РВ 2.11.13–16 [Ramayana, 1888: 149+]).

Отметим, что в русском переводе П.А. Гринцера этот фрагмент истолкован как отсылка к *прежней* клятве Дашаратхи и просьба к нему теперь, как бы во всеуслышание перед всей Вселенной, ее подтвердить, даруя Кайкейи дар: «В свое время ты обещал / Одарить меня любым даром. / Свидетелями твоего обещания / Во главе с великим Индрой // Были тридцать три бога, / Луна, Солнце и Звезды, / День, Ночь и Небо, / Земля и Направления света, // Гандхарвы и ракшасы, /

⁷ tenājāyena mukhyena rāghavena mahātmanā / śape te jīvanārheṇa brūhi te yanmanasecchasi // yaṃ muhūrtamaśyaṃstu na jīveyam-aham dhruvam / tena rāmeṇa kaikeyi śape te vacanakriyām // ātmanā vātmajaiścāyairvṛṇe yaṃ manurṣabham / tena rāmeṇa kaikeyi śape te vacanakriyām // – РВ 2.11.6–8.

⁸ Иными словами, возможность выбрать дар. Исходная семантика глагола vṛ – «выбирать»; так, в сценах награды за подвижность типичная формула слов божества – varam vṛṇiṣva «выбери <себе> дар».

Пишачи, блуждающие в ночи, / Бхуты, домашние божества / И все существа в этом мире. // Пусть снова услышат все боги, / Что ты, верный своему слову, / Добродетельный, говорящий правду, / Обещал одарить меня даром!» [Рамаяна, 2006: 286–287]. Поводом для такого понимания мог послужить перевод *yathā-kramaṇa* как «согласно порядку» в смысле «по порядку, с течением времени». Однако это выражение может означать не только порядок во времени, но и вообще всякое следование порядку, правилу (ср. в словаре Monier-Wiliams: “according to order, in due order, successively, respectively”). Кроме того, очень похоже, что изначально в строфе была синтаксическая конструкция, оформленная с помощью двух союзов: *yathā* «как, каким образом» в первой ее половине и *tat* «то» во второй. В этом случае мы имеем отдельно *kramaṇa* – «в ряд, чередой, снова и снова» либо «по порядку, согласно правилу». Между тем в речи Дашаратхи мы действительно имеем *серию* клятв именем Рамы: по одной на строфу. Кстати, сходным образом понимает комментатор Рама, чьи замечания включает в свое издание Параб: двумя строфами раньше он поясняет: *tena vākyena trivācā rāma-śapatha-pūrvaka-sva-vākyu-kriyā-vākyena* «тем словом – [т.е.] словом об исполнении своего обещания, предваряемым троекратной клятвой Рамой» ([Рамаяна, 1888: 146], комм. к РВ 2.11.11). Далее: «Предвидя сопротивление, поскольку клятва царя трудноисполнима, она <Кайкейи. – А.Г.> подкрепляет эту клятву свидетельством всех без исключения: *yathā-kramaṇa* и т.д.: последовательностью из сильно любимого сына, благой заслуги и прочего клянешься, т.е. клятву приносишь, и предшествуемый этим дар даруешь мне [на мой выбор], т.е. решил даровать, – это твое слово» (там же). Таким образом, речь идет не о прежнем обещании Дашаратхи, а о нескольких клятвах, связанных прежде всего с именем Рамы, которые предшествовали *повторному* обещанию царя даровать дар Кайкейи. И весь ее монолог есть, по существу, заклятие, призывающее кару богов и вселенной в случае нарушения клятвы.

Дальнейшая драматургия сцены очевидно показывает, что Дашаратха *не может* клятву отменить, хотя отчаянно желает этого. Отсюда его обмороки, попытки отрицать действительность, не верить в серьезность намерений Кайкейи, вымолить у нее отмену просьбы и перемежающий эти мольбы поток брани, упреков и сожалений. Так может вести себя только человек, оказавшийся загнанным в угол. Как видим, в архаическом варианте сюжета причина, по которой Дашаратха буквально вынужден изгнать любимого сына в лес, а не помазать на царство, очевидно, магического свойства. Дашаратха

бессилен, потому что он боится – больше, чем смерти и даже чем разлуки с сыном, которая для него страшнее смерти: боится Раめ навредить.

Изъятие клятвы именем Рамы из текста ряда вариантов «Рама-яны»⁹ – проявление того, что уже сама традиция достаточно рано забывает об архаических корнях подоплеку происходящего. Как это часто бывает в эпосе, начинается наслоение мотивировок, более поздних объяснений безвыходного положения героя. Обмен речами между Дашаратхой и Кайкейи представляет собой серию его попыток добиться отмены страшной просьбы, и каждый раз царица настаивает на своем¹⁰. Основной темой здесь выступает нерушимость царского слова. Типичным для эпоса образом здесь дважды приводятся «списки прецедентов» – примеры героев прошлого, любой ценой державших свое слово (Шиби, царь Аларка, океан – РВ 2.12.43–44, РВ 2.14.4–6). Сквозная тема этого спора – осуждение, которому подвергнется старый царь. Кайкейи подчеркивает то, как осудит его весь мир за нарушение слова, сам же Дашаратха на это возражает подобным доводом: как осудят его родные и подданные за изгнание Рамы (РВ 2.12.65, 67–70, 83). Кайкейи угрожает совершить самоубийство, сделав Дашаратху виновным в убийстве женщины (тяжкий грех), он же, возражая, говорит, что после ухода в лес Рамы неизбежно умрет и он сам, и все, кому дорог Рама, в конце же в отчаянии добавляет, что и жизнь вероломной Кайкейи ему больше не дорога. Так на каждый из доводов следует отдельный ответ, согласно обычной схеме эпических диспутов. На каждую речь-мольбу царя Кайкейи отвечает отказом, повторяя свои требования и апеллируя к нерушимости царской клятвы, предстоящему царю позору и угрожая самоубийством; Дашаратха же оспаривает каждый из ее доводов. К концу спора его реплики становятся все короче, а Кайкейи в ответ непреклонно молчит, равнодушная к его страданиям. Но то, *почему* в этом споре одерживает верх Кайкейи, хотя доводы Дашаратхи верны и справедливы, необъяснимо, если не принять предложенную выше версию – о магической силе клятвы именем сына.

⁹ О таком изъятии свидетельствует исключение этих строф из критического издания. Позиция редакторов состояла в том, чтобы оставить в тексте только строфы, совпадающие в большинстве или во всех доступных им версиях «Рамаяны» Вальмики, и именно их объявить изначальной «Рамаяной». О несостоятельности такого подхода см.: [Рамаяна, 2006: 728+].

¹⁰ РВ 2.12.7–36 и 2.12.39–49; 2.12–56–111 и 2.13.3, 2.13.5–14, 17–19, 20–23 и 2.14.2–10, 2.14.14–18 и 2.14.21–22, 2.14.24.

В поэме Тулсидаса эта первопричина, затушеванная уже у Вальмики, почти неощутима. Правда, Мантхара подучает Кайкейи дожидаться, когда царь поклянется Рамой, и затем просить свой дар (РЧМ 2.21+); позже царь говорит Кайкейи: «если обману тебя в чем-то, / о страстная, да буду сто раз <виновен в нарушении> клятвы Рамой» (РЧМ 2.25+), и добавляет, что точно сдержит слово, раз поклялся Рамой (РЧМ 2.27). Но примерно такой же вес имеет далее (2.31+) упоминание «сто раз клянусь тебе Рамой, что мать Рамы ни слова мне не говорила...» (о том, чтобы помазать на царство Раму в ущерб Бхарате). Клянется Рамой и его мать без какой-то особой цели, восхваляя Бхарату перед матерью Ситы (РЧМ 2.282+). Это просто бытовая, обыденная клятва, за которой не стоит страх кары в случае ее нарушения.

Итак, в качестве причин поступка Дашаратхи остаются более поздние мотивировки. Беспомощность человека, загнанного в ловушку магического запрета, заменяется совершенно другим конфликтом – уже нравственного порядка: речь идет о доброй славе царя, о том, что скажут люди (РЧМ 2.29+), и о том, что говорить правду и держать слово – священный долг, определяющий посмертную долю. Упоминаются и «прецеденты» верности слову любой ценой (Шиби, Дадхичи и Бали 2.29+). Внятных отголосков магического заклęcia здесь не остается.

Сам Дашаратха, который в эпосе свирепо поносит Кайкейи, удивляется, как у нее не выпали и не распались на сто кусков зубы от таких слов, а в ответ на ее угрозу совершить самоубийство (РВ 2.12.47) выражает пожелание, чтобы она это и сделала (РВ 2.12.107–110), – у Тулсидаса, напротив, ставит себе в заслугу кроткое с ней обращение и только говорит, что сама она позже раскается в содеянном и будет сожалеть (РЧМ 2.30+). На коронацию Бхараты он соглашается без раздумий; его печалит лишь разлука с Рамой, но и здесь его уговоры носят весьма мягкий и учтивый характер: «Я сделал это, не спросив тебя, оттого и не исполнилось это мое желание» (2.31+). Кайкейи же говорит с царем грубо, насмешливо: «Применяй хоть миллион уловок, тебе не обмануть меня. // Дай <обещанное> или прими позор, не исполнив; не по нраву мне многие козни. // Рама праведен, ты праведен и мудр, Каусалья добра – видала я все это! // Какого добра желала мне Каусалья, того плоды ей отдам я с лихвой!» (РЧМ 2.32+, [Tulsidas, 2017: 381]). Диалог так и продолжается: Кайкейи язвительна и жестока, царь мягок и добр, и в ответ на ее укоры только объявляет, что виной всему его судьба и именно она говорит устами Кайкейи. Жестоко страдая, Дашаратха у Тулсидаса тем не менее не

проявляет враждебности и не винит жену: поэт создает контраст в поведении противников.

В РЧМ полностью переработана вся сцена. Тудсидас изымает из нее все, что он находит неподобающим для положительных героев. Кроток и незлобив обманутый Дашаратха, при всех своих страданиях. Изменяется и Лакшмана, который у Вальмики порицал поведение отца и обещал в одиночку, взяв лук и стрелы, истребить всех врагов Рамы, “ибо не для красоты у меня эти руки, не для украшения лук у меня, / не для того лишь, чтоб повязать <на пояс>, – меч, не для подпорки – стрелы» (РВ 2.23.30). Теперь он предстает как смиренный преданный юноша, который чтит Раму не просто как старшего брата, но как божество, и на совет брата не следовать за ним в изгнание говорит: «Не в силах отвечать из-за любви, он припал к его стопам: / “Господин, я раб, ты хозяин, если покинешь – где пристанище? / Господин, (ты) дал мне добрый совет, / Но он кажется неисполнимым из-за моей слабости; / Лучшим из людей, стойким, держателям поведеньев дхармы / Можно говорить о заповедях и уставах; / Я – младенец, вскормленный любовью господина, / разве <горы> Мандара и Меру поднимет гусь?”» (РЧМ 2.71+ [Tulsidas 2017: 415]). Рама соглашается, и Лакшмана, как мальчик, бежит отпрашиваться к матери Сумитре, с замиранием сердца думая, отпустят его или нет. Свернуты и почти все речи Каусальи.

Рама в «Рамаяне» Вальмики стойко переносит все испытания, но ощущает их как таковые. Предваряет его спор с матерью и братом строфа о том, что он *сдержал горечь* (dhārayan manasā duḥkham indriyāṇi nigrhya sa (РВ 2.19.40)). Он сдерживает слезы, отказывая матери, хотящей уйти в лес вместе с ним (РВ 2.24.20). Прежде чем поведать Сите о перемене своей судьбы, Рама смущается: он входит в свой дом, опустив голову от стыда (hriyā kīṃcid avāṇmukhaḥ), и Сита пугается, увидев его, терзаемого скорбью, с чувствами, охваченными тревогой (śokasamtaptaṃ cintāvyākulilendriyam, РВ 2.26.5–6). У Тулсидаса же Рама с первого до последнего момента осознает себя как аватара Вишну, и потому никакие горести его глубоко затронуть не могут. Иными словами, его выбор (в «Рамаяне» Вальмики – выбор, продиктованный долгом) даже не ощущается как жертва.

Кроме того, здесь нет того противопоставления Рамы окружающим его персонажам, над которыми он был приподнят в эпосе. У Тулсидаса все положительные герои в равной мере кротки, незлобивы, самоотверженны, бескорыстны, каждый задает образец высоконравственного поведения в соответствующей роли в семье

и обществе. К тому же на всех них распространяется облагораживающее влияние Рамы как Абсолюта.

В целом предсказуемо, что два текста с разницей в тысячу лет различаются между собой и с идейной, и с художественной точки зрения; но любопытно было посмотреть, в чем именно состояла переработка традиционного сюжета оригинала Тулсидасом и адаптация этого оригинала к потребностям новой идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Ramayana of Valmiki with the Commentary (Tilaka) of Rama: In2p. / Ed. K.P. Parab. Bombay: NSP, 1888. 1162 c.
2. The Rāmāyaṇa of Vālmīki: An Epic of Ancient India. Vol. I. Bālakāṇḍa. Delhi, Motilal Banarsidass, 2007. 435 c.
3. The Rāmāyaṇa of Vālmīki: An Epic of Ancient India. Vol. II. Ayodhyākāṇḍa. Delhi, Motilal Banarsidass, 2007. 565 c.
4. Sri Rama Charita Manasa with Hindi Text and English translation. Gita Press, Gorakhpur, 2017. 1101 c. (электронное издание)
5. Tulasidasa. Ramacharitamānasa. Sopana 2: Ayodhyakanda. URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/3_nia/hindi/tulrcm2u.htm (дата обращения: 12.12.2018).
6. Greaves E. Notes on the grammar of the Ramayan of Tulsi Das. Benares, 1895. 38 c.
7. Hart G.L. The Relation between Tamil and Classical Sanskrit Literature // A History of Indian Literature / Ed. J. Gonda. Vol. X. Wiesbaden, 1976. P. 317–351.
8. Индийская лирика II–X вв. М., 1978. 207 с.
9. Павлова М.Б. Проблемы раннесредневекового тамильского бхакти (на материале гимнов шиваитского поэта Самбандара): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. 201 с.
10. Рамаяна. Кн. 1. Балаканда (Книга о детстве). Кн. 2. Айодхьяканда (Книга об Айодхье) / Пер. П.А. Гринцера. М., 2006. 890 с.
11. Тулсидас. Рамаяна или Рамачаритаманаса. Море подвигов Рамы / Пер. акад. А.П. Баранникова. М.; Л., 1948. 979 с.

Anastasia G. Guria

CHANGE OF MOTIVATION IN A MEDIEVAL TEXT: THE TWO ‘RAMAYANAS’

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article focuses on the scene of the decision of Rama's exile to the woods in the two Ramayanas – by Valmiki and Tulsidas. The change of motives behind the heroes' actions shows how Tulsidas reworks the original story to preach the ideas of the bhakti religious movement. The article discusses the original reason for Rama's exile (fear of the magic consequences of a broken pledge), that is later substituted for ethical reasons. Images of all main heroes, most notably Lakshmana, are reworked to

serve the audience as models of righteous behaviour in their respective social roles. Tulsidas stresses the contrast between the actions and speeches of the protagonists and antagonists. Rama is consistently shown as an incarnation of an allmighty deity, not just a virtuous prince set off against the background of those around him because of his exceptional righteousness.

Key words: Ramayana; sanskrit; Tulsidas; Valmiki; historical poetics.

About the author: *Anastasia G. Guria* – Candidate of Philological Sciences (PhD), Researcher, Indian Philology Department of the Institute of African and Asian Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: agguria@gmail.com).

REFERENCES

1. *The Ramayana of Valmiki with the Commentary (Tilaka) of Rama:* In2p. Ed. K.P. Parab. Bombay: NSP, 1888. 1162 p.
2. *Sri Rama Charita Manasa with Hindi Text and English translation.* Gita Press, Gorakhpur 2017. 1101 c.
3. *The Rāmāyaṇa of Vālmiki: An Epic of Ancient India. Vol. I. Bālakāṇḍa.* Delhi, Motilal Banarsidass, 2007. 435 p.
4. *The Rāmāyaṇa of Vālmiki: An Epic of Ancient India. Vol. II. Ayodhyākāṇḍa.* Delhi, Motilal Banarsidass, 2007. 565 p.
5. Tulasidas. *Ramacharitamanasa. Sopana 2: Ayodhyakanda.* URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/3_nia/hindi/tulrcm2u.htm (12.12.2018)
6. Greaves E. *Notes on the grammar of the Ramayan of Tulsi Das.* Benares, 1895. 38 p.
7. Hart G.L. *The Relation between Tamil and Classical Sanskrit Literature.* In: *A History of Indian Literature.* Ed. J. Gonda. Vol. X. Wiesbaden, 1976, pp. 317–351.
8. *Indiiskaya lirika II-X vv.* (Indian Lyric Poetry of II–X c. A.D.) Moscow, Nauka, 1978. (In Russ.)
9. Pavlova M.B. *Problemy rannesrednevekovogo tamil'skogo bhakti (na materiale gimnov shivait'skogo poeta Sambandara).* [The Problems of Early Medieval Tamil Bhakti. Based on the Shaiva Poet Sambandar's Hymns.], PhD Thesis, M., 2014. 201 s. (In Russ.)
10. Ramayana. Kn. 1. Balakanda (Kniga o detstve). Kn. 2. Ayodhyakanda (Kniga ob Ayodhye). Per. P.A. Grintsera. [Ramayana. Book I. Balakanda (Book of the Childhood). Book 2. Ayodhyakanda (Book of Ayodhya). Trans. P.A. Grintser] Moscow, Lodomir, Nauka, 2006. (In Russ.)
11. Tulsidas. *Ramayana ili Ramacharitamanasa. More podvigov Ramy.* Per. s ind. (khindi), komm. i vstup. st. akad. A.P. Barannikova. [Tulsidas. Ramayana or the Ramacharitamanasa. The Ocean of Deeds of Rama. Translated from Hindi by academician A.P. Barannikov] Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1948. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.В. Громова

ДЕСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ ИМЕННЫХ СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫХ КЛАССОВ В ЯЗЫКАХ БАНТУ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются нарушения основной типологической черты языков банту – системы именных классов. Деструкция этой системы проявляется в редукции инвентаря именных классов, унификации средств выражения множественного числа и тенденции перехода от классного формально-числового согласования к новой парадигме семантического согласования, основанной на оппозиции двух признаков – одушевленность/неодушевленность. Приводится иллюстративный материал крупных межэтнических и миноритарных внутриэтнических языков банту.

Ключевые слова: языки банту; именные классы; редукция; плюральность; семантическое согласование.

1.0. Как известно, определяющей чертой грамматической структуры языков банту является наличие системы именных согласовательных классов, проявляющейся в формальном классно-числовом согласовании имени существительного с зависящими от него частями речи (глагол, все типы местоимений, прилагательное и числительное). Это устойчивая система средств обязательной выраженности классного нормативного согласования. Хрестоматийные примеры продемонстрируют классическое согласование в двух этнических языках Танзании, расположенных в разных регионах и имеющих разное количество носителей языка. Это миноритарный язык манда (N.11) на юго-западе страны с численностью говорящих всего 43115 человек¹:

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой африканистики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: gromova@iaas.msu.ru).

¹ Данные о численности носителей языка приводятся по: Atlasi ya lugha za Tanzania. Mradi wa lugha za Tanzania. Chuo Kikuu cha Dar es Salaam. 2009 (Атлас языков Танзании. Проект по изучению языков Танзании. Дар-эс-Саламский университет. 2009).

Litunda	langu		lela		liyili		koki?
Litunda	l	angu	l	ela	li	yili	
5cl фрукт	5cl	мой	5cl	тот	5cl	находиться	где

Где находится тот мой фрукт?

Второй язык джита (Е.25) локализуется на северо-востоке и численность носителей языка достигает 364 889 человек:

Jinjira	jindi		jinyirafuru		ni	ja		kisi
Jinjira	ji	ndi	ji	nyirafuru	ni	j	a	kisi
10cl дорога	10cl	другой	10cl	черный	есть	10cl	Poss	красота

Другие черные дороги красивы.

Подобные примеры стройной системы согласования встречаются во многих банту, в том числе и в межэтническом языке суахили:

Vitu	vyangu		vikubwa		vile		vimevunjika
Vitu	vy	angu	vi	kubwa	vi	le	vi me vunjika
8cl вещь	8cl	мой	8cl	большой	8cl	тот	8cl Prf ломаться

Те мои большие вещи сломались.

Такой тип согласования с тождественным морфемным цитированием или согласование с морфо-фонетическими алломорфами маркеров-показателей класса при соблюдении формального классно-числового признака (часто называют бантуским каноном), можно обнаружить во многих языках банту. Однако в ряде современных языков банту наблюдается определенное движение языковой нормы в сторону деструкции этой грамматической бантуской нормы.

1.1. Тенденция к размыванию четких согласовательных норм более ярко проявляется в межэтнических языках, которые демонстрируют как типичные виды согласования, так и значительные отступления от регулярных норм. К языкам такого типа относятся языки, обслуживающие более чем один этнос. При этом территория их распространения не зависит от государственных или административных границ. Начнем с рассмотрения нарушений и сдвигов в системе именных согласовательных классов в межэтнических языках суахили, лингала и китуба.

Язык суахили (G.42) распространен на обширной территории восточной и центральной Африки, является государственным или

одним из государственных/официальных языков в Танзании, Кении, Уганде и Конго (ДРК). По некоторым данным, численность носителей языка суахили как первого, так и используемого в качестве второго и третьего, достигает 200 млн человек.

Язык лингала (С.36d) распространен на обширной территории практически всей центральной Африки. На нем говорят народы, населяющие обе республики Конго и соседние районы ЦАР, Габона, Анголы и Судана. Этнической группы, для которой лингала являлся бы родным языком, не существует. Численность говорящих на нем превышает 10 миллионов человек. Лингала – один из официальных языков в Республике Конго и Демократической Республике Конго.

Язык китуба (монокутуба, Н.16) является средством коммуникации в центральной Африке, в обеих республиках Конго и имеет статус официального языка. Численность говорящих на нем составляет примерно пять с половиной миллионов человек.

2.1. Прежде всего нарушения обнаруживаются в системе именной классификации. Так, в языке суахили исчез ряд классов, постулируемых для прабанту: нет классов 1a/2a и 9a, оценочные диминутивные классы (12, 13, 19) поглощены 7/8 классом, классы с аугментативной семантикой (20, 21, 22) включены в состав 5/6 классов, 14 класс с абстрактным значением объединен в суахили с 11 классом. Таким образом, из 22 прабантуских классов в суахили представлены 15 классов.

В языке лингала выделяют 12 именных классов и 2 подкласса². По числовому признаку классы образуют бинарные оппозиции 1/2, 3/4, 5/6, 7/8, однако реально корреляция классов намного сложнее. В языке лингала представлены разнообразные формы асимметрии сингулярных и плюральных классов.

В языке китуба³ есть 1a класс (которого нет в суахили и лингала), но исчезли классы 10, 12, 13, а также локативные классы 16–18 и оценочные 19–22. Язык китуба, имеющий более низкий социальный статус и престиж по сравнению с суахили и лингала, сохранил архаический бантуский строй в большем объеме, хотя, возможно, и здесь сказывается доминирующее воздействие более крупного межэтнического языка в бассейне Конго – языка лингала.

Именные классы нечетного ряда выражают, как правило, единственное число, классы четного ряда – множественное. Такая пар-

² См.: Топорова И.Н. Грамматика языка лингала. М., 1994. С. 36.

³ *Stucky S.U.* How a noun class system may be lost: evidence from Kituba (Lingua franca Kikongo) // *Studies in the linguistic sciences*. Vol. 8. 1978. № 1. P. 216–233.

ность классов это идеальная система, в которой серии сингулярных и плюральных классов должны быть изоморфны. Так, М. Гасри подобные двухклассные серии предлагает называть родами (genders)⁴. Однако языки банту обнаруживают в этом отношении значительное разнообразие по степени диспропорции между сингулярными и плюральными классами. При этом такая диспропорция зависит не только от наличия немногочисленного подкласса существительных типа *singularia tantum* и *pluralia tantum* в составе того или иного класса, но и от деформации классной системы, вызванной общим упрощением грамматической системы языка под воздействием контактирующих языков разного социального статуса и разного престижа.

2.2. В современных межэтнических языках суахили, лингала и китуба четко прослеживается тенденция к уменьшению количества плюральных именных классов, а также унификация выражения плюральности с помощью ограниченного набора префиксов-показателей множественного числа.

Так, для всех языков банту корреляция 5 и 6 класса (с префиксом *ma-*) является регулярной. В то же время префикс *ma-* берет на себя функцию плюрализатора и для ряда других классов, например: в языке суахили 6 класс < 5 класс (*tunda/matunda* ‘фрукт/фрукты’), 6 класс < 9 класс (*babu/mababu* ‘дед/деды’), 6 класс < 11 класс (*ugonjwa/magonjwa* ‘болезнь/болезни’), в языке зулу 6 класс < 5 класс (*ilanga/amalanga* ‘солнце/солнца’), 6 класс < 9 класс (*inkosana/amakosana*), в языке руанда 6 класс < 5 класс (*izuru/amazuru* ‘нос/носы’), 6 класс < 9а класс (*ibaruwa/amabaruwa* ‘письмо/письма’), в языке лингала 6 класс < 5 класс (*libela/mabela* ‘колодец/колодцы’), 6 класс < 9 класс (*mboka/mamboka* ‘город/города’) и др. В целом, 6 класс наряду с регулярной корреляцией образует большое количество (13!) нерегулярных корреляций по числовому и оценочному признакам⁵.

Процесс нивелировки плюральности в ряде языков банту значительно продвинулся. Речь идет о центральноафриканских бантуских языках лингала, китуба (монокутуба), аква и других, которые в качестве плюрализатора выбирают префикс 2 класса *ba-*. Так, например, в китуба⁶ с помощью префикса *ba-* образуется множественное число существительных 1 класса (*muntu/bantu* ‘человек/люди’),

⁴ Guthrie M. Gender, number and person in Bantu languages // BSOAS. Vol. 12. 1948. № 3–4; Guthrie M. The classification of the Bantu languages. Oxford, 1948.

⁵ См.: Аксенова И.С., Топорова И.Н. Введение в бантуистику. Имя. Глагол. М., 1990. С. 56.

⁶ Stucky S.U. How a noun class system may be lost: evidence from Kituba (Lingua franca Kikongo) // Studies in the linguistic sciences. Vol. 8. 1978. № 1. P. 216–233.

1а класса (mama/bamama ‘мать/матери’), 3 класса (mwinda/minda/bamwinda ‘свет/много света’), 5 класса (dibele/mabele/babele ‘грудь/груди’), 9 класса (mbulu/bambulu ‘шакал/шакалы’), 11 класса (lusa-disu/balusadisus ‘помощь/помощи’), 13 класса (kanifi/bakanifi ‘нож/ножи’), 14 класса (bwala/babwala ‘деревня/деревни’).

Таким образом, «несимметричность сингулярных и плюральных форм в языках с именными классами – явление обычное, однако здесь мы видим тенденцию к стандартному и единообразному выражению плюральности, и такая тенденция наносит сильнейший удар по стройности классной системы, а тем самым и по ее существованию»⁷.

3.1. Еще одним ударом по «стройности классной системы» является ее деструкция на синтаксическом уровне, которая обнаруживается при реализации категории одушевленности/неодушевленности. Такая именная категория, по мнению одних исследователей⁸, возникла недавно. Существует и иная точка зрения, согласно которой семантическая оппозиция по признаку одушевленности/неодушевленности с канонизацией показателей 1/2 классов «людей» была маркирована уже в прабантуском состоянии⁹. Парадигма этой категории состоит в том, что глагольное субъектно-объектное, адъективное, местоименное и нумеративное согласование по формальному признаку классно-числовой принадлежности «одушевленного» существительного заменяется согласованием на семантических основаниях. Такой категорией наделены номинации биологических объектов (лица/личности и другие живые существа), представленные именами 1/2 классов «людей» и 9/10 классов «животных», а также другими одушевленными именами, которые можно обнаружить в составе любого предметного класса.

По мнению ряда исследователей, во внутриэтнических языках, сохраняющих архаичный бантуский строй в самой яркой типологической особенности, т.е. системе согласования, такие процессы недопустимы¹⁰, например, в языке курия (Е.43):

⁷ Виноградов В.А. Число и класс на фоне определенности // Проблемы изучения языков Африки. Материалы конференции, посвященной 30-летию отдела африканских языков. М., 1995. С. 32.

⁸ См.: Ольдерогге Д.А. Определение времени и пространства в языках банту (локативные классы) // Памяти В.Г. Богораза. М.; Л., 1937. С. 368.

⁹ Meeussen A.E. Bantu grammatical reconstruction // *Africana linguistica* III. Tervuren, 1967. P. 97; Виноградов В.А. Именные классы и местоимения в бамилеке // Морфология и морфология именных классов в языках банту. М., 1979. С. 113.

¹⁰ См.: Топорова И.Н. Указ. соч. С. 85.

Egetoko	egeke		gekagamba			iga
Egetoko	ege	ke	ge	ka	gamba	iga
7cl заяц	7cl	маленький	7cl	Nar	говорить	так

И маленький заяц сказал так¹¹.

Тем не менее в этом же языке обнаруживаем определенные нарушения имманентного согласования по формально-числовому признаку и реализацию согласования по семантическому признаку:

Endoi	akaita			icitinyi
Endoi	a	ka	ita	icitinyi
9cl лев	1cl 3Sg	Nar	убивать	8cl звери

Лев убивал зверей¹².

3.2. В других языках банту, в том числе языках внутриэтнического статуса, например, в языке лугуру (G.35), наблюдаются все этапы формирования категории одушевленности/неодушевленности, начиная от частичного нарушения согласования, где только субъектный и объектный маркеры глагола формально соотносятся с 1/2 классом «людей» при соблюдении формального адъективного и местоименного согласования до полного согласования по семантическому признаку одушевленности¹³:

Ndembo	nkolu	gwene	ngaatumbula		kwalongelela
Ndembo	n	kolu	gw ene nga	a	tumbula ku wa longelela
9cl слон	9cl	большой 9cl	сам Nar	3Sg начинать Inf	3PlObj звать

Большой слон сам начал звать их.

Ng'onyo	wose	wasikitika	mana	manyasi	gose	ganyala
Ng'onyo	w	ose wa+Imp	sikitika	mana	manyasi g	ose ga+Imp nyala
10cl звери	2cl	весь 3Pl	печалиться 9cl	причина 6cl	трава 6cl	весь 6cl сохнуть

Все звери печалются, потому что вся трава сохнет.

3.3. В грамматической системе современного суахили согласование с учетом категории одушевленности/неодушевленности стало

¹¹ См.: Аксенова И.С., Топорова И.Н. Язык курия. М., 1994. С. 52–53.

¹² Там же. С. 186.

¹³ См.: Громова Н.В., Урб М.Р. Влияние языка суахили на местные языки банту в современной Танзании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2019. № 2. С. 20–34.

нормой, т.е. все одушевленные имена-контролеры согласования, а именно номинации людей и животных, независимо от их классной принадлежности, вызывают согласование зависимых слов по числовому признаку 1 или 2 классов:

Bwana	amenunua			kijakazi	мрyа		na mbwa	wawili
Bwana	a	me	nunua	kijakazi	m	pya	na mbwa	wa wili
5cl хозяин	3Sg	Prf	купить	7cl рабыня	1cl	новый	и	10cl собака
								2cl два

Хозяин купил новую рабыню и двух собак.

При этом, однако, в отличие от лингала, множественное число одушевленных существительных образуется по нормам соответствующего класса: bwana (5 класс) > mabwana (6 класс), kijakazi (7 класс) > vijakazi (8 класс), mbwa (9 класс) > mbwa (10 класс).

В языке лингала основные отклонения от системы согласования проявляются в трех вариантах реализации числа в пределах одной согласовательной парадигмы: полное согласование, частичное нарушение и максимальное нарушение согласования, например, максимальный случай несогласованности:

Bikolo		misusu		bandimaki
Bikolo		mi	susu	ba ndimaki
8cl народы		4cl	другой	2cl 3Pl одобрять Prf

Другие народы одобрили.

При этом в синтагме происходит морфологическая манифестация одушевленных объектов разных классов префиксами 1/2 классов, т.е. замена исходного префикса класса или препрефиксация показателя 1/2 класса:

Bankosi				bakufi
Ba	n	kosi	ba	kufi
2cl	9cl	лев	2cl	умирать Prf

Львы умерли.

В этом отношении язык лингала более «продвинут» по сравнению с суахили.

3.4. В грамматической системе современного суахили категория одушевленности/неодушевленности стала нормой. Тем не менее в парадигму согласования по семантическому признаку вовлекаются референты, не обладающие свойствами личности или другого живого существа. Как правило, такие референты представлены

как отдельными лексемами, так и именными посессивными словосочетаниями, предполагающими наличие значительного состава участников действия. Несмотря на классную рассогласованность составляющих, все же наблюдается семантическая когерентность в синтагме. При этом происходит семантическое согласование по признаку одушевленности и личности, тождественное нормам согласовательной системы плюрального 2 класса, независимо от формального признака классно-числовой принадлежности множественного актанта. В качестве маркера выступает сема множественности или совокупности.

Подлежащее (актант речевого высказывания), контролирующее согласование, может быть выражено однословными номинациями различных коллективных объединений, обладающими семантикой множественности, например:

Mbozi	walimwita	waziri
Mbozi	wa	li mw ita waziri
9cl (жители) Мбози	3Pl	Pst 3SgObj звать 5cl министр
(Жители) Мбози (название деревни) пригласили министра.		

Uongozi	wa	chama	hawakuangalia
Uongozi	wa	chama	ha wa ku angalia
11cl руководство	11cl Pos	7cl партия Neg	3Pl Pst быть внимательным

Руководство партии не было внимательным.

Выбор плюрального показателя wa- нельзя объяснить влиянием младописьменных языков центральной зоны, с которыми суахили не имеет достаточно активных контактов. Скорее всего, это влияние английского языка. Собираательно-коллективные существительные английского языка типа family, committee, team могут сочетаться с глагольным сказуемым во множественном числе.

4. Выбор префикса 6 класса ma- как маркера множественного числа ряда классов во многих языках банту юго-восточной зоны (суахили, зулу, ганда, кикуйю и др.) диктуется, скорее всего, его исходной семантикой собирательной множественности, т.е. pluralia tantum¹⁴. В ряде других языков центрального ареала (лингала,

¹⁴ См.: Громова Н.В. Нейтрализация категории класса во множественном числе в языках банту // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1981. № 3. С. 69–74.

лелеми, киконго, китуба и др.) в качестве единообразного плюрализатора выбирается префикс 2 класса *ba-*, исконный для класса лиц, «в противоположность размытым и плохо структурированным неодушевленным классам»¹⁵. В последнее время и суахили также использует плюральный показатель 2 класса *wa-* в определенных контекстах.

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют об изменении контура согласовательных классов в сторону бинаризации классной системы с редукцией классов множественного числа, что в плане содержания выражает противопоставление многочисленных классов единичности и одного-двух классов с единообразными плюральными маркерами. Наблюдается также замена многочленной и сложной парадигмы согласования другой парадигмой, основанной на семантической оппозиции по двум признакам одушевленности/неодушевленности. При этом такая языковая структура вовлекает в свою орбиту не только одушевленные существа, но и номинации различных коллективных организаций. Сложная система формального классно-числового согласования в языках банту деформируется в сторону семантического согласования.

Список сокращений:

3 – третье лицо; *cl* – именной класс; *Imp* – имперфект; *Inf* – инфинитив; *Nar* – нарратив; *Neg* – отрицательный формант; *Obj* – объектный показатель; *Pl* – множественное число; *Pos* – посессив; *Prf* – перфект; *Pst* – прошедшее время; *Sg* – единственное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова И.С., Топорова И.Н. Введение в бантуистику. Имя. Глагол. М., 1990.
2. Аксенова И.С., Топорова И.Н. Язык курия. М., 1994.
3. Виноградов В.А. Именные категории в языках Африки // Основы африканского языкознания. Именные категории. М., 1997.
4. Виноградов В.А. Число и класс на фоне определенности // Проблемы изучения языков Африки. Материалы конференции, посвященной 30-летию отдела африканских языков. М., 1995.
5. Виноградов В.А. Именные классы и местоимения в бамилеке // Морфонология и морфология именных классов в языках банту. М., 1979.
6. Громова Н.В. Нейтрализация категории класса во множественном числе в языках банту // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1981. № 3.

¹⁵ Виноградов В.А. Именные категории в языках Африки // Основы африканского языкознания. Именные категории. М., 1997. С. 20.

7. Громова Н.В., Урб М.Р. Влияние языка суахили на местные языки банту в современной Танзании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2019. № 2.
8. Ольдерогге Д.А. Определение времени и пространства в языках банту (локативные классы) // Памяти В.Г. Богораза. М.; Л., 1937.
9. Топорова И.Н. Грамматика языка лингала. М., 1994.
10. Atlasi ya lugha za Tanzania. Mradi wa lugha za Tanzania. Chuo Kikuu cha Dar es Salaam. 2009.
11. Guthrie M. Gender, number and person in Bantu languages // BSOAS, vol. 12, № 3-4. 1948.
12. Guthrie M. The classification of the Bantu languages. Oxford, 1948.
13. Meeussen A.E. Bantu grammatical reconstruction // Africana linguistica III, Tervuren, 1967.
14. Stucky S.U. How a noun class system may be lost: evidence from Kituba (Lingua franca Kikongo) // Studies in the linguistic sciences. Vol. 8. 1978. № 1.

Nelly V. Gromova

THE DESTRUCTION OF THE SYSTEM OF NOMINAL AGREEMENT CLASSES IN THE BANTU LANGUAGES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 19991*

The article deals with violations of the basic typological features of the Bantu languages – the system of nominal classes. The destruction of this system is manifested in the reduction of the inventory of noun classes, unification of methods of expressing the plural and trends of transition from formal-numerical agreement to a new paradigm of the semantic agreement based on the opposition of two signs – animation/inanimation. There are illustrations from extra-ethnic and intra-ethnic minority Bantu languages.

Key words: Bantu languages; nominal classes; reduction; plurality; semantic agreement.

About the authors: *Nelly V. Gromova* – D.Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gromova@iaas.msu.ru).

REFERENCES

1. Aksenova I.S., Toporova I.N. *Vvedenie v bantuistiku. Imja. Glagol.* M., Nauka, 1990.
2. Aksenova I.S., Toporova I.N. *Jazyk kurija.* M., Vostochnaja literatura RAN, 1994.
3. Vinogradov V.A. Imennye kategorii v jazykah Afriki. *Osnovy afrikanskogo jazykoznanija. Imennye kategorii.* M., Aspent Press, 1997.
4. Vinogradov V.A. Chislo i klass na fone opredelennosti. *Problemy izuchenija jazykov Afriki.* Materialy konferencii, posvjashhennoj 30-letiju otdela afrikanskih jazykov. M., 1995.

5. Vinogradov V.A. Imennye klassy i mestoimenija v bamileke. *Morfonologija i morfolologija imennyh klassov v jazykah bantu*. M., 1979.
6. Gromova N.V. Nejtralizacija kategorii klassa vo mnozhestvennom chisle v jazykah bantu. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 13. Vostokovedenie*. 1981. № 3.
7. Gromova N.V., Urb M.R. Vlijanie jazyka suahili na mestnye jazyki bantu v sovremennoj Tanzanii. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 13. Vostokovedenie*. 2019. № 2.
8. Ol'derogge D.A. Opredelenie vremeni i prostranstva v jazykah bantu (lokativnye klassy). *Pamjati V.G. Bogoraza*. M.; L., 1937.
9. Toporova I.N. *Grammatika jazyka lingala*. M., Pomovskij i partnery, 1994.
10. *Atlasi ya lugha za Tanzania. Mradi wa lugha za Tanzania*. Chuo Kikuu cha Dar es Salaam. 2009.
11. Guthrie M. Gender, number and person in Bantu languages. *BSOAS*, vol. 12, № 3-4. 1948.
12. Guthrie M. *The classification of the Bantu languages*. Oxford, 1948.
13. Meeussen A.E. Bantu grammatical reconstruction. *Africana linguistica III*, Tervuren, 1967.
14. Stucky S.U. How a noun class system may be lost: evidence from Kituba (Lingua franca Kikongo). *Studies in the linguistic sciences*, vol. 8, № 1, 1978.

А.М. Карапетьянц, Ф.Н. Даулет

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «СУДЬБА» В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

050040, Республика Казахстан, Алматы, пр. аль-Фараби, 71

В исследовании рассматривается языковая специфика аксиологического концепта «судьба» как важного маркера национального ментального пространства китайской этнокультуры. Значимость исследования обусловлена тем, что системного описания универсальных и культурно-специфических характеристик концепта «судьба» в китайском языке, по нашим данным, еще не проводилось. В статье впервые рассмотрены культурный и исторический контексты формирования концепта «судьба» в китайском языке; выявлена национальная специфика и проанализированы историко-философские особенности его развития в китайском языковом сознании; установлены его важнейшие понятийные, ценностные и образные характеристики. Теоретическая значимость исследования заключается в разработке и уточнении научных представлений о характеристиках концепта, определении специфической дискретности, которую понятие «судьба» реализует в китайском языке.

Ключевые слова: китайский язык; культурные коды; аксиологические концепты; концепт «судьба»; лингвокультурология; когнитивная лингвистика; лингвокогнитивный эксперимент.

События XX и начала XXI в. значительно изменили характер лингвистической науки, а также методы, которые она использует

Карапетьянц Артемий Михайлович – доктор филологический наук, профессор кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: amkar74@gmail.com).

Даулет Фатимабиби Ногайкызы – кандидат филологических наук, и.о. профессора кафедры китаеведения КазНУ им. Аль-Фараби (Республика Казахстан), докторант кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: fatima-dauletova@mail.ru).

для решения тех или иных задач. Глобализация как ключевой фактор всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации, а также разрушение биполярного мирового порядка, развитие технических средств индивидуальной и массовой коммуникации делают межкультурный обмен неизбежным составляющим в жизни современных людей. Но массовая миграция разных национальностей в разные уголки планеты, и в связи с этим все больше возрастающие социальные явления как ксенофобия, расизм, нацизм, шовинизм и др. приводят к проявлениям межэтнической враждебности и усложнению взаимопонимания и увеличению числа коммуникативных конфликтов между представителями разных этнических групп. Таким образом, современные геополитические реалии диктуют новые «правила игры» для лингвистики: она должна расширить объекты своих исследований в сторону антропоцентризма.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики, позволяющим изучать особенности национально-культурных особенностей менталитета отдельных этносов является изучение концептов в лингвокультурных и лингвокогнитивных аспектах. В связи с повышенным интересом ученых к антропологическим проблемам концепт «судьба» начинает занимать одно из центральных мест как в понимании сущности человека, так и в определении путей развития культуры и цивилизации.

Понятие судьбы в контексте разных культур рассматривалось в трудах Арутюновой (1994), Гака (1994), Карапетьянца (1999), Ковшовой (1994), Чернейко, Долинский (1996); Михайловой (2001), Печенкиной (2001); Сергеевой (2005); Барышникова (2007), Вахрушевой (2002), Погосяна (2005), Ждановой (2006), Высоцкого (2007), Абаевой (2007), Ф. Н. Даулет (2018; 2019) и др., а также эпизодически представлено в монографии Тань Аошуан «Китайская картина мира» (2012). В частности, обращаясь к проблеме концепта судьбы через посредство фразеологических единиц (далее – ФЕ) китайского языка, Тань Аошуан отмечает: «Общечеловеческий подход к концепту судьбы, по-видимому, определяется неразрешимым противоречием между вечностью мира и непредсказуемостью, мимолетностью человеческой жизни. Отсюда и возникает представление о высшей силе, властвующей над индивидуализмом и фатальности, предопределен-

ности его пути. Здесь заложена определенная концептуальная схема, которая варьируется у разных народов и в разных культурах»¹.

Судьба – одно из центральных составляющих человеческой цивилизации, категория, выражающая фундаментальные отношения человека с окружающей Вселенной. В концепте судьба отображены многовековой опыт «всенародного осмысления свободы и необходимости», попытка назвать те «силы, которые управляют мировым порядком и человеческим поведением»². В трудах современных исследователей судьба представлена как «нечто такое, что движет всем и в то же время непознаваемое»³; судьба – мрачная, бессмысленная, безжалостная, всесокрушающая, неотвратимая, слепая⁴; судьба – это распределитель, игрок, режиссер, заимодавец, судья⁵; судьба – это категория сознания, с помощью которой строится концептуальная картина мира народа⁶.

Из вышеописанного становится совершенно очевидным, что представления о судьбе являются универсальными для человеческой цивилизации, в то же время характеризуются национально-специфическими особенностями. В связи с этим изучение данного концепта способствует более полному представлению духовной, культурной и социальной сущности человека в ареалах той или иной этнокультуры. Так, одним из ключевых национальных концептов, сосредоточенных на лингвокультурном пространстве китайской национальной концептосферы является концепт «Судьба», которая в китайском языке репрезентируется прежде всего иероглифом 命 [mìng] и лексемой – 命运 [mìng yùn]. Основной целью данного исследования является определение лингвокультурной и лингвокогнитивной роли указанного концепта в языковой картине мира китайцев и показать способы его объективации через вербальные средства.

В системе древнекитайских протонаучных понятий иероглиф 命 [mìng] прежде всего входит в один ряд с иероглифами 天 [tiān] –

¹ Тань Аошун. Китайская картина мира. М., 2012. С. 180.

² Постовалова В.И. Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А.Ф. Лосевым // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 207–208.

³ Лосев. А.Ф. Признавая абсолютную истину // Студенческий меридиан. 1991. № 10. С. 28.

⁴ См.: Постовалова В.И. Указ. соч. С. 213.

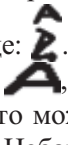
⁵ См.: Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 302.

⁶ См.: Вежибицкая А. Судьба и предопределение // Путь. 1994. № 5. С. 82–150.

Небо, природа, высшее начало и 性 [xìng], актуализирующий такие значения, как: *природа человека, естество, натура; пол, сексуальный; род; жизнь, существование* (данная дефиниция, например, воплощена в ФЕ 莫保其性 – никто не смог сохранить себе жизнь)⁷.

В словаре «Шовэнь цзецзы» (说文解字) дается следующая характеристика иероглифа 命: 命, 使也。从口, 从令。 « “命” означает “приказывать”, “повелевать”, состоит из 口 (“рот”. – Примеч. авт.) и 令 (“приказывать”, “заставлять”. – Примеч. авт.)»⁸.

В цзягувэнь (甲骨文 – гадательные надписи на костях и черепаших панцирях датируемые XIV–XI вв. до н.э.) 命 изображается в

таком виде: . Верхняя часть данного знака означает раскрытый рот к низу, нижняя часть – это сидящий в покорной позе человек, что можно трактовать как «человек покорно подчиняется приказу с Неба»⁹.

Соотношение Судьбы (命) и Неба (天) задается и в формулировках древнекитайских философов. Так, Мэнцзы пишет: «Когда нечто никем не делается, а делается – Небо; когда нечто ничем не каузируется, а происходит, – это Судьба»¹⁰. Здесь Судьба выступает как преобразующий, невербализуемый фактор, как декрет, внешнее предопределение. Третий фрагмент 7-й главы «Мэнцзы», содержащий в основном дефиниции и псевдодефиниции, таков: «Стремясь – обретаешь, бросив – теряешь; тут стремление полезно для обретения, раз стремление в нас. В стремлении к объекту имеется Дао, в обретении объекта имеется Судьба; тут стремление бесполезно для обретения, раз стремление вовне»¹¹.

В данной псевдодефиниции Судьба соотносится с Дао (道) как приобретение и поиск, т.е. как реализация своих возможностей. Следует отметить, что в данном контексте 命 и 道 почти одно и то же; похожая идея прослеживается и в одной из книг «Четверокнижия» – «Совмещение с обыденным»: «Небесный мандат (天命. – Примеч. авт.) называется Натурой (性. – Примеч. авт.); ведущее натуре на-

⁷ Большой китайско-русский словарь. Т. 2. М., 1983. С. 345.

⁸ Shuowen Jiezi. Beijing: Zhongguo shudian, 2015, section “命”.

⁹ 字形字典. Иероглиф 命. URL: <http://www.vividict.com/WordInfo.aspx?id=637> (дата обращения: 12.02.2019).

¹⁰ Цит. по: Карпентьянц А.М. Концепция судьбы у древнекитайских философов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 84.

¹¹ Там же. С. 85.

зывается Дао; совершенствующее Дао называется учением». Применение этой дефиниции к человеческим существам показывает, что первая фраза подразумевает одаренности, вторая – «естественнонаучное» устройство среды обитания, третья – обучение.

Соотношение Судьбы и Натуры уточняет фрагмент 7-й главы «Мэньцзы»:

«Соотношение рта со сладким, глаз с цветным, ушей со звуками, носа с запахами – это Натура. Но если в этом имеется Судьба, благородный муж (君子. – *Примеч. авт.*) не называет это натурой (т.е. человек, например, может ослепнуть. – *Примеч. авт.*). Соотношение четырех конечностей (т.е. тела. – *Примеч. авт.*) и безмятежности, гуманности и [отношения] отец и сын, справедливости и [отношения] государь-подданный, этикета и [отношения] гость – хозяин, знания и достоинства, совершенномуудрого и Дао Неба – это Судьба. Но если в этом имеется натура, благородный муж не называет это Судьбой (т.е. бывает, например, врожденная асоциальность. – *Примеч. авт.*)¹².

Понимание приведенной дефиниции Судьбы возможно в том русле, что глаза смотреть не должны (они просто смотрят), но человек должен находиться в безопасности и безмятежности, а отношения между правителем и подданным должны определяться справедливостью (понятием о должном). Более того, это отношение как раз является минимальной конкретизацией понятия должного и наличествует лишь в силу экзистенциальности понятия социальной обусловленности человеческого бытия. В традиционной китайской системе понятий справедливое и должное составляет единое понятие, а фиксирующий это понятие иероглиф 义 имеет еще значение «смысл». Таким образом, Судьба приобретает явный оттенок смысловой детерминации. О теологичности китайской Судьбы доказывают и высказывания Конфуция, который утверждал, что важнейшим этапом становления его личности было познание им в 50 лет Мандата Неба (天命) и его положение о том, что, не познав Судьбы, нельзя стать благородным мужем – цзюньцзы.

В трудах древнекитайских философов Судьба – это еще предопределение человека, его «мандат на жизнь» – 生命 [shēng mìng]. Выправление этого «мандата» 正名 [zhèng míng] – правильно прожитая жизнь – естественное развитие и полное завершение своей Судьбы.

¹² Там же.

Так, первый фрагмент 7-й главы «Мэньцзы» гласит: «Исчерпывание своего сознания есть познание своей натуры, а познавая свою натуру познаешь и Небо. Пребывание в своем сознании и взращивание своей натуры – это то, чем служат Небу. Отсутствие двойственности в отношении срока жизни, самосовершенствование для того, чтобы прожить ее достойно – это то, чем устанавливают Судьбу» (т.е. делают осмысленным свое существование. – *Примеч. авт.*)¹³.

В «Чжуан-цзы» (даосская книга притч, написанная в конце периода Сражающихся царств, III в. до н.э.) Судьба выступает как нечто, обеспечивающее непрерывность связи между надбытийным, неизмеряемым, невербализуемым, сверхестественным и человеческим. Эту связь проще всего представить как приказ – 命令, т.е. «Судьба-приказ», отданным Небу человеку. Более подробное описание Судьбы в древнекитайской культуре также можно найти в трудах Yang Kuo-shu, Ho David Yau Fai¹⁴, S. Harrell¹⁵, Лу Ся¹⁶, Сюй Фугуаня¹⁷ и др.

Общеизвестно, что в древних текстах иероглиф 命 часто замещает иероглиф 名 [míng] – «имя» в глагольных употреблениях. В современном языке значение «именовать», «величать» передается последовательностью 命 [mìng] – Судьба + 名 [míng] – Имя, где «имя» – это статичное наименование предмета, а «судьба» – это динамическая предикация, обнимающая совокупность предметов или один и тот же предмет в разных временных срезах. Иными словами, Судьба – это то, что написано не на клетке, а на роду.

Анализ китайских лексикографических источников демонстрируют, что концепт «Судьба» в современном китайском языке объективируется обширным и хорошо структурированным лексико-фразеологическим полем, многочисленными паремиями и другими языковыми средствами, что свидетельствует о его коммуникативной

¹³ Там же. С. 86.

¹⁴ Yang Kuo-shu, Ho David Yau Fai. The Role of Yuan in Chinese Social life // Asian Contributions to Psychology / Ed. by Paranjpe. Ho & Rieber, N.Y.: Praeger Publishers, 1988. P. 263–281.

¹⁵ Harrell S. The Concept of Fate in Chinese Folk Ideology // Modern China, Vol. 13. No. 1. Symposium on Hegemony and Chinese Folk Ideologies, Part I (Jan., 1987). P. 90–109.

¹⁶ Ся Лу. Буцэчжундэ тянь, шэн, мин (Небо, жизнь и судьба в древних гадательных текстах). 2015. No. 2. С. 232–243.

¹⁷ Сюй Фугуань. Чжунго жэнсин луныши (История китайской теории человеческой сущности). Шанхай: Хуадун шэфан дасюэ чубаныши, 2005.

релевантности для китайского языкового сознания. Так, кроме перечисленных языковых фактов, нами установлено, что указанный концепт в современном китайском языке объективируется целым рядом существительных: 命途 [mìng tú] – жизненный путь, удел и участь; 缘分 [yuán fèn] – доля, судьба, предопределение (часто об отношениях людей); 运气 [yùn qì] – судьба, удел, участь; удача, счастье; фортуна; 走运 [zǒu yùn] – попасть в счастливую полосу; посчастливилось, повезло; везет; 天命 [tiān mìng] – веление неба, судьба, рок, фатум; 天数 [tiān shù] – судьба, рок; небесное предопределение; воля неба; 造化 [zào huà] – судьба, удел; 流年 [liú nián] – геомант. судьба в течение года, предсказание на год; гороскоп; 天意 [tiān yì] – воля Неба; 天机 [tiān jī] – даос. Небесный «механизм»; фатум; 天时 [tiān shí] – фатум; воля Неба; 宿命 [sù mìng] – будд. предшествующее существование; карма; предопределение; судьба, фатум, предназначение; 福份 [fú fèn] – счастливая доля, счастливый жребий; счастье, удача; благословение; 福气 [fú qì] – счастливая Судьба; счастье; 五行 [wǔ xíng] – «у син» пять стихий – основных элементов природы: металл, дерево, вода, огонь (древние гадатели предсказывали судьбу человека, основываясь на концепции о взаимопорождении и взаимопреодолении этих пяти стихий).

В китайском языковом сознании идея Судьбы представлена в тесной связи с религиозно-культовыми идеями, образами «Небесной владыки», рока и фатума и реализуется в ареале следующих семантических полей:

1) *Семантическое поле «Судьба – предопределение»*: 安贫知命 [ān pín zhī mìng] – знать волю Неба и мириться со своей судьбой; 乐天任命 [lè tiān rèn mìng] – быть благодарным Небу и довольным своей судьбой; 生死有命 [shēng sǐ yǒu mìng] – жизнь и смерть – все в руках Небесной владыки; от судьбы не уйдешь; 天机不可泄漏 [tiān jī bù kě xiè lòu] – Всё в этой жизни происходит по воле фатума; всё в этой жизни предначертано Судьбой; 生死有命, 富贵在天 [shēng sǐ yǒu mìng] – жизнь и смерть, богатство и знатность – всё в руках Небесной владыки; 前生注定 [qián shēng zhù dìng] – будд. предопределено прошлой жизнью; 命中注定 [mìng zhong zhù dìng] – предопределено судьбой.

2) *Семантическое поле «Судьба – фортуна»*: 造化小儿 [zào huà xiǎo ěr] – счастье, фортуна (в виде ребенка); 知命乐天 [zhī mìng lè

tiān] – довольствуйся своей судьбой; 时来运旋 [shí lái yùn xuán] – наступило время, и фортуна улыбнулась.

3) Семантическое поле «Судьба – рок, фатум» реализуется примерами, где утверждается, что человек – это игрушка судьбы, раб обстоятельств. Это непостижимая предопределенность событий и поступков человека: 安之若素 [ān zhī ruò sù] – принимать свою судьбу со смирением как данность; мириться со своей судьбой; 劫数难逃 [jié shù nán táo] – горькая судьба неотвратима; 祸福有命 [huò fú yǒu mìng] – беда и благополучие – всё в руках судьбы; 命中注定 [mìng zhōng zhù dìng] – уготованный судьбой; неизбежный; фатальный; 生死有命 [shēng sǐ yǒu mìng] – жизнь и смерть – все в руках богов; от судьбы не уйдешь и др.

4) Семантическое поле «Судьба – чередование счастья и беды»: 福不重祸必重来 [fú bù chóng zhì, huò bì chóng lái] – счастье не может непрерывно приходить, беда тоже не может следовать непрерывно друг за другом; 福过灾生 [fú guò zāi shēng] – от чрезмерного благополучия рождается бедствие; 福兮祸所伏, 祸兮福所倚 [fú xī huò suǒ fú huò xī fú suǒ yǐ] – счастья и несчастья не бывает друг без друга; ср. рус.: не было бы счастья, да несчастье помогло, 祸福无常 [huò fú wú cháng] – счастье и беды непредсказуемы; 旦夕祸福 [dàn xī huò fú] – беда и счастье постоянно чередуются; счастье всегда чередуется с горем; 天时有晦明, 人情有舒惨 [tiān shí yǒu huì míng, rén qíng yǒu shū cǎn] – Небо бывает то темным, то светлым и др.

5) Семантическое поле «Судьба – универсальное явление для дуальных микроконцептов жизнь – смерть»: 你是我的命根子 [nǐ shì wǒ de mìng gēn zi] – Ты самое дорогое, что есть у меня (букв. ты – для меня *корень жизни*); 他没想到会活得那么长命。[tā méi xiǎng dào huì huó dé nà me cháng mìng] – Он не ожидал, что проживет такую долгую жизнь; 他差点就没命了 [tā chà diǎn jiù méi mìng le] – Он чуть ли не умер; 我要你的命! [wǒ yào nǐ de mìng] – Я убью тебя (букв.: «я заберу твою жизнь»)! 命在旦夕 [mìng zài dàn xī] – «жизнь скоро закончится», ср. рус.: *стоять одной ногой в могиле*; 死生存亡 [sǐ shēng cún wáng] – букв.: «жизнь или смерть, умереть или остаться в живых», обр. в знач.: момент, когда решается судьба человека; 生不遇时 [shēng bù yù shí] – с момента рождения не видел ничего хорошего, обр. о несчастливой судьбе.

6) Семантическое поле «Человек – кузнец своей Судьбы» реализуется примерами: 祸福无门 [huò fú wú mén] – у несчастья и счастья нет своих дверей, обр. в знач.: человек сам кузнец своего счастья или несчастья; 祸福同门 [huò fú tóng mén] – счастье и несчастье человек сам себе создает; 兴亡祸福 [xīng wáng huò fú] – подъем и падение, счастье и несчастье – все в руках человека; 祸福由人 [huò fú yóu rén] – и беды, и счастье – всё в руках человека; 天无绝人之路 [tiān wú jué rén zhī lù] – букв. «Небо не перекрывают жизненные пути человека», обр. в знач.: на свете абсолютно безвыходных положений не бывает.

Из перечисленных примеров видно, что в китайской традиционной культуре идея Судьбы зачастую сочетается с идеей удачливой и счастливой жизни. Так, концепт «Счастье» в китайском языке вербализуется следующими лексемами 福份 [fú fèn] – счастье, счастливая доля: 爱上你是我的福份, 娶了你是我的今生最大的幸运! [ài shàng nǐ shì wǒ de fú fèn, qǔ le nǐ shì wǒ de jīn shēng zuì dà de xìng yùn] – Для меня божественной милостью было влюбиться в тебя, а женитьба на тебе – это самый счастливый жребий в моей жизни; 福运 [fú yùn] – счастливая судьба: 奶奶为我碰上福运, 感到很欢喜. [nǎi nai wèi wǒ pèng shàng fú yùn, gǎn dào hěn huān xǐ] – Бабушка сильно обрадовалась тому, что мне улыбнулась судьба (букв. «натолкнуться на счастливую судьбу»); 造化 [zào huà] – удача; счастье (有造化 – родиться под счастливой звездой, быть счастливым; 好造化 – большая удача), 幸福 [xìng fú] – счастье: 幸福的太阳空中开, 快乐的花朵地上开. [xìng fú de tài yáng kōng zhōng kāi, kuài lè de huā duǒ dì shàng kāi] – Когда на небе светит солнце счастья, на земле открываются цветы радости; 福气 [fú qì] – счастье, везение, удача: 生儿子是名气, 生女儿是福气 [shēng ér zi shì míng qì, shēng nǚ ér shì fú qì] – мальчик в семье – это для чести, а родить дочь – это счастливая доля; 福星 [fú xīng]: 福星高照 [fú xīng gāo zhào] – счастливая звезда сияет в высоте, обр. в знач.: сопутствует удача, фортуна благоприятствует; ср. рус.: *улыбнулось счастье*.

Написание иероглифа 福 [fú] в цзягувэнь выглядит таким образом: 𠤎. В состав иероглифа входит алтарь – 礻, человек (предположительно – шаман) – 亻, винный сосуд – 酉, руки человека, держащий винный сосуд – 扌: человек (шаман) приносит жертву божествам,

вымаливая достаток, здоровье и безопасную жизнь¹⁸. Алтарь для древнего китайца – это инструмент общения с богами и ушедшими в иной мир предками, управляющими жизнями и судьбами людей. Таким образом, под «счастьем» древние китайцы понимали покровительство предков, Неба и богов. Об этом свидетельствует и дефиниция иероглифа 福 в «Шовэнь цзецзы»: «福, 祐也。从示, 畀聲» – «福 означает благословение богов»¹⁹.

Таким образом, счастье, в понимании древних китайцев, – это благосклонность судьбы, удача, благословение свыше. Когда человек живет, соблюдая нравственные принципы, установленные людям Небом, почитает богов и своих предков, тогда он и получает всё, что необходимо для жизни – жилье и пропитание. Это и есть, по их пониманию, – счастливая судьба²⁰.

Один из важных моментов в исследовании концептов – поиск инструментов, способствующих выявить адекватность интерпретационной модели концептов их сущностным проявлениям в языковом сознании того или иного народа. Одним из таких ключевых инструментов, по нашему мнению, является лингвокогнитивный эксперимент, который был реализован в рамках данного исследования с привлечением носителей китайского языка и культуры. Основная задача нашего эксперимента – установить, что носителем языка действительно осуществляется интерпретация концепта «Судьба» в пространстве его родной культуры, а также выявить новые вербальные значения, используемые в ареале интерпретационного поля указанного концепта, но ранее не зафиксированные лексикографическими источниками. При этом лингвокогнитивный эксперимент в первую очередь направлен на выявление роли вербальных значений в механизме функционирования языкового сознания у китайцев.

В данном исследовании лингвокогнитивный эксперимент проводился по схеме, предложенной В.Ф. Петренко²¹: испытуемым предъявляется слово-стимул и требуется дать первые пришедшие на ум ассоциации. Испытуемый мог в свободной форме предложить

¹⁸ Цзэсин цзыдянь. Иероглиф 福. (<http://www.vividict.com/WordInfo.aspx?id=3860> (дата обращения: 12.02.2019)).

¹⁹ Шовэнь Цзецзы. Бейцзин: Чжунхуа шудянь, 2015. Раздел “福”.

²⁰ Daulet et al. Verbalization of the “Fate” concept in the Chinese linguistic worldview // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol 7, No 4. P. 695.

²¹ Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988. С. 47.

ассоциативные значения к заданному слову-стимулу, используя при этом лексические и фразеологические единицы, пословицы и поговорки, а также и тексты. В роли слова-стимула выступает лексема «命运», как ключевая единица, репрезентирующее концепт судьбы в китайском языке.

В качестве единиц классификации полученного материала были взяты ключевые слова или словосочетания, повторяющиеся в ответах разных информантов. Как отмечает Ю.Н. Караулов, получаемые в ходе ассоциативного эксперимента ключевые реплики могут быть интерпретированы как знания (смыслы), принадлежащие практически всем представителям данной культуры²². Таким образом, выявление ключевых слов и словосочетаний способствует обнаружению смыслов, которые становятся связующим звеном между семантикой и когницией: «языковое значение приобретает статус смысла только будучи погруженным в определенную предметную область и включенным тем самым в систему связей между всеми параметрами фигуры знания»²³.

В эксперименте приняли участие 121 человек, это носители китайского языка и культуры, живущие в КНР (в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу и Урумчи). Возраст и социальный статус информантов: 25–65 лет, молодые специалисты, учителя средних школ, преподаватели университетов, предприниматели, пенсионеры. Количество мужчин – 50, женщин – 71. Технические средства эксперимента: китайский мессенджер We Chat и различные интернет-форумы.

В целом в ответах видна работа со значением слова-стимула во всей разносторонности составляющей его информации: испытуемые представили мгновенную образно-мотивационную информацию, выразили оценку, передали денотативно-сигнификативную информацию, показали индивидуальную образную иллюстрацию для лексемы «命运». Например:

1. Ответы, в которых содержится мгновенная образно-мотивационная информация и буквальное восприятие слова-стимула. Испытуемые приводят стереотипные примеры, «навязанные» им школьной или университетской программой, общественной моралью; дефи-

²² Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. С. 14.

²³ Там же. С. 19.

ниции, зафиксированные лексикографическими источниками: 天定 (предопределено свыше), 天生 (природный, естественный), 怨天尤人 (не мириться со своей долей; букв. «роптать на небо и винить людей»), 先天注定 (предопределено свыше), 时来运转 (наступили хорошие времена, судьба повернулась к нам лицом), 命中注定 (уготованный (судьбой), 神的安排 (распределение богов), 命运就是挣也挣不脱的枷锁, 是打不死的小强 (судьба – это кандалы, которые не снять, таракан, которого не убить), 命运多舛 (многострадальная доля), 命运使然 (судьба – результат чего-либо), 命运攸关 (иметь большое значение для судьбы), 运势 (положение дел; судьба), 上天注定 (предопределено Небом), 上辈子行为的结果 (результат прошлой жизни), 逆来顺受 (покорно терпеть предначертание), 难默默忍受 (терпеть невзгоды), 从不反抗 (не сопротивляться), 难以预测 (невозможно предугадать), 命中注定 (уготовано судьбой);

2. Ответы, в которых содержится индивидуальная образная иллюстрация слова- стимула «лицо»: испытуемые предлагают альтернативную трактовку для заданного стимула, резко отличающуюся от дефиниций, закрепленных в лексикографических источниках: в данном случае испытуемые опираются исключительно на личный опыт: 陌生 (посторонний, незнакомый), 低谷 (низшая точка, дно), 懒惰 (лень), 各种的麻烦 (всевозможные проблемы), 欢欢喜喜 (быть в большой радости), 命运就是我们的人生 (судьба – это наша жизнь), 压力 (давление, нагрузка), 放弃 (отказываться, оставлять), 忍耐 (терпеть), 惊喜 (сюрприз), 释怀 (перестать тревожиться), 时运不济 (судьба не улыбается; не везет), 起伏 (подниматься и опускаться);

3. Ответы, в которых содержится оценочная коннотация: 红颜薄命 (у красивой женщины плохая судьба), 开心 (радостный), 失意 (разочарование), 失落 (грусть, расстроенный), 伤心 (горевать, страдать), 平淡 (безразличие; бесцветный), 悲观 (мрачный, пессимистичный), 凄惨 (горький, душераздирающий), 豁达 (великодушный), 命运就是人生中遇到的坎坎坷坷 (судьба – это ухабистый жизненный путь), 命运是如此美好 (судьба – это так прекрасно), 难以预测 (судьбу невозможно предугадать);

4. Ответы, в которых, по мнению испытуемых, раскрываются предпосылки для приобретения счастливой судьбы: 努力 (стараться), 不信 (не верить [предначертанию]), 不懈 (не лениться), 改变 (менять), 勤奋 (стараться), 善良 (быть добрым), 环境 (окружение), 成长 (расти),

命运不仅靠自己的努力还要有机会 (хорошая судьба в своих руках, но удача тоже важна), 好人有好报 (хорошему человеку – хорошая судьба), 命运是掌握在自己手中 (судьба зависит от себя), 奋斗 (бороться, стремиться), 命运决定于自我 (твоя судьба в твоих руках), 命是先天注定, 运是对待生活的态度, 运可改变命, 有什么样的生活态度, 就有什么样的命运 (命 – это предопределение, а 运 – твое отношение к жизни, 运 сможет изменить 命, какая у тебя жизненная позиция, такая же будет судьба), 执着 (упорствовать), 放纵 (давать волю), 感恩事在人为 (успех зависит от старания; всё зависит от человека), 磨砺 (работать над собой).

Результаты эксперимента показали, что на восприятие заданной лексики влияют возраст и пол испытуемых. Например, в ответах информантов-женщин чаще встречаются такие реакции, как: 开心 (радостный), 失意 (разочарование), 失落 (потерянный), 伤心 (горевать, печалиться), 平淡 (бесцветный, равнодушный), 悲观 (мрачный, пессимистичный), 凄惨 (горький, печальный), 感恩 (благодарный), 惊喜 (сюрприз), 释怀 (перестать тревожиться), 压力 (давление, сила), 红颜薄命 (у красивой женщины тяжелая судьба), 命运是如此美好 (жизнь прекрасна), 各种的麻烦 (всевозможные проблемы), 欢欢喜喜 (радостный), 忍耐 (терпеть), в то время как в ответах испытуемых мужского пола такие примеры, как: 奋斗 (борьба; бороться), 起伏 (подниматься и опускаться), 成长 (расти, развиваться), 有什么样的生活态度, 就有什么样的命运 (какая жизненная позиция, такая и судьба), 不信 (не верить, не принимать), 不懈 (не лениться), 命运决定于自我 (судьба зависит от себя), 命运是掌握在自己手中 (твоя судьба в твоих руках) и др.

В целом ответы участников эксперимента соотносятся со значениями, закрепленными за лексемой «命运» в лексикографических источниках: во многих ответах содержатся языковые клише, свойственные исключительно китайской лингвокультуре (天定 (предопределение), 天生 (природный), 怨天尤人 (роптать на Небо и винить людей), 先天注定 (предопределено Небом), 时来运转 (судьба повернулась лицом), 命中注定 (уготовано судьбой), 神的安排 (распоряжение божеств), 命运多舛 (тяжелая доля), 命运使然 (судьба – результат чего-либо), 命运攸关 (иметь большое значение для судьбы), 事在人为 (счастливая судьба зависит от старания человека), 上天注

定 (предопределение Неба), 上辈子行为的结果 (результат действий в прошлой жизни), 逆来顺受 (судьба не улыбается, не везет), 难默默忍受 (молча терпеть), 从不反抗 (не сопротивляться), 难以预测 (нельзя предугадать), 命中注定 (судьбой предначертано) и др. Данный факт служит еще одним подтверждением того, что информация, заключенная в языке может повлиять на восприятие мира, а также и на качество жизни носителей языка и культуры.

Таким образом, можно утверждать, что в китайском языковом сознании для концепта «Судьба» актуальными являются следующие признаки: 1) судьба – это божье предопределение; неотвратимость, предначертание; 2) судьба – это жизненный путь: исполнение или неисполнение предназначения; 3) судьба – это стечение обстоятельств с положительным или отрицательным исходом; 4) хорошая судьба может быть наградой за хорошие поступки, а плохая судьба – это наказание за плохие поступки; 5) при старании судьбу можно изменить: у человека есть выбор победить рок и изменить свою судьбу; 6) человек должен проявлять терпеливость к выпавшим на его долю трудностям и продолжать жить с надеждой на завтрашний день; 7) судьба – это улыбка фортуны; жребий; счастливая доля; 8) судьбу нужно безропотно принять; 9) жизнь – это страдание; 10) настоящая судьба – это счастливая жизнь.

Концептуальный анализ понятийного элемента концепта «судьба» в китайском языке позволяет выделить следующие ключевые признаки: предопределенность, обусловленность, наличие внешней силы, имеющей потустороннее, высшее происхождение, неконтролируемость человеком. К ключевым признакам судьбы в китайском языковом сознании также можно отнести ее соотнесенность со значениями «удача», «движение», «предопределение», «изменение», «жизнь», «смерть», «будущее», «счастье», «путь», «жребий», «фортуна», «терпение», «принятие», «старание», «смирение», «труд», «предначертание», «неотвратимость», «награда», «рок», «фатум», «выбор», «вера», «надежда».

Изучение вербальных значений концепта «судьба», актуальных для китайского языкового сознания позволило не только подтвердить наличие общечеловеческих универсальных моделей мышления и сознания, но и выявить некоторые особенности менталитета

китайского языкового коллектива. Так, характерной особенностью концепта судьбы в китайской языковой картине мира является существование двух «полюсов» понимания судьбы, к которым тяготеют все вербальные значения указанного концепта: судьба – это воля Неба, рок, фатум (天意, 命运, 宿命), но и судьба-удача и счастье (天机, 走运, 福气, 福份, 造化). Отличительной особенностью первого «полюса» является идея необратимости и предопределенности, фатума. Второй «полюс» отмечен признаками «случайности» и «везения-невезения», он характеризуется в китайском языке намного большей значимостью и связан с двойственной моделью, требующей от человека постоянной активности и поиска счастливой доли.

Интерпретационное поле концепта «Судьба» в языковом сознании китайцев представлено совокупностью ментальных и оценочных стереотипных суждений и содержит разнооценочные предикации, относящиеся к различным когнитивным слоям. Характерная особенность языковой объективации элементов интерпретационного поля – обширная представленность данного концепта с активным привлечением языковых средств, не включающих ключевых лексем.

Таким образом, можно утверждать, что концепт «Судьба», занимающий важное место в жизни всего человечества – межкультурный универсалий, по-разному вербализующийся на разных языках, а также самая значимая лингвофилософская категория в системе концептуальных понятий любого народа. В современном китайском языке концепт «Судьба» объективируется обширным и хорошо структурированным лексико-фразеологическим полем, многочисленными паремиями и другими языковыми средствами, что свидетельствует о его коммуникативной релевантности для китайского языкового сознания.

Перспективным представляется дальнейшее изучение концепта «Судьба» и ее смежных концептов в как родственных, так и генетически далеких языках, в различных типах дискурса, отдельное рассмотрение фразеологического и паремиологического воплощения этого концепта, а также его связи с другими концептами, такими как «жизнь», «смерть», «счастье», «любовь», «душа», «путь» и др. Стоит также отметить важную практическую значимость исследования переводческого аспекта концепта «Судьба».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
2. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. М., 1983–1984.
3. Вежбицкая А. Судьба и предопределение // Путь. 1994. № 5. С. 82–150.
4. Карапетянц А. М. Концепция судьбы у древнекитайских философов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 84–92.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007.
6. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
7. Лосев А. Ф. Признавая абсолютную истину // Студенческий меридиан. 1991. № 10. С. 28.
8. Постовалова В. И. Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А. Ф. Лосевым // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 207–208.
9. Тань Аошун. Китайская картина мира. М., 2012.
10. Сюй Фугуань. Чжунго жэньсин луньши (История китайской теории человеческой сущности). Шанхай: Хуадун шэфан дасюэ чубаньши, 2005.
11. Ся Лу. Буцэжундэ тянь, шэн, мин (Небо, жизнь и судьба в древних гадательных текстах). 2015. № 2. Р. 232–243.
12. Шовэнь Цзецзы. Бейцзин: Чжунхуа шудянь, 2015.
13. Daulet et al. Verbalization of the 'Fate' concept in the Chinese linguistic worldview // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7. No 4. P. 694–702.
14. Harrell S. The Concept of Fate in Chinese Folk Ideology // Modern China. Vol. 13. No. 1. Symposium on Hegemony and Chinese Folk Ideologies, Part I (Jan., 1987). P. 90–109.
15. Yang Kuo-shu, Ho David Yau Fai. The Role of Yuan in Chinese Social life // Asian Contributions to Psychology, edited by Paranjpe. Ho & Rieber, N.Y.: Praeger Publishers, 1988. P. 263–281.

Artemy M. Karapetyants, Fatimabibi N. Daulet

VERBALIZATION OF THE AXIOLOGICAL CONCEPT 'FATE' IN CHINESE LINGUISTIC WORLDVIEW

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Al-Farabi Kazakh National University
71, al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040*

The article is devoted to research the linguistic specifics of axiological concept of word 'fate' as an important mark of national mental space of Chinese. The significance of the study is due to the fact of the absence of systematic description of specific cultural characteristics of 'fate' concept in Chinese. The purpose of this study is to identify the axiological characteristics of 'fate' in Chinese sphere of concepts

through the establishing of its hierarchical structure. According to the foregoing we set the following objectives: to study the specifics of axiological concept of word 'fate' in Chinese; to define the cognitive base, specifics, place and type of 'fate' in sphere of concepts; to determine the main linguistic representatives of 'fate' concept in figural expressions; to reveal the phenomena of 'fate' concept through the allied concepts. There were used methods of conceptual analysis and cognitive modeling. Academic novelty: for the first time were considered cultural and historical contexts of forming of 'fate' concept in Chinese sphere of concepts, defined national specifics of this concept, analyzed its historical and philosophical features in Chinese consciousness. Theoretical significance is in developing and clarification of scientific understanding about characteristics of the concept, to determine the specific discrimination, the word 'fate' performing in Chinese sphere of concepts. The results of this research can be used for further studying of 'fate' concept and other allied concepts both in related and allied languages in different types of discourse.

Key words: Chinese language; culture codes; axiological concept; 'fate' concept; linguo-culturology; cognitive linguistics; linguistic cognitive experiment.

About the authors: Artemii M. Karapetiants – D.Sc. in Philology, Professor of the Department of Chinese Philology IAAS Lomonosov Moscow State University (e-mail: amkar43@gmail.com); Fatimabibi N. Daulet – PhD in Philology, Acting Professor of the Department of Sinology al-Farabi Kazakh National University (Republic of Kazakhstan), Doctoral student of the Department of Chinese Philology IAAS Lomonosov Moscow State University (e-mail: fatima-dauletova@mail.ru).

REFERENCES

1. Arutiunova N.D. *Istina i sud'ba* [The Truth and the fate]. *Poniatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur*. Moscow: Nauka, 1994.
2. *Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' v 4 t.* [The large Chinese-Russian dictionary in 4 volumes]. Moscow: Nauka, 1983–1984.
3. Vezhbitskaia A. *Sud'ba i predopredelenie* [Fate and predestination]. Put', 1994. № 5, pp. 82–150.
4. Karapet'iants A.M. *Kontseptsii sud'by u drevnekitaiskikh filosofov* [The concept of fate in the works of ancient Chinese philosophers]. *Poniatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur*. Moscow: Nauka, pp. 84–92.
5. Karaulov Iu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and Russian linguistic personality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2007.
6. Petrenko V.F. *Psikhosemantika soznaniia* [Psychosemantics of consciousness]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1988.
7. Losev A.F. *Priznavaia absoliutnuiu istinu* [Recognizing the absolute truth]. *Studencheskii meridian*. 1991. № 10, p. 28.
8. Postovalova V.I. *Sud'ba kak kliuchevoe slovo kul'tury i ego tolkovanie A.F. Losevym* [Fate as a key word of culture and its interpretation by A.F. Losev]. *Poniatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur*. Moscow: Nauka, 1994, pp. 207–208.

9. Tan' Aoshuang. *Kitaiskaia kartina mira* [Chinese worldview]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2012.
10. Xu Fuguan. Zhongguo renxing lunshi [The History of Chinese human nature Theories]. Taizhong: *Donghai University Press*, 1963.
11. Xia Lu. Bu ci zhongde tian,sheng,ming [Tian, Sheng, Ming in the Chinese ancient inscriptions]. Wuhan: *Wuhan daxue xuebao*, 2015. No2, pp. 232–243.
12. Shuowen jiezi. Beijing: *Zhonghua shudian*, 2015.
13. Daulet et al. Verbalization of the 'Fate' concept in the Chinese linguistic worldview. *Humanities & Social Sciences Reviews*. 2019. Vol. 7, No 4, pp. 694–702.
14. Harrell S. The Concept of Fate in Chinese Folk Ideology. *Modern China*, vol. 13, no. 1, *Symposium on Hegemony and Chinese Folk Ideologies*, Part I (Jan., 1987), pp. 90–109.
15. Yang Kuo-shu, Ho David Yau Fai. The Role of Yuan in Chinese Social life. *Asian Contributions to Psychology*, edited by Paranjpe, Ho & Rieber, New York: *Praeger Publishers*, 1988, pp. 263–281.

Ли Дань

**КОГНИТИВНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
ПРЕДЛОГА «НА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РАМОЧНОЙ
КОНСТРУКЦИИ «在……上» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Хэйлунцзянский университет (КНР)
150080, Харбин*

*Цзилиньский университет иностранных языков (КНР)
130000, Чанчунь*

В данной статье средствами когнитивной лингвистики исследуются пространственный предлог «на» в русском языке и рамочная конструкция «在……上» в китайском языке. Особое внимание уделено определению их прототипических значений и образных схем со стороны разных измерений и соотношений «траектора и ориентира». Анализируются также типичные образы-схемы предлога «на» и рамочной конструкции «在……上». Затем с помощью расширенной метафоры рассмотрены значения данных пространственных предлогов. Кроме того, в данной статье сопоставляются сравнительные характеристики синтаксической функции пространственного предлога «на» в русском языке и рамочной конструкции «在……上» в китайском языке.

Ключевые слова: пространственный предлог «на»; русский язык; рамочная конструкция «在……上»; китайский язык; теория образной схемы.

Введение

По данным «Русской грамматики» 1980 г., русский язык включает 204 предлога. Люй Шусян в книге «800 слов современного китайского языка» (1984) приводит анализ 60 предлогов и предлагает их типологическую классификацию. Предлог – главное средство концептуализации пространственных отношений. Русской языковой картине мира свойствен аналитический подход. Особый упор в ней делается на анализ конкретных отношений в языке, разделение пространства и человека. В этом можно видеть причину наличия

Ли Дань – доктор филологических наук, Хэйлунцзянский университет (Харбин, КНР), доцент, Цзилиньский университет иностранных языков (Чанчунь, КНР) (e-mail: lid120306@126.com).

большого числа предлогов. Китайская языковая картина нацелена на интегральное отражение объективной реальности, поэтому количество предлогов в современном китайском языке невелико.

Пространственные отношения между явлениями и процессами окружающего нас мира выражаются в языках различными грамматическими средствами. В китайском языке такие пространственные отношения в основном опираются на предлоги, существительные и существительные-направления¹. Согласно характеристикам выражения пространственных отношений в китайском языке Лю Даньцин предложил понятие рамочной конструкции. Он полагает, что рамочная конструкция образуется предлогом и послелогом, между которыми стоит слово, управляемое предлогом: «在桌子上»、«在水中»、«在房子里» и т.д.² Лю Даньцин считает, что рамочные конструкции происходят от словосочетаний относительного положения. Так, в предложении «на столе лежит карандаш» словосочетание «на столе» не может быть передано оборотом «предлог + существительное», а «предлог + существительное + существительное-направление». В отличие от этого в русском языке предлоги используются для выражения пространства и обозначения пространства, в основном сосредоточиваются на предлоге, поэтому в русском языке не существует существительных направлений.

Предлоги как в русском, так и в китайском языке являются неотъемлемой частью системы служебных слов, причем в повседневном общении предлоги употребляются более часто. Особенностью предлогов в русском языке является то, что в выражении определенного грамматического значения участвует не только предлог, но и форма падежа. Подобные пространственные отношения в китайском языке выражаются конструкцией «предлог + существительное + существительное-направление», поэтому, ведя сопоставление конкретных предлогов в русском и китайском языках, мы сравниваем не отдельные предлоги, а конструкцию русского языка «предлог + склонение» с конструкцией китайского языка «предлог + существительное-направление».

¹ Цуй Силян. Когнитивные схемы и синтаксические выражения // Сборник статей авторов по китайскому языку Пекинского университета языка и культуры: грамматика. 2004. С. 94.

² Лю Даньцин. Рамочный предлог в китайском языке // Современная лингвистика. 2002. № 4. С. 241–253.

1. Обзор исследования предлогов в русском и китайском языках

В последнее время вопросам сравнительного анализа предлогов в русском и китайском языках уделялось мало внимания. На сайте <http://www.cnki.net/> (CNKI—китайская научная база данных) можно найти лишь незначительное количество статей, связанных с этой темой. Цуй Силян в статье «Типология пространственных отношений» провел типологическое исследование пространственных отношений относительного положения в трех типах языков: китайский язык, русский язык и японский язык и описывает препозитивные и постпозитивные функции предлогов в предложной конструкции³. Лю Юнфэй в статье «Предлоги русского языка в аспекте китайского языка» произвел первое сопоставление пространственных предлогов обоих языков с точки зрения семантической и грамматической функций⁴. Ла На изучила количество, классификацию, синтаксическую функцию, соответственные пространственных предлогов русского и китайского языков, их отношения, проблемы перевода предлогов русского языка и методику их преподавания⁵. Наталия сравнивает 24 часто употребляемых пространственных предлогов русского языка с соответствующими предлогами китайского языка. Исходя из трех семантических аспектов: местонахождение, отправной пункт, направление, она анализирует синтаксическую функцию пространственных предлогов китайского языка⁶. Из вышесказанного можно видеть, что всё больше ученых размышляют над синтаксической функцией, отношениями, методикой преподавания предлогов русского и китайского языков. Но в когнитивном аспекте результатов сравнительного анализа предлогов двух языков мало, отсюда очевидно, что данная тема заслуживает внимания.

³ См.: Цуй Силян. Типология пространственных отношений // Обучение китайскому языку. 2002. № 1. С. 1–8.

⁴ См.: Лю Юнфэй. Пространственные предлоги в аспекте китайского языка: Диссертация Чжэцзянского университета. 2008.

⁵ См.: Ла На. Сопоставительное исследование пространственных предлогов в китайском и русском языке: Диссертация Даляньского университета. 2018.

⁶ См.: Наталия. Сопоставление пространственных предлогов в русском и китайском языке и их анализ расхождения: Диссертация Наньцзинского университета. 2017.

2. Основные образы-схемы пространственного предлога «на» в русском языке и рамочной конструкции «在……上» в китайском языке

В философской основе когнитивной лингвистики лежит экспериментальная философия. Когнитивная лингвистика – это направление в языкознании, которое исследует соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, рассматривает связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия.

Взаимодействие человечества с миром приводит к тому, что человек чувствует пространственные конструкции, существующие в мире, например внутри-снаружи, верх-низ, справа-слева и т.д. В процессе многократного ощущения и восприятия окружающего мира разные пространственные конструкции закрепились в человеческом сознании, оставшись в когнитивной структуре человека. М. Джонсон выделил абстрактную когнитивную конструкцию, которая образовалась в взаимодействии человечества с окружающим миром и назвал ее «динамической образной схемой», «образ-схемой» или просто «схемой». Согласно Джонсону, образ-схема – это повторяющийся динамический образец процессов восприятия наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту⁷.

Пространство лежит в основе восприятия мира и является важным элементом взаимодействия человечества с окружающей средой, в которой соответствующие пространственные понятия непрерывно повторяются, усиливаются, выделяются и образуют различные образные схемы, которые закрепляются в языке. Предметы, связанные с образной схемой, воспринимаются долгосрочно и многократно, а в головном мозге образуется абстрактная когнитивная модель, которая является мостом, соединяющим отвлеченное понятие и конкретную мысленную модель. «Образ-схема» – не только семантическое правило, но и элементарное психологическое изображение. Человек, у которого имеется такая «образ-схема» может познать новые, сложные, абстрактные предметы и явления. Вследствие чего

⁷ См.: Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.

происходит переход от когнитивной области к ярким метафорам⁸. Чтобы анализировать «образную схему» Р. Лангакер в когнитивной грамматике выдвинул понятия: TR (trajector — движущийся объект, или «траектор») и LM (landmark — «ориентир»)⁹. Тот объект, что находится «в фокусе» и является наиболее заметным, называется «траектором», а другой, отличный от «траектора», но также когнитивно выделенный, — это «ориентир».

Прототипическое значение пространственного предлога «на» в русском языке и рамочной конструкции «在……上» в китайском языке — это контакт TR и LM. Отношения между TR и LM могут находиться в статическом или в динамическом состоянии. По способам контакта TR и LM основные образные схемы пространственного предлога «на» и рамочной конструкции «在……上» разделяют на следующие типы:

В соприкосновении TR и LM TR находится на поверхности LM или прикрепляется к его внешней поверхности. LM может быть твердым или жидким. Мы представляем себе твердое тело одномерным или двумерным, двумерное встречается чаще. Однако площадь и глубина соприкосновения TR и LM отличаются, например:

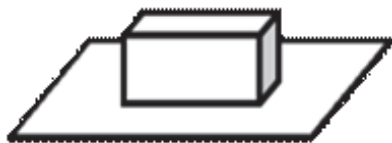

Схема 1

玉佩在椅子上怕是刚才坐下掉椅子上了。(倾城之恋《晚香玉》) / Яшмовые подвески остались **на** стуле, уронил их на стул, только что садясь.

木料和家具澡在水上, 人和牲口漂在水上。(姚雪垠《李自成》) / Лесоматериалы и мебель плавают **на** воде, человек и животные тоже **на** воде.

⁸ См.: Ван Божань. Когнитивное обоснование пространственных метафор предлогов и их актуальные значения в примере “at-on-in” // Вестник северо-восточного университета (издание общественной науки). 2007. № 4. С. 359–362.

⁹ Лангакер Р. Когнитивная грамматика. Сер. Актуальные проблемы прикладного языкознания. ИНИОН АН СССР, 1992.

(3) 这就像走在钢丝上, 你有没有观察过走钢丝的人? 他正在做什么呢? (奥修《没有水, 没有月亮》) / Вот как будто ходить **на** проволоке, ты не наблюдаешь, как ходят на проволоке? Что они делают?

(4) Сейчас наша комиссия занимается этими материалами. Они лежат у меня **на** столе (Оборотни первой волны (2003) // Завтра. 2003. 8 июня).

(5) Но гуси весь день **на** реке, и за ними глядеть легко (М.М. Пришвин. Матрешка в картошке. 1925).

(6) Вера Сербина и Нина Логачева – выдающиеся танцовщицы **на** проволоке (И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий. 1995–1999).

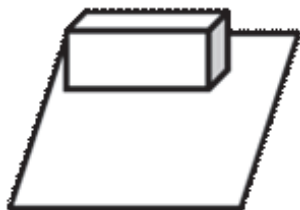

Схема 2

2.2. TR расположен на наклонной поверхности LM. Они соприкасаются, поверхность LM неровная и аномальная, например:

(7) 放牛时, 他让牛在山上吃草, 自己和伙伴们玩开了。(潘志光《潘天寿与雷婆头峰》) / Когда он пасет коров, коровы кормятся **на** лугу, он весело играет с ребятами.

(8) 白天, 藏族大哥骑马牧羊, 马儿慢步倘祥, 羊儿散在坡上。(海岩《五星大饭店》)。/ Днем Тибетцы пасет овец на лошади, которая медленно бродит, стадо овец **на** склоне.

(9) Не улица, а тропа под горою. Дома все **на** горе. Светятся тускло (Сергей Юрский. Бумажник Хофманна. 1993).

(10) **На** склоне горы высятся многоэтажные корпуса дома отдыха «Голубая даль» (Ирина Авереннова. Геленджик. 2000 // Туризм и образование. 2000. 15 июня).

Кроме того, TR в примерах (7), (8), (9), (10) находится на внешней поверхности LM, но в китайском языке TR может находиться внутри LM, например:

(11) 孙冬香的儿子陈新评将女婴的尸体埋藏在山上。(孔德富《都市快讯 2003》) / Чэнь Пинсинь, сын Сунь Дунсян, похоронил труп девочки **на** горе.

В русском языке в подобной ситуации употребляется не предлог «на», а используется предлог «в», например:

(12) С этого года началась добыча урановой руды **в** горе Бештау и горе Бык неподалеку.

2.3. TR находится на поверхности LM или в вертикальном положении по сравнению с LM. LM – вертикальная или немного наклонная поверхность. TR и LM вступают в прямой или косвенный контакт, например:

(13) 小洪四岁时,经常到学校里玩耍,从窗口看见老师在黑板上写字,他就蹲在地上用树枝仿写起来。(许金界《七岁儿童写得一手好字》) / Сяохун четырех лет часто играл в школе, через окно смотрел, как учитель писал **на** доске, потом он писал веткой на земле, сидя на корточках.

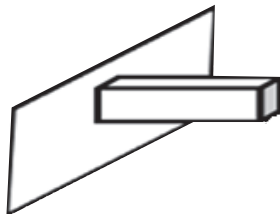

Схема 3

(14) Пока что он сообщает милые подробности о рисунках **на** доске, которые Кольцов делал цветными мелками с большим искусством (Даниил Гранин. Зубр. 1987).

«字» и «рисунки» в примерах (13), (14) расположены на поверхности «доски».

(15) 如果仍有余钱,我会去买几张名画的复制品—海报似那种,将它挂在墙上……。 (三毛《谈心》) / Если еще остаются деньги, я куплю копии известных картин, похожие на афиши, и повешу их **на** стену...

(16) **На** стене – зеркало волшебное – все владения в них хозяин видит (С Новым годом! // Мурзилка. 2002).

«画的复制品», «зеркало» в примерах (15), (16) в контакте со «стеной» посредством «гвоздя». В действительности мы часто игнорируем расстояние между TR и LM, считаем, что TR находится на LM.

2.4. TR находится внизу по отношению к LM. Мы считаем себя наблюдательным пунктом, называем сторону, куда мы смотрим, «верх». Такая ситуация подобна предыдущей, потому что TR и LM находятся в прямом или косвенном контакте, например:

Схема 4

(17) 有几幅校庆时留下的布卷，像是倒置的拱桥一般吊在天花板上。
(苏逸平《苏逸平全集》) / Рулон ткани, который остался во время годовщины со дня основания института, висит **на** потолке, как арочный мост в перевернутом положении.

(18) Очень тихо и слышно, как жужжит старенькая лампа **на** потолке (Александр Силаве. Армия Гутэнтака. 2007).

(19) Ее пришлось реставрировать, а пятна **на** потолке сохранились до нашего переезда (Сати Спивакова. Не всё. 2002).

«布卷» и «лампа» в примерах (17), (18) находятся внизу «потолка». По отношению к себе принято считать «потолок» плоскостью, ориентир – «потолок» находится над нами. TR и ML находятся в косвенной связи. «Пятна» в примере (19) на поверхности «потолока», TR и ML находятся в прямом контакте.

(20) 她用一只铁锥在鞋底上戳一个眼儿。(陈忠实《地善》) / Она проткнула дырку **на** подошве железным шилом.

(21) Денег на новые не было, и дырку **на** подошве я всё время заклеивал пластырем (Шамиль Тарпищев. Самый долгий матч. 1999).

В отличие от примеров (17), (18), (19), «眼儿», «дырка» в примерах (20), (21) на самом деле являются частью LM «подошвы», в такой ситуации TR – это часть LM, они неразделимы.

2.5. TR находится наверху или в верхней области LM, при этом они не вступают в контакт, чем и отличаются от вышесказанных четырех типов, например:

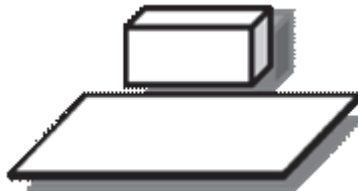

Схема 5

(22) 我记得有一次我们躺在草地上，看着鸟儿在天上飞来飞去。(昆鹏《一个老流浪汉的自述》) / Я помню такой случай, когда мы лежали на траве и смотрели, как птицы летали туда и обратно **на** небе.

(23) 从来都没见过这么明亮的阳光就在头顶上。(刘小童《驼峰航线》)/
Никогда не видел такого светлого солнца **над** головой.

(24) 汤森双臂抱起她, 将她举在头上。(南希·泰勒·罗森堡《黑色警局》)/ Тансэнь поднял ее **над** головой.

«天» в примере (22) обозначает «верх», TR – «鸟儿» находится наверху LM. В примере (23) TR – «阳光» освещает LM «头顶», мы не можем потрогать или контролировать «阳光». Здесь TR и LM находятся в бесконтактном состоянии. В примере (24) TR – «她» в верхней области LM – «头».

Образ-схема «TR и LM в бесконтактном состоянии» рамочной конструкции «在……上» соответствует пространственному предлогу «над» в русском языке, такой образной схемы у предлога “на” не существует. Однако «небо» относится к числу особенных ориентиров в образных схемах пространственного предлога «на» в русском языке, например:

(25) Звезды **на** небе сошлись так, чтобы это произошло (В.Г. Распутин. Новая профессия. 1998).

(26) Мальчик светлый, ясный, как месяц **на** небе, вот увидите, придет (И. Грекова. Перелом. 1987).

В примерах (25), (26) употребляются такие словосочетания, как «звезды на небе», «месяц на небе», но это не значит, что TR и LM соприкасаются. В русском языковом сознании «небо» представляется широкой плоскостью. «Небо» находится над нами, как «потолок», а наблюдатель исходит от себя, TR на небе, поэтому появляются такие словосочетания: «звезды на небе», «месяц на небе».

Мы используем географическое понятие – «измерение», чтобы выяснить характеристики пространственного предлога «на» в русском языке и рамочной конструкции «在……上» в китайском языке. В обоих языках требования к измерению ориентира имеют сходства и различия. TR в образной схеме предлога «на» имеет контакт с нульмерным, одномерным, двумерным понятием. LM как понятие поверхности встречается чаще. В образной схеме рамочной конструкции «在……上» в китайском языке TR входит в контакт с нульмерным, одномерным, двумерным, трехмерным понятием. В китайском языке встречаются такие предложения как 在轮船上跳舞; 我在飞机上看报纸; 在火车上聊天. Всем известно, “верх” часто обозначает верхнюю часть плоскости, но, когда мы слышим вышесказанные

три выражения, мы не думаем о таких словосочетаниях, как «轮船顶上» «飞机顶上» «火车顶上». Мы рассматриваем эти три транспорта в качестве емкости, которую выражает трехмерное понятие. Почему в таких ситуациях употребляется не «里», а «上»? В китайском языке пространство транспорта «轮船、飞机、火车» рассматривается в качестве плоскости, а «пол» становится ориентиром. Плоскость транспорта является открытым пространством. По сравнению с ориентиром «пол» расположен наверху транспорта. В русском языке принято считать «теплоход», «самолет» и «поезд» транспортом с достаточным пространством, чтобы ходить. Если вы на самолете, значит, вы путешествуете или собираетесь в путешествие. Данное выражение подчеркивает значение «ехать на каком-либо транспорте». Если вы в самолете, значит, вы внутри транспорта, в данной ситуации принято употреблять словосочетание «в самолете».

3. Переносные значения пространственной образной схемы предлога «на» в русском языке и рамочной конструкции «在……上» в китайском языке

Согласно положениям когнитивной лингвистики основная пространственная схематизация отражается в новой концепции с помощью метафоры или метонимии, образуя цепь значений, включающих время, состояние, способ, причину и т.д.¹⁰ Метафора – один из основных приемов познания объектов действительности. Абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор, другими словами, проекция одной познавательной области направлена на другую¹¹. Как в русском, так и в китайском языке пространственное значение предлогов несомненно считается протопическим значением, переносные значения предлогов строятся по принципу радиально организованной категории с прототипическим значением в ее центре.

Временная категория строится на основе пространственной. Это отражает совместный познавательный процесс человечества: первоначально появляется понятие пространства, за ним следует понятие времени. Время относится к временной области в когнитивном

¹⁰ См.: Лю Жуныцин. Направления западной лингвистики. Пекин, 2013.

¹¹ См.: Шэнь Цзясюань. Механизм грамматикализации – рецензия эволюционной грамматики // Современная лингвистика. 1998. № 3. С. 41–46.

аспекте. Основная образная схема пространственного предлога «на» в русском языке и рамочной конструкции «在……上» может отражать диапазон времени. Мы метафорически представляем область времени как трехмерную. В данной емкости происходят различные ситуации, которые согласно когнитивной лингвистике считаются траектором (TR), а время — ориентиром (LM).

Основная образная схема пространственного предлога «на» и рамочной конструкции «在……上» в китайском языке также может отражаться в эмоциональной сфере человека. В китайском языке соприкосновение TR и LM может создавать некоторые трения. Используя метафоры, мы говорим об отрицательных эмоциях. Здесь TR обозначает эмоциональное состояние действующего субъекта, а LM является эмоциональными координатами, например:

(27) 虽然在气头上他也说几句狠话, 过些日子, 他也就不再提起奴儿花花了。(熊召政《张居正》) / Хотя он сказал несколько злых слов в гневе, через несколько дней он больше не упомянул о Нуэр Хуахуа.

(28) 曹心立还在火头上, 黑着脸不做声。(周梅森《人间正道》) / Цаосинь еще в гневе, выглядел очень сердитым и не говорил.

В русском языке пространственный предлог «на» может выражать эмоции, но не обязательно отрицательные, например:

(29) Доверительные отношения, основанные **на** любви и уважении (Александр Снегирев. Вера. 2015).

(30) Какие, например, их фрагменты принято потирать **на** счастье (Ольга Балла. Мышление пространством или Стрелка указывает в будущее // Знание-сила. 2014).

Пространственный предлог «на» относится к числу контактных предлогов. Его типичная образная схема: TR находится сверху LM. Когда TR входит в контакт с верхней поверхностью LM, происходит усиление вверх. LM является опорой траектора TR и основой частью какой-либо системы, например: приемник на транзисторах. Между тем LM может тоже обозначать принятые средства и методы, для того чтобы добиться чего-либо, выполнить что-либо, способствовать чему-либо. Например:

(31) Ардалион Александрович пел романсы, аккомпанируя себе на фортепьяно или на гитаре (Д.В. Григорович. Проселочные дороги).

Рамочная конструкция «在……上» в китайском языке обозначает и конкретное, и абстрактное пространство. Абстрактное простран-

ство рассматривается в каких-либо пределах, в какой-либо стороне, в какой-нибудь области и при каком-нибудь условии, например:

(32) 在感情上作出这样大的牺牲, 这样坚决地克服各种困难, 这是令人极为钦佩的 (狄更斯《董贝父子》)。/ В чувствах сделали такую большую жертву, так преодолели разные трудности, это сильно восхитило.

(33) 王祈隆只把全部身心都投在工作上, 从来不过问工作之外的事情。(邵丽《我的生活质量》)/ Ван Цилун полностью посвятил себя работе, никогда не спрашивал про дела вне работы.

(34) 吴为不仅在国内, 就是在国际上也是有名声有地位的人了。(张洁《无字》)/ Увэй пользуется популярностью не только в своей стране, но и во всем мире.

(35) 他们将这些东西挂在网上, 让人免费下载。(韩寒《一座城化》)/ Они опубликовали эти данные в интернете, чтобы скачали бесплатно.

В предложениях (32), (33), (34) предлоги отражают более абстрактные и сложные значения, например, область, предел, условие, качество и другие. В примере (35) предлог отражает каналы для получения информации. В подобных случаях в роли имени существительного обычно выступают средства массовой информации.

4. Синтаксическая функция пространственного предлога «на» в русском языке и рамочной конструкции «在……上» в китайском языке

В книге «Восемьсот слов современного китайского языка» описываются три части речи, в качестве которых может выступать слово «在»: наречие, предлог, глагол. Например, «他在家; 他在家睡觉; 他在说话»¹². В этих примерах «在» является глаголом, предлогом и наречием. Прямое значение глагола «在» – «существование», и он употребляется с именами существительными местонахождения. Когда «在» уступает главное место сказуемому, глагол «在» становится предлогом. Предлог «在» может употребляться не только со словами местонахождения, но и со словами, выражающими время, область, объект. В таком случае предлог «在» постепенно превращается в наречие времени. М.В. Всеволодова отмечает, что по происхождению

¹² Люй Шусян. 800 слов современного китайского языка. Пекин, 2007.

предлоги были знаменательными частями речи, впоследствии в процессе своего развития они потеряли первоначальные лексические значение и превратились в служебную часть речи. Однако одна часть процесса превращения предлогов уже закончилась, а другая часть еще не закончилась, поэтому некоторые предлоги в русском языке используются как служебные слова (предлоги), так и знаменательные слова (имена существительные или наречия)¹³. Синтаксическая функция пространственного предлога «на» и рамочной конструкции «在……上» имеет сходства и различия. Их основная синтаксическая функция выполняется обстоятельством, например,

(36) 在上海的大街上, 我们一边走一边聊天。 / Мы идем и разговариваем на проспектах в Шанхае.

(37) На столе лежит ручка и тетрадь.

Рамочная конструкция «在……上» может употребляться в начале предложения или между подлежащим и сказуемым, например,

(38) 歌手在舞台上唱歌。 / Певец поет на сцене.

Отличие рамочной конструкции в китайском языке от предлога «на» заключается в том, что когда конструкция «在……上» стоит в начале предложения, она выступает как обстоятельство. Если имеются существительные-направления, кроме устойчивых сочетаний, то предлог можно опустить. Опускание предлога не влияет на смысл предложения, например,

(39) (在) 墙上挂着一幅画。 / На стене висит одна картина.

В русском языке соответствующий предлог не опускается, например,

(40) 桌子上有一个苹果 / На столе лежит яблоко.

Рамочная конструкция «在……上» имеет функцию определения, но это не его универсальная функция. Предлог «на» также часто используется в роли определения. В.В. Линь разделил определения русского языка на согласованные и несогласованные¹⁴. Сочетание «предлог “на” + имя существительное в разных падежах» часто употребляется как несогласованное определение и является наиболее часто используемым типом. Обычно оно стоит после определенного имени существительного. Таким образом, предлог имеет ограни-

¹³ См.: Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982; URSS, 2008.

¹⁴ См.: Линь В.В. Практическая грамматика русского языка. М., 2010.

ченное использование по отношению к впереди стоящему существительному или словосочетанию. Например, (41) Ребята заводили разговор о производстве на заводе. (伙伴们谈起了工厂的生产情况。) В китайском языке оборот, выражающий значение места, ставится впереди определенного имени существительного со словом «的», а в русском языке его ставят позади определенного имени существительного. В этом заключается отличие использования предлогов в обоих языках: 桌子上的书越来越少了. Книг (书) на столе (在桌子上) стало меньше.

Значительное отличие предлога «на» от рамочной конструкции «在……上» состоит в том, что в русском языке дополнение отсутствует. В китайском языке дополнение в виде пространственного предлога обычно ставится позади сказуемого или глагола, а в русском пространственный предлог выступает в качестве обстоятельства. Например, 挂在墙上 (дополнение) / *Повесить на стену* (обстоятельство).

5. Заключение

Пространственный предлог «на» в русском языке и рамочная конструкция «在 上» в китайском языке не могут использоваться самостоятельно. У предлогов существуют схожие прототипические и расширенные значения, а также синтаксические функции. Однако в семантике и в некоторых синтаксических функциях имеются различия. Это объясняется тем, что люди разных национальностей и стран живут в общем мировом пространстве, но процессы и способы восприятия мира отличаются¹⁵. Все нации обладают схожей средой существования, физиологическими и психическими основами, проходят через похожий жизненный опыт. В сущности, люди воспринимают пространство одинаково и для выражения понятия пространства выбираются аналогичные пространственные предлоги. Однако из-за несовпадений в образе жизни и привычках народов наблюдаются значительные различия в восприятии системы ценностей, культуре, нравах и обычаях. В связи с этим разные языки отражают различную концептуальную систему пространства.

¹⁵ См.: *Фан Цзинминь*. Когнитивная структура пространственной ориентировки в китайском языке // Преподавание китайского языка во всем мире. 1999. № 4. С. 32–38.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982; URSS, 2008.
2. *Линь В.В.* Практическая грамматика русского языка. М., 2010.
3. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
4. *Лангакер Р.* Когнитивная грамматика. Сер. Актуальные проблемы прикладного языкознания. ИНИОН АН СССР, 1992.
5. *Фан Цзинминь.* Когнитивная структура пространственной ориентировки в китайском языке // Преподавание китайского языка во всем мире. 1999. № 4. С. 32–38.
6. *Наталья.* Сопоставление пространственных предлогов в русском и китайском языке и их анализ расхождения: Диссертация Нанкинского университета. 2017.
7. *Лю Даныцин.* Рамочный предлог в китайском языке // Современная лингвистика. 2002. № 4. С. 241–253.
8. *Лю Юнфэй.* Пространственные предлоги в аспекте китайского языка: Диссертация Чжэцзянского университета. 2008.
9. *Ла На.* Сопоставительное исследование пространственных предлогов в китайском и русском языке: Диссертация Даляньского университета. 2018.
10. *Люй Шусян.* 800 слов современного китайского языка. Пекин, 2007.
11. *Лю Жуньцин.* Направления западной лингвистики. Пекин, 2013.
12. *Шэнь Цзясюань.* Механизм грамматикализации – рецензия эволюционной грамматики // Современная лингвистика. 1998. № 3. С. 41–46.
13. *Цуй Силян.* Типология пространственных отношений // Обучение китайскому языку. 2002. № 1. С. 1–8.
14. *Цуй Силян.* Когнитивные схемы и синтаксические выражения // Сборник статей авторов по китайскому языку Пекинского университета языка и культуры: грамматика. Пекин, 2004.
15. *Ван Божань.* Когнитивное обоснование пространственных метафор предлогов и их актуальные значения в примере “at-on-in” // Вестник северо-восточного университета (Общественные науки). 2007. № 4. С. 359–362.

ОНЛАЙН-РЕСУРСЫ

1. HSK Динамический лингвистический корпус. URL: <http://202.112.195.192:8060/hsk/login.asp>
2. Онлайн-корпус китайского языка Пекинского университета. URL: http://ccl.pku.edu.cn/Yuliao_Contents.Asp
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Li Dan

**COGNITIVE AND COMPARATIVE STUDY OF
THE SPATIAL PROPOSITION “ON” IN THE RUSSIAN
LANGUAGE AND FRAMEWORK DESIGN
“在……上” IN THE CHINESE LANGUAGE**

Heilongjiang University

150080, Harbin

Jilin University of Foreign Languages

130000, Changchun

In this article, using the means of cognitive linguistics, the spatial preposition “on” in Russian and the frame construction “在……上” in Chinese are explored. Particular attention is paid to the definition of their prototypical values and figurative schemes from different dimensions and relations of the “trajectory and the guide”. Also analyzed are typical images-schemes of the preposition “on” and the frame structure “在……上”. Then, using extended metaphor, the data values of spatial prepositions are considered. In addition, this article compares the comparative characteristics of the syntactic function of the spatial preposition “on” in Russian and the frame structure “在……上” in Chinese.

Key words: spatial preposition “on”; Russian language; frame construction “在……上”; Chinese; the theory of the figurative scheme.

About the author: *Li Dan* – Doctor of Philology, Heilongjiang University (Harbin, PRC) / Associate Professor, Jilin University of Foreign Languages (Changchun, PRC). e-mail: lid120306@126.com.

REFERENCES

1. Vsevolodova M.V., Vladimirsky E.Yu. *Methods of expressing spatial relations in modern Russian language*. Moscow: Russian language, 1982; URSS, 2008.
2. Lin V.V. *Practical grammar of the Russian language*. Moscow: Flint: Science, 2010.
3. Lakoff D., Johnson M. *Metaphors we live by*. Theory of metaphors. Moscow, 1990.
4. Langacker R. *Cognitive grammar. Ser. Actual problems of applied linguistics*. INION USSR Academy of Sciences, 1992.
5. Fang Jingmin. *Cognitive structure of spatial orientation in Chinese*. Teaching Chinese around the world. 1999. № 4, pp. 32–38.
6. Natalia. *Comparison of spatial prepositions in Russian and Chinese and their analysis of discrepancies*. Thesis of the Nanjing University. 2017.
7. Lyu Danqing. *Ramechny preposition in Chinese*. Modern linguistics. 2002. № 4, pp. 241–253.
8. Liu Yunfei. *Spatial prepositions in the aspect of the Chinese language*. Thesis Zhejiang University. 2008.
9. La Na. *A comparative study of spatial prepositions in Chinese and Russian*. Thesis of Dalian University. 2018.

10. Luy Shuxiang. *800 in modern Chinese*. Beijing: commercial publishing. 2007.
11. Liu Runqing. Directions of Western linguistics. Beijing: *Publishing Teaching and study of foreign languages*. 2013.
12. Shen Jiaxuan. The mechanism of grammaticallization-review of evolutionary Grammar. *Modern linguistics*. 1998. № 3, pp. 41–46.
13. Cui Xiliang.. The typology of spatial relations. *Learning Chinese language*. 2002. № 1, pp. 1–8.
14. Cui Xiliang. *Cognitive schemes and syntactic expressions. Digest of articles*. Peking University of Language and Culture. Authors of Chinese Language: grammar. 2004.
15. Boran. The cognitive rationale for prepositional spatial metaphors and their actual values in the example “at-on-in”. *Bulletin of the northeast University (Social sciences)*. 2007. № 4, pp. 359–362.

ONLINE RESOURCES

1. HSK Dynamic linguistic corpus. URL: <http://202.112.195.192:8060/hsk/login.asp>
2. Online case of Chinese language at Peking University. URL: http://ccl.pku.edu.cn/Yuliao_Contents.Asp
3. The National Corpus of the Russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

ЭКОНОМИКА

В.А. Исаев, А.О. Филоник

НОВАЯ РОЛЬ СУВЕРЕННЫХ ФОНДОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АРАБСКИХ МОНАРХИЙ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»*

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

В статье рассматривается сравнительно новое явление в социально-экономической жизни арабских монархий, расположенных в зоне Персидского залива, связанное с активизацией деятельности их суверенных накопительных фондов. В этой связи анализируются причины возникновения этих новых для аравийских монархий финансовых институтов, их структура, активы и принципы функционирования. Немаловажное место в данной статье принадлежит рассмотрению сфер приложения капиталов суверенных фондов, которые в последние годы используют свои средства не только для покупки пакетов акций различных международных компаний и фирм, но и в качестве инструмента сохранения социальной стабильности аравийского общества с целью его наиболее безболезненного встраивания в современные международные экономические отношения. Капиталы этих фондов направляются в связи с этим на финансирование различных мер по оптимизации местных экономик, поддержке частного предпринимательства, рационализации методов управления и т.п., что способствует стабилизации монархических режимов в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Исаев Владимир Александрович – доктор экономических наук, профессор кафедр международных экономических отношений ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: v-isaev@yandex.ru).

Филоник Александр Оскарович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (e-mail: fao44@mail.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношений».

Ключевые слова: аравийские монархии; ССАГПЗ; суверенные фонды; нефть; газ; мировые цены на нефть; доходы от экспорта энергоносителей; акции; инфраструктура; экономическое сотрудничество; социальная стабильность.

Немногие страны претерпели на протяжении всего одного-двух поколений столь стремительную, ныне кажущуюся фантастической, трансформацию от архаичной, отсталой, бедной восточно-патриархальной общины в современное, богатое и процветающее общество. Именно к числу таких стран относятся аравийские монархии, расположенные в зоне Персидского залива.

Географическое положение, историческая, политическая и культурная практика этих арабских государств свидетельствуют о том, что они имеют много общих черт, сближающих их и придающих им большое типологическое сходство. К тому же глубокие историко-культурные и духовные связи стран Залива свидетельствуют о том, что религиозный фактор оказывал и продолжает оказывать серьезнейшее воздействие на духовную сферу Бахрейна, Катар, Кувейта, ОАЭ, Омана и Саудовской Аравии. В начале XXI в. коренное население всех аравийских монархий было мусульманским. При этом абсолютное большинство их было суннитами, а исключение составляли лишь Султанат Оман и Королевство Бахрейн. Официальная религия Омана до сих пор представлена ибадитской сектой хариджизма (около 55% населения страны), а к суннитам относят себя около 40% жителей. На Бахрейне около 65% населения исповедуют шиизм и около 30% – суннизм (в том числе и правящая семья)².

Нельзя также не упомянуть и огромные по любым стандартам запасы углеводородного топлива (более 31% мировых резервов) и высокоразвитый нефтяной сектор (около 21% доли от мировой добычи)³. Этот последний начал создаваться американскими и британскими международными нефтяными корпорациями еще в 1930-е годы сначала на Бахрейне и в Саудовской Аравии, а в послевоенные годы и примкнувшими компаниями других промышленно развитых стран уже и в остальных государствах Залива. Позже, к 1980-м годам, нефтегазовая отрасль в аравийских монархиях была национализи-

² Сейранян Б.Г., Исаев В.А., Филоник А.О. Становление государственности аравийских монархий. М., 2013. С. 4.

³ Мировые запасы нефти. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/oil-reserves>

рована, превратившись в определяющий фактор и материальную базу ускоренного экономического развития и модернизации многих сторон их общественной жизни.

Благодаря растущим доходам от нефти эта группа стран превратилась в одну из самых быстроразвивающихся зон мира. По объему и темпам роста ВВП Саудовская Аравия, как и малые страны Залива, на протяжении последней четверти XX и первой декады XXI в. опережали другие страны Ближнего Востока и Северной Африки. В настоящее время это наиболее динамично развивающиеся в арабских пределах государства.

К числу крупнейших нефтедобывающих стран мира, наряду с Саудовской Аравией, относятся также ОАЭ, Кувейт и Катар, которые играют существенную роль на мировом рынке жидкого топлива. Параллельно с важнейшей отраслью их хозяйства – гипертрофированно развитым нефтегазовым сектором – в условиях капиталоизбыточного инвестирования (за исключением определенных периодов падения цен на топливо на мировом рынке) успешно развивался ряд отраслей ненефтяной промышленности: строительство, сельское хозяйство, торговля, финансовый сектор. При этом развитие экономики сопровождалось массированными инвестициями в социальную сферу (образование, здравоохранение, культуру, науку), а также в производственную инфраструктуру, без чего было бы невозможно обеспечивать нормальное социально-экономическое развитие этих стран.

Тем не менее не следует считать, что монархии устойчивы на все времена. Пусть даже их экономическая практика завораживает многих, причем не только на Арабском Востоке, затеняя глубинные аспекты повседневной аравийской жизни, уровень которой в целом безусловно превосходит средние по арабскому региону параметры. Но эта оценка не должна скрывать того факта, что даже для коренного населения арабских государств Персидского залива жизнь не всегда и не во всем созвучна с образом жизни местных элит. Другое дело, что такие различия внешне могут существенно скрадываться за счет капиталоизбыточного характера экономик этих стран и видимости общего благополучия. Но этот показатель относителен, а экономические и иные противоречия в аравийском социуме, безусловно, существуют и подспудно набирают силу. На это, в частности, указывают вспышки насилия на Бахрейне и весьма напряженная обстановка в Саудовской Аравии и Кувейте, где общественное не-

довольство способно вылиться в события, спровоцированные даже незначительным поводом. Такая опасность ситуации не представляет секрета для правящих домов и гасится элитами, которые предпринимают усилия на разных направлениях в стремлении сохранить социальный мир и власть.

В конкретных обстоятельствах аравийских монархий наилучший способ для этого состоит в том, чтобы не допускать ухудшения материальных условий существования местного населения. Отсюда – гигантские программы строительства, расходы на импорт продовольствия, дотации и льготы, демонстрация склонности к проведению реформ, разного рода демарши на региональной арене с целью поднять авторитет власти и усилить эффект воздействия на общественное сознание. Сюда же можно отнести меры по оптимизации экономики, поддержке частного предпринимательства, дальнейшей диверсификации частных инвестиций, рационализации методов управления. Приведенный ряд можно также дополнить и такими мерами, как, например, переориентация выдвигаемых снизу инициатив на достаточно безобидные для власти цели – улучшение экосферы, борьбу за чистоту, озеленение, поощрение увлечений спортом, национальными играми и т.п. Эти получившие большое распространение меры на нынешнем этапе вполне реально служат задачам укрепления власти в обществе всех арабских монархий Залива.

Действительно, социальные программы здесь довольно редко испытывают сбой, которые не становятся критичными для последующего развития даже в весьма острых ситуациях, примером чему могут служить пока не преодоленные в полной мере последствия не столь давнего мирового финансового кризиса, отрицательное влияние которого ощущается мировой экономикой по сей день. Но одного этого недостаточно, чтобы обеспечивать благоденствие всех подданных и сохранять их надежды на будущее неомраченными на фоне дряхлеющей неуверенности в ситуации на мировом рынке. Особенно в свете того, что в аравийских монархиях по сей день остается неизжитой дифференциация по многим параметрам даже в среде коренного населения, не говоря уже о наличии ярко выраженной грани между ним и «гастарбайтерами», неравенстве в правах, трудностях в общении представителей разных цивилизаций и других проблем подобного ряда.

При относительной сглаженности материального положения внутри страт местного и «пришлого» населения эти обстоятель-

ства как бы утрачивают свою остроту. Но они не служат надежной гарантией от разногласий, а порой и антагонизмов, которые могут провоцироваться не столько экономическими причинами, сколько теми, что вызревают на политической, этнической или конфессио-нальной почве.

Осознавая подобные угрозы, государство в этих странах пристально следит за ситуацией, совершенствует с той или иной долей успеха механизмы регулирования отношений внутри общества. Для усиления эффекта оно мобилизует возможности, чтобы максимально локализовать очаги потенциальной напряженности, а для этого следовать, и в чем-то опережать потребности населения в об-лагороженной среде обитания, в смягчении по максимуму остроты экологических проблем. За счет государства в этих странах возво-дится суперинфраструктура, начиненная самыми совершенными до-стижениями научно-технической мысли и наделенная сложнейшими архитектурными формами. Очевидное при этом расточительство не является результатом недосмотра или просчета. Напротив, среди всех предпринимаемых государством мер эти средства лучше дру-гих служат одной цели: усилению власти, убеждению населения в том, что только она в ее нынешнем виде, направляя экономическое развитие и поддерживая в заданном русле процессы социокультур-ной регуляции, способна обеспечить общественное согласие и быть гарантом традиционных национальных ценностей.

Понятно, что для достижения этих важнейших для местных властей целей монархии арабских стран зоны Персидского залива широко используют так называемый нефтяной фактор, т.е. доходы от продажи за рубеж нефти и газа. Но на современном этапе проблема для них возникла из-за того, что доходов от экспорта углеводородов стало не хватать для эффективного осуществления поставленных ранее амбициозных задач социально-экономического развития осо-бенно в нынешних условиях, когда на мировом топливном рынке выявилась четкая тенденция превышения предложения этого вида сырья над спросом на него со стороны основных потребителей в силу общего замедления темпов роста мировой экономики.

Естественно, что аравийские монархии, оказавшись не в со-стоянии резко урезать льготы и привилегии, которыми по сей день пользуется коренное население, обратили внимание на различного рода накопительные фонды, созданные ими в период высоких цен на энергоносители. В связи с этим они не пожалели больших денег для

оплаты работы финансовых экспертов мирового уровня, наметивших программы перспективного использования нефтедолларовых авуаров аравийских монархий, которые ранее в своей подавляющей части были размещены в западных банках, принося их обладателям определенный годовой процент.

В результате, помимо инвестирования этих средств в традиционные для монархий Персидского залива проекты развития нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей сферы, а также в удовлетворение социальных нужд коренного населения, эти страны стали вкладывать средства своих накопительных фондов в создание современной транспортной инфраструктуры, авиационные и автомобильные заводы, создание верфей, развитие аграрной сферы внутри своих стран (несмотря на ряд природных ограничителей) и за рубежом. Кроме того, они стали приобретать различные популярные бренды, торговые сети с мировым именем и т.п. И надо сказать, сумели это сделать без излишнего шума и рекламы, но тем менее весьма эффективно, поскольку в результате такого рода финансовых операций со средствами суверенных фондов доходы аравийских монархий в ряде случаев даже сравнялись или превзошли средства этих стран, вырученных от экспорта нефти и газа.

В частности, Саудовская Аравия – первый среди стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) экспортер нефти – уже больше 10 лет откладывает часть доходов, полученных от вывоза за рубеж жидкого топлива, в свой Государственный суверенный фонд (ГСФ), основанный в 2008 г., когда впервые ему были переданы 300 млн долл. из активов Валютного агентства страны (исполняет функции центрального банка) и 60 млн долл. из местных пенсионных фондов. Уже к середине 2018 г. активы ГСФ оценивались в 439 млрд долл.⁴, что вызвало ряд вопросов у международных экспертов.

Дело в том, что до настоящего времени структура этого саудовского фонда остается крайне непрозрачной, так как все его экономические статьи расходов и доходов находятся под грифом «секретно»⁵. В связи с этим, например, о расходах ГСФ можно судить лишь по косвенным данным. Понятно, что часть его средств тратится на вой-

⁴ Валютное агентство Саудовской Аравии (SAMA), официальный сайт. URL: <http://www.sama.gov.sa/>

⁵ Суверенный фонд благосостояния Саудовской Аравии. URL: https://bstudy.net/618591/economika/suverennyy_fond_blagosostoyaniya_saudovskoy_aravii

ну в Йемене и общее повышение внимания саудовского руководства к укреплению обороноспособности страны. Однако основные усилия властей королевства, если судить по официально презентованной 25 апреля 2016 г. программе социально-экономического развития Саудовской Аравии «Видение 2030», будут сосредоточены на общей реформе национального хозяйства, которая включает, например, планы создания в стране более 1,2 млн новых рабочих мест и снижение уровня безработицы местного населения с нынешних 11,6 до 7%⁶ и др.

В рамках намеченного плана развития значительное место уделено строительству нового технологического города НЕОМ общей площадью 25 тыс. кв. км, который планируется разместить на берегу Красного моря у границ Саудовской Аравии с Египтом и Иорданией. Власти королевства обещают, что НЕОМ станет свободной экономической зоной, которая будет базироваться на таких высокотехнологичных отраслях, как энергетика, водные ресурсы, включая опреснение морской воды, транспорт, биотехнологии, инвестиционные виды промышленности, медиа, цифровые технологии, производство продовольствия. Предполагается, что этот город станет гарантом социально-экономической трансформации страны. Инвестиции в этот суперпроект оцениваются ныне в 500 млрд долл.⁷

Серьезнейшую роль стали играть суверенные фонды в социально-экономической жизни ОАЭ. Только эмират Абу Даби контролирует четыре суверенных фонда благосостояния (Инвестиционное управление, девелоперскую компанию Мубадала, Международную нефтяную инвестиционную компанию и Инвестиционный совет), которые в течение нескольких десятилетий последовательно укрепляли свои позиции на региональном и мировом рынках, способствуя диверсификации экономики ОАЭ.

Так, основанное в 1976 г. Инвестиционное управление Абу Даби (ИУАД) изначально являлось инвестиционным институтом, который постепенно превратился в один из крупнейших в мире суверенных фондов благосостояния с активами, оцениваемыми на середину 2018 г. в 800–875 млрд долл. (разница в оценках ак-

⁶ Косач Г.Г. Видение: 2030. Саудовские реформы // Свободная мысль. 2016. № 6. С. 7.

⁷ Миллиарды в город будущего: зачем Россия вкладывается в саудовский Неом. URL: <https://ruposters.ru/news/09-11-2017/gorod-budushego>

тивов связана с непрозрачностью его финансовых операций)⁸. Основная часть инвестиций ИУАД сосредоточена на вложениях в акции и облигации различных финансовых компаний, страховые фонды и т.п. Официально заявлено, что стратегия фонда заключается в передаче «излишков» нефтяных доходов в портфель профессионально управляемых финансовых активов страны. Интересно отметить, что недостаточная транспарентность деятельности ИУАД не является препятствием к сотрудничеству с ним различных зарубежных государств. Так, в марте 2018 г. было подписано соглашение между ИУАД и правительством Казахстана о финансовой поддержке фондом строительства ряда объектов делового, торгового и развлекательного характера на территории последнего на общую сумму свыше 9 млрд долл.⁹

В последнее время стала стремительно наращивать свою деятельность и активы компания Мубадала, которая в 2017 г. объединила свои капиталы с Международной нефтяной инвестиционной компанией, а в 2018 г. – с Инвестиционным советом, в результате чего она превратилась в суверенный фонд, а стоимость ее активов достигла 250 млрд долл.¹⁰ Сфера интересов этого нового фонда, естественно, заметно расширилась, и, помимо вложений в различные ценные бумаги, он стал приобретателем мажоритарных пакетов ряда предприятий в самых разных высокодоходных отраслях мирового бизнеса. Например, он приобрел разной стоимости пакеты акций у некоторых банков ОАЭ, купил завод по производству авиадеталей для Боинга и Эрбаса, предприятие по выпуску полупроводников в Калифорнии, акции военно-промышленной компании ОАЭ¹¹ и т.д.

Невозможно преуменьшить ту роль, которую играет в социально-экономическом развитии Кувейта его суверенный фонд, считающийся старейшей такого рода организацией в мире (создан еще в 1953 г.). Следует заметить, что за истекшие годы Кувейт, всегда отличавшийся крайне взвешенной и осмотрительной политикой, которую он проводил в финансовой сфере, стал крупнейшим центром

⁸ Инвестиционное управление Абу Даби ОАЭ (Abu Dhabi Investment Authority). URL: <http://taighde.com>

⁹ Казахстан и ОАЭ подписали шесть документов на сумму свыше \$9 млрд. URL: <https://zonakz.net/2018/04/07/kazakhstan-i-oae-podpisali-6-dokumentov-na-summu-svyshe-9-mlrd/>

¹⁰ Мубадала инвестиционная компания. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Mubadala_Investment_Company

¹¹ Там же.

инвестиционной деятельности стран ССАГПЗ. Так, Кувейт создал высокоразвитый рынок капитала, а его население держит на банковских счетах больше денег, чем население Саудовской Аравии, Абу Даби и Катара, вместе взятых. К тому же Кувейт ныне – крупнейший среди стран Залива инвестор долгосрочных капиталов за границей¹².

Понятно, что за столь долгую историю существования Кувейтский инвестиционный фонд (КИФ) неоднократно реформировался (наиболее серьезным изменениям его активность подверглась в 1982 г.), в результате чего он стал также управлять еще двумя фондами: Генеральным резервным фондом, который к тому же исполняет функции казначейства страны, и Фондом будущих поколений, в который по местному законодательству ежегодно отчисляется 10% доходов Кувейта от экспорта нефти. В результате совокупные активы КИФ в середине 2018 г. превысили 550 млрд долл.¹³

Согласно уставу, КИФ ставит своей целью получение прибыли в долгосрочной перспективе от управления нефтяными доходами страны, чтобы постепенно превратить эти средства в альтернативный источник государственных доходов в случае истощения нефтяных ресурсов страны. Являясь автономным органом правительства, КИФ стремится к получению высокой нормы прибыли от своих инвестиций. Так, при расчете скользящей средней за три года КИФ старается, чтобы показатели прибыли превышали установленные лимиты. С этой целью он разрабатывает и поддерживает диверсифицированный портфель своих инвестиций и распределяет активы по различным сферам экономики, учитывая показатели доходности и риска.

Поддерживая в глазах мирового бизнеса свою автономность, КИФ выработал весьма любопытную структуру управления. В частности, им руководит Совет директоров, большинство членов которого являются представителями частного бизнеса. Во главе Совета стоит министр финансов Кувейта, а другие места занимают министр энергетики, глава центрального банка, заместитель министра финансов и пять граждан других стран, трое из которых не должны занимать любые государственные должности¹⁴.

¹² Инвестиционное управление Кувейта (Kuwait Investment Authority (KIA). Официальный сайт. URL: www.kia.gov.kw

¹³ Суверенный фонд благосостояния Кувейта. URL: https://bstudy.net/618594/economika/suverennyy_fond_blagosostoyaniya_kuveyta

¹⁴ State of Kuwait. Ministry of Information. Kuwait: Facts and Figures, 2017. P. 48–53.

Приоритетом для КИФ традиционно является вложение средств в инфраструктуру, прежде всего в финансирование строительства дорог, морских портов и аэродромов. Но он не отказывается и от других выгодных для его капиталовложений сфер. Например, в России он вкладывает средства в медицину, нефтехимию и энергетику, в КНР – в холдинг Джили и в Промышленно-коммерческий банк Китая, в ФРГ – в автогигант Даймлер и т.д. При этом КИФ практически постоянно получает прибыль от своей деятельности за рубежом, о чем свидетельствует рост стоимости его активов, которая в 2018 г. в 4,2 раза превысила ВВП Кувейта, который в том же году достиг 131,28 млрд долл.¹⁵

От своих соседей по Аравийскому полуострову старается не отстать и Катар, создавший свой суверенный фонд (СКФ), образование которого было утверждено в 2005 г. указом эмира с целью перераспределения государственных доходов, полученных от продажи за рубеж нефти и газа, для диверсификации экономики страны, повышения ее конкурентоспособности и снижения зависимости от экспорта энергоресурсов. При этом эмир поставил перед СКФ стратегическую задачу содействовать трансформации Катара в один из главных мировых финансовых и инвестиционных центров.

СКФ принадлежит правительству страны и напрямую подчиняется Верховному совету Катара по экономическим вопросам и инвестициям. Непосредственное управление фондом осуществляет Совет директоров, которым руководит глава государства. Финансовая отчетность СКФ является закрытой¹⁶.

Приоритетными направлениями инвестиций фонда стали покупка пакетов акций крупных зарубежных компаний, кредитование, приобретение драгоценных металлов, валюты, объектов недвижимости за границей и др. В частности, СКФ приобрел значительные пакеты акций у Национального банка Катара, авиакомпании Катар Эйруэйз, автомобильного концерна Фольксваген, лондонского аэропорта Хитроу, банках Барклайз (Великобритания) и Креди Сюисс (Швейцария), стал владельцем 2,95% уставного капитала российского ВТБ и 24,99% акций аэропорта Пулково и т.д. За истекшие годы деятельность СКФ можно считать достаточно

¹⁵ Рейтинг стран по ВВП 2018. Fincan.ru/articles/17_rejting_stran_po_VVP_2018/

¹⁶ Инвестиционное управление Катара. Qatar Investment Authority (QIA). Официальный сайт. The Qatar Investment Authority – a world class investor. URL: <http://www.qia.qa>

успешной, так как активы фонда к середине 2016 г. достигли 250 млрд долл.¹⁷

Еще одно монархическое государство зоны Персидского залива – Султанат Оман – в настоящее время решает задачу реформирования двух своих суверенных фондов: Государственного резервного фонда и Оманского инвестиционного фонда, в результате чего страна планирует, используя опыт своих соседей по Аравийскому полуострову, создать новый суверенный фонд, под управлением которого могут оказаться активы в размере 25 млрд долл.¹⁸

Не остался в стороне от процесса создания суверенных фондов в странах ССАГПЗ и Бахрейн, который в 2006 г. создал свой фонд путем передачи местному холдингу Мумталякат акций 29 местных коммерческих предприятий. Фонд, активы которого на начало 2017 г. достигли 10,6 млрд. долл.¹⁹, с самого начала своей деятельности предпочитал размещать свои инвестиции внутри страны, прежде всего в нефтегазовый сектор, производство алюминия, финансовые активы, туризм, транспорт, недвижимость, телекоммуникации. Позднее фонд приобрел пакеты акций у 38 различных компаний стран ССАГПЗ и британской Макларен. Он также установил деловые связи с Российским фондом прямых инвестиций с намерением вложить в проекты последнего примерно 135 млн долл.²⁰

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически все суверенные фонды стран ССАГПЗ сумели в сжатые исторические сроки заметно нарастить активы и распространить свою деятельность не только на аравийские монархии, но и далеко за пределы полуострова, став серьезными участниками мирового финансового рынка, что невозможно объяснить только ростом цен на экспортируемые ими энергоносители или увеличением энергопоставок из этих стран на мировой топливный рынок. Речь, разумеется, может идти об умелом управлении активами фондов и удачном выборе инвестиционного вложения их средств, которые позволили им в ряде случаев получать примерно такие же доходы, которые дает непосредственный экспорт за рубеж нефти и газа.

¹⁷ Министерство экономики и финансов Катара. Официальный сайт. Ministry of Economy and Finance of Qatar. URL: <http://www.mof.gov.qa/english/index.html>

¹⁸ Оман планирует слияние суверенных фондов. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/84530>

¹⁹ Бахрейн пытается проводить более самостоятельную политику. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2642875>

²⁰ Суверенный фонд Бахрейна. URL: <https://ru.reuters.com/article/idRUL8N1IY2ZL>

И все же, одним только умелым управлением объяснять столь стремительный рост активов суверенных фондов аравийских монархий было бы методологически неверным. По всей видимости, эти страны в полной мере использовали опыт некоторых европейских государств, также входящих в число крупных нефтеэкспортеров, России и Норвегии, которые при составлении своих ежегодных бюджетов вот уже несколько лет используют правило так называемого отсечения, суть которого заключается в том, что в бюджетные доходы на следующий год закладываются поступления от продажи за рубеж энергетического сырья в определенном размере, как правило, 40–50 долл. за баррель. Если мировые цены на нефть оказываются выше установленных лимитов, то образующиеся «излишки» поступают в распоряжение правительства соответствующей страны, которое решает в какие отрасли местной экономики их следует направить. Учитывая, что за последние пять лет мировые цены на нефть не падали ниже 50 долл. за баррель, в руках руководства аравийских монархий оказались средства, исчисляемые десятками миллиардов долларов, часть которых ранее размещавшаяся в западных банках, ныне пошла на увеличение активов их суверенных фондов.

При этом следует учесть тот факт, что страны ССАГПЗ не занимаются только тем, что инвестируют часть доходов от продажи энергоресурсов в свои суверенные фонды или направляют эти средства исключительно на осуществление местных проектов государственного значения. Власти этих стран, преследуя важнейшую цель сохранения в обществе «социального баланса», не скупаются на оплату различного рода льгот и субсидий, которыми широко пользуются коренные жители.

Не ставя в этой статье цель изучения практики использования аравийскими монархиями доходов от экспорта углеводородного сырья на социальные нужды, которая, как представляется, заслуживает отдельного исследования, следует все же заметить, что механизмы достижения социальной справедливости в странах ССАГПЗ неоднозначны. Они могут трактоваться по-разному в зависимости от того, о чем конкретно идет речь, ведь они неодинаково видятся в разных слоях коренного населения, не говоря уже о том, как ситуация преломляется в «привозной» рабочей силе. Многое зависит от характера регуляции общественно-политической жизни местного общества, образа действий властей той или иной конкретной страны и соотношения общей и индивидуальной политической культуры в

гибридном социуме, где коренные жители находятся в меньшинстве, пользуются большими возможностями, что однозначно нарушает принцип равного доступа к благам.

В таких условиях модернизация экономики, трактуемая как процесс повышения благосостояния общества, имеет не только политическое, но и социально-экономическое значение. Она должна быть сориентирована на сглаживание противоречий между элитой и бюрократией, с одной стороны, и остальными слоями – с другой. Ведь над современным обществом (а аравийским тем более, поскольку оно во всем стремится к перфекционизму) будет довлеть осознание несовершенства, если правящий класс и элиты через свои институты и процедуры получают облегченный доступ к финансовым ресурсам и пользуются почти безусловным правом на покровительство со стороны государства в противоположность тому, на что могут рассчитывать даже буржуазные группы, находящиеся вне бюрократических управленческих страт.

Но в любом случае, аравийские монархии остаются востребованными как показавшие свою способность, находясь в специфических условиях экономик малого масштаба, не только выживать, но и обеспечивать мобилизацию ресурсов для преодоления возникающих проблем и без обращения к западным демократическим ценностям, которые служат эталоном для неофитов, но едва ли могут заменить сложившиеся в них к настоящему времени политические системы, отражающие состояние местного менталитета и управленческих процессов.

Решая многие проблемы, возникшие перед руководством аравийских монархий в начале XXI в., страны Залива стремятся подключить к этому процессу и свои суверенные фонды. Они выстраивают их деятельность по практически единому образцу, чтобы перестроить основы хозяйственной и внешнеэкономической практики региона, причем это происходит на фоне сохраняемых этими странами сравнительно высоких показателей региональной торговли, повышения конкурентоспособности национальной продукции, интенсификации инвестиционных потоков и трансграничных банковско-финансовых операций. В целом создается впечатление, что эта группировка арабских стран стремится выдвинуться на первые роли на региональных рынках или, во всяком случае, поднять свой хозяйственный авторитет настолько, чтобы стать неотъемлемым элементом системных процессов, ведущих к превращению зоны Персидского

залива в центр постоянно расширяющихся транснациональных торгово-экономических отношений. Ныне эти страны активно воспринимают мировые научно-технические достижения и стремятся, по возможности, безболезненно для своих обществ влиться в русло нового технологического уклада.

Иначе говоря, арабский мир за счет своего «аравийского сегмента» приобретает в настоящее время качества, которые, так или иначе, уводят его от прежнего и привычного состояния, которое часто ассоциировалось у внешних исследователей с определенной хозяйственной вялостью, низкой дееспособностью его воспроизводственных механизмов и инертностью социокультурных структур. Понятно, что не имеет смысла отрицать, что эти качественные характеристики в ряде случаев продолжают сохраняться и иногда даже определять нередкую довольно шаткую стабильность общей арабской экономической безопасности, что связано со значительной ее зависимостью от западных технологий, а, следовательно, от возможного произвола ее главных носителей, которые регулируют допуск к новейшим технологиям, принимая во внимание главным образом собственные интересы и ориентируясь в первую очередь, на свои соображения экономической целесообразности и политической безопасности.

Даже аравийские монархии, которых западные государства на протяжении всего послевоенного периода называли своими хозяйственными партнерами, имеют, например, лишь косвенное отношение (только в роли потребителей продукции) к таким высокотехнологичным отраслям, как наноэлектроника, генная инженерия, машиностроение и др. А в таких отраслях, как энергетика или добыча углеводородного сырья, они используют только то, что им поставляют западная индустрия, хотя являются признанными экспортерами этого вида ресурса.

Правительства стран ССАГПЗ, конечно, осознают угрозы от нарушения целостности мировых финансов, ситуация с которыми в последние годы ясно показала уязвимость опоры их экономик почти исключительно на доходы от продажи за рубеж сырья, даже такого стратегически важного, как нефть или газ, и способность мировой финансовой системы обострять ситуацию в их банковской сфере, понижать ее инвестиционную активность и «обесточивать» их суверенные фонды. Тем не менее, имея определенный «запас прочности» в виде накопленных ими ранее нефтедолларов, аравийские монархии

испытали, можно сказать, лишь сиюминутное ухудшение своих макроэкономических показателей во время последнего мирового финансового кризиса. Они сумели избежать гораздо худших последствий, перераспределив внутренние денежные потоки, действуя не вдогонку, а некоторым образом на опережение, используя для этого и средства своих суверенных фондов.

В силу немалых финансовых возможностей аравийским монархиям все еще не надо настоятельно задумываться над коренными реформами производительных сил и производственных отношений или разрабатывать обширные планы технической модернизации своих хозяйственных систем (хотя определенный прогресс здесь очевиден), за исключением случаев замены отработавшего оборудования или расширения номенклатуры выпускаемой продукции. Но надо видеть и то, что в этих странах на самом высоком уровне ныне настойчиво дебатировались темы, связанные, например, с привлечением местного капитала к участию в затратных проектах, с расширением сферы деятельности частного предпринимательства, вообще с интенсификацией деловой активности, имеющей в том числе и производственную направленность. Другими словами, правящие режимы стран ССАГПЗ намерены расширить гарантии экономической устойчивости, усматривая в дополнительных механизмах, в которых все более заметное место занимают их суверенные фонды, защиту от возможных обвалов на мировых рынках – от сырьевых до финансовых.

Действительно, в монархиях Залива многое уже сделано для диверсификации источников формирования ВВП. В частности, альтернативные нефте- и газодобыче производства выстраиваются на базе самого передового оборудования и технологических решений. Все большее значение для их экономик получает деятельность их суверенных фондов. В связи с этим данным арабским монархическим государствам пока нет настоятельной необходимости резко разрушать сложившийся за несколько последних десятилетий, миновавших с момента первой революции цен на нефть в середине 1970-х годов, достаточно ныне продвинутый хозяйственный уклад. Ведь в технико-экономическом плане они изначально и сразу влились в мировой хозяйственный поток, начав строить свои экономики по мировым стандартам того времени, и в настоящее время им, по существу, требуется только не выпасть из ритма современного научно-технического прогресса.

Не приходится сомневаться, что именно по этим соображениям аравийские монархии стремятся с помощью своих суверенных фондов как можно прочнее встроиться в мировую финансовую систему, чтобы обрести дополнительную внутреннюю устойчивость за счет диверсификации своего присутствия на международном финансово-экономическом пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрейн пытается проводить более самостоятельную политику. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2642875>
2. Валютное агентство Саудовской Аравии (SAMA). Официальный сайт. URL: <http://www.sama.gov.sa/>
3. Инвестиционное управление Абу Даби ОАЭ (Abu Dhabi Investment Authority). URL: <http://taighde.com>
4. Инвестиционное управление Катара. Qatar Investment Authority (QIA), официальный сайт, The Qatar Investment Authority – a world class investor. URL: <http://www.qia.qa>
5. Инвестиционное управление Кувейта (Kuwait Investment Authority (KIA)), официальный сайт. URL: www.kia.gov.kw
6. Казахстан и ОАЭ подписали шесть документов на сумму свыше \$9 млрд. URL: <https://zonakz.net/2018/04/07/kazakhstan-i-oae-podpisali-6-dokumentov-na-summu-svyshe-9-mlrd/>
7. *Косач Г.Г.* Видение 2030. Саудовские реформы // Свободная мысль. 2016. № 6.
8. Миллиарды в город будущего: зачем Россия вкладывается в саудовский Неом. URL: <https://ruposters.ru/news/09-11-2017/gorod-budushego>
9. Министерство экономики и финансов Катара. Официальный сайт. Ministry of Economy and Finance of Qatar. URL: <http://www.mof.gov.qa/english/index.html>
10. Мировые запасы нефти. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/oil-reserves>
11. Мубадала инвестиционная компания. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Mubadala_Investment_Company
12. Оман планирует слияние суверенных фондов. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/84530>
13. Рейтинг стран по ВВП 2018. Fincan.ru/articles/17_rejting_stran_po_VVP_2018
14. *Сейранян Б.Г., Исаев В.А., Филоник А.О.* Становление государственности аравийских монархий. М., 2013.
15. Суверенный фонд Бахрейна. URL: <https://ru.reuters.com/article/idRUL8N1Iy2ZL>
16. Суверенный фонд благосостояния Кувейта. URL: https://bstudy.net/618594/ekonomika/suverenny_fond_blagosostoyaniya_kuveyta
17. Суверенный фонд благосостояния Саудовской Аравии. URL: https://bstudy.net/618591/ekonomika/suverenny_fond_blagosostoyaniya_saudovskoy_aravii
18. State of Kuwait. Ministry of Information. Kuwait. Facts and Figures. 2017.

Vladimir A. Isaev, Alexander O. Filonik

**THE NEW ROLE OF THE SOVEREIGN FUNDS
IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE
ARABIAN MONARCHIES AT THE PERSIAN GULF**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Institute of Oriental Studies
12 Rozhdestvenka Str., Moscow, 103753*

The article envisages a comparatively new phenomenon in socio-economical life that goes now around the Arabian monarchies at the Persian gulf zone and illustrates the enlargement of the activity of their sovereign funds having taste to build up their capacity. Within this respect the reasons for these funds rising as a new element in the local financial institutions, their structures and assets as well as principles of functioning are under analysis in the article.

Significantly, the proper place in the article is allotted to the spheres where the sovereign funds capitals are employed as the funds currently use their resources not only with the aim to purchase stockholdings of various international companies and firms. They go along this way also as a remedy to keep social stability of the Arabian society and ensure its the most painless incorporation into the contemporary international relations. In this regard the fund assets are concentrated for the purposes of financing optimization of local economies, supporting private sector, rationalization of management technologies and so forth, just to mobilize all measures that can help to stabilize the regimes in the GCC states.

Key words: Arabian monarchies; GCC; sovereign funds; oil; gas; world oil prices; fossil fuels export revenues; stock; infrastructure; economic cooperation; social stability.

About the authors: *Vladimir A. Isaev* – Doctor of Sciences (Economy), Professor of Department of International Economic Relations, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: v-isaev@yandex.ru); *Alexander O. Filonik* – PhD (Economy), Lead Research Fellow, Center for Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: fao44@mail.ru).

REFERENCES

1. *Bahrein pytaetsya provodit bolee samostoyatelnyuyu politiku* (Bahrain is trying to put forward a more selfdepedned policy). URL: <https://www.commersant.ru/doc/2642875>
2. *Valiutnoye agentsnvo Saudovskoy Aravii* (SAMA) (Saudi Arabia Monetary Authority), official site. URL: <http://www.sama.gov.sa/>
3. *Investitsionnoye upravlenie Abu Dabi OAE* (Abu Dhabi Investment Authority). URL: <http://taighde.com>

4. *Investitsionnoye upravlenie Katara*. Qatar Investment Authority (QIA), official site, The Qatar Investment Authority – a world class investor. URL: <http://www.qia.qa>
5. *Investitsionnoye upravlenie Kuveita* (Kuwait Investment Authority (KIA)), official site. URL: www.kia.gov.kw
6. *Kazahstan i OAE podpisali 6 dokumentov na summu svyshe \$9 mlrd* (Kazakhstan and UAE signed 6 documents amounting to more than \$ 9 bln). URL: <https://zonakz.net/2018/04/07/kazakhstan-i-oae-polpisali-6-dokumentov-na-summu-svyshe-9-mlrd/>
7. Kosatch G.G. Videnie 2030. Saudovskiy reformy (Vision 2030. Saudi reforms), *Svobodnaya mysl*, 2016, № 6.
8. *Milliardy v gorod budushhego: zatshe Rossiya vkladyvaetsya v saudovskiy Neom* (Billions to the city of future: why Russia invests in Saudi Neom). URL: <https://ruposters.ru/news/09-11-2017/gorod-budushhego>
9. *Ministerstvo ekonomiki i finansov Katara, oficialnyi sait* (Ministry of Economy and Finance of Qatar), official site. URL: <http://www.mof.gov.qa/english/index.html>
10. *Mirovyie zapasy nefi* (World storage of oil). URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/oil-reserves>
11. *Mubadala investitsionnaya kompaniya* (Mubadala Investment Company). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Mubadala_Investment_Company
12. *Oman planiruet sliyanie investitsionnykh fondov* (Oman is planning consolidation of investment funds). URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/84530>
13. *Rejting stran po VVP 2018* (Rating of countries by GNP 2018). URL: fincan.ru/articles/17_rejting_stran_po-VVP_2018/
14. Sejraniyan B.G., Isaev V.A., Filonik A.O. *Stanovlenie gosudarstvennosti araviyskikh monarkhiy* (Rise of statehood in Arabian monarchies), Moscow, 2013.
15. *Suverenny fond Bahreyna* (Bahrain sovereign fund). URL: <https://ru.reuters.com/article/idRUL8N1Iy2ZL>
16. *Suverenny fond blagosostoyaniya Kuveita* (Kuwait sovereign wealth fund). URL: https://bstudy.net/618594/economika/suverenny_fond_blagosostoyaniya_kuveyta
17. *Suverenny fond blagosostoyaniya Saudovskoy Aravii* (Saudi Arabia sovereign wealth fund). URL: https://bstudy.net/618591/economika/suverenny_fond_blagosostoyaniya_saudoskoy_aravii
18. *State of Kuwait. Ministry of Information*. Kuwait. Facts and Figures. 2017.

РЕЦЕНЗИИ

М.С. Мейер

Рецензия на кн.: Вкус Востока: Гастрономические традиции в истории, культуре и религии народов Азии и Африки / Под ред. И.Т. Прокофьевой, Е.Ю. Карачковой. М.: МГИМО-Университет, 2019

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензируемая публикация посвящена новому направлению гуманитарных наук, которое отражает смещение общего интереса к еде, которая перестала считаться низкой «обыденной» темой и вошла в разряд высокоинтеллектуальных проблем. Интерес к проблематике пищевых ритуалов и особенностям национальных кухонь способствовал появлению междисциплинарных исследований, получивших название «гастики» и обращенных на культурную роль ритуалов, традиций и обычаев, связанных с производством и употреблением пищи.

Два года назад в МГИМО прошла научная конференция «Вкус Востока: история, культура и религия в гастрономических традициях стран Азии и Африки». Она должна была способствовать более широкому включению отечественных ученых (востоковедов и африканистов) в разработку проблематики «восточной кухни» путем выявления всего многообразия функций, которые выполняет еда в разных сферах общественного бытия.

Замыслы организаторов конференции нашли свое выражение в рецензируемой монографии, в написании которой приняли участие и ряд профессоров и преподавателей ИСАА МГУ. Ограниченность места в институтском журнале не позволяет охватить все многообразие

Мейер Михаил Серафимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, президент ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mihailmeyer@mail.ru).

материалов книги, поэтому научную значимость такого исследования хотелось бы показать на примере особенностей японской кухни. Данная тема прочно вошла в подготовку молодых специалистов по Японии в нашем институте. Уже 15 лет в ИСАА функционирует кабинет японского чаепития, созданный усилиями преподавателей кафедры японской филологии во главе с завкафедрой С.А. Быковой. Японская тема в рецензируемой книге занимает, пожалуй, ведущую роль. С нее начинаются первые три раздела в заглавной части книги, а также пятый раздел во второй главе, второй раздел в пятой главе и четвертый раздел в седьмой главе. По общему объему информации и количеству терминов, связанных с Японией в глоссарии книги, она, пожалуй, не уступает Китаю и Индии.

Уже давно утвердилось представление о том, что основой кода Японии является рис. Этой теме посвящена статья Н.Н. Изотовой в четвертом разделе 7 главы. По ее мнению, точкой отсчета существования японской кухни стало возделывание риса, который пришел из Китая через Корею примерно 2500 лет тому назад. С его появлением в образе жизни японцев произошли кардинальные перемены. Одной из них считается оседание японских семей на конкретной территории, так как они получили возможность выращивания риса и употребления его в пищу, не передвигаясь с места на место в поисках пропитания. Природные условия Японии идеально подходили для выращивания риса: теплый и влажный климат страны, преобладание горных пространств фактически мешало разведению скота, но были как будто специально созданы для выращивания риса на заливных полях и переходу к коллективному труду, ибо для возделывания этой культуры недостаточно труда одного человека или даже семьи.

В мировоззрении японцев рис не только основной продукт питания, но и сакральный символ достатка и материального благополучия: вплоть до XX в. он выступал как средство налогообложения и денежных расчетов: коку – среднее количество риса (около 160 кг) – необходимое взрослому человеку в течение года. Сменяющие друг друга циклы выращивания и сбора урожая породили весенние и осенние сельские праздники: ритуал моления об урожае и ритуал приношения богам нового урожая. Об архетипической значимости риса для японской культуры свидетельствует

тот факт, что термин, обозначающий вареный рис равнозначен понятию «еда». Без риса не обходится ни каждодневный, ни праздничный стол в Японии.

В мировосприятии японцев рис непосредственно связан с главой синтоистских богов – богиней солнца Аматаэрасу, поэтому с рисом ассоциируются представления о плодородии, процветании, благополучии как всей природы, так и человеческого коллектива.

Гастрономические традиции под влиянием социокультурных изменений ныне претерпевают значительные трансформации, но рис в национальном сознании продолжает оставаться ключевым продуктом питания и базовым архетипом японской культуры. Конечно, не только рис, но и другие продукты выступали как объекты различных ритуалов и жертвоприношений, наделялись магическими свойствами. Японская кухня известна и своей сбалансированностью: помимо риса, широко используются бобовые, особенно во время, когда, согласно буддийским обычаям, довольно строго соблюдался отказ от мясной пищи. Наряду с бобовыми можно отметить красную и зеленую чечевицу, арахис, горох, разные виды фасоли. Национальная кухня – васёку включает также разнообразные виды рыб и морепродуктов (второй после риса компонент в японской кухне). Япония – островная страна, ее население живет сравнительно близко к морю и соответственно к морепродуктам, которыми столь богаты прибрежные воды.

Поскольку историки давно уже установили примерное время появления риса в Японии, их современные преемники стремятся определить характер повседневной жизни самых древних обитателей японских островов. В рецензируемой книге большое внимание уделено изысканиям японского исследователя Ёсикавы, который стремится выявить характерные черты повседневной жизни населения, сохранившиеся от древних времен до наших дней. Прежде всего его интересует использование нынешними жителями разных районов страны «несъедобных», с точки зрения большинства японцев, продуктов и отыскание исторических материалов, позволяющих судить об обстоятельствах и причинах возникновения подобных традиций. Книга, «Историческая карта жителей Японии», написанная этим ученым, обобщает изыскания, которые начались с побережья лагуны Фукусимагата в префектуре Ниигата.

В древние времена, когда большая часть Японского архипелага была покрыта густыми лесами, береговые полосы приморских заливов и болотных лагун стали удобными местами для расселения людей, ловивших рыбу и восполнявших свой рацион за счет «водяных орехов» и прочей растительности. По его мнению, к употреблению «водяных орехов» их подтолкнули наблюдения за белолобыми гусями, прилетавшими на зимовку с Камчатки и питавшимися этими «орехами». Сейчас большая часть лагун в этом районе превратилась в рисовые поля, но урожаи риса были невелики и очень трудоемки, поэтому до 1930-х годов сохранялась традиция использования «водяных орехов», которые восполняли нехватку риса. Средневековый иероглифический словарь «Вамёруй дзисё», составленный в середине эпохи «Хэйан» (794–1185), упоминает как «водяные орехи», так и другие «водяные овощи», важнейшим из которых был водяной рис широколистный, а также другие виды речных съедобных водорослей. В исторических хрониках «Кодзики» и «Фудоки» упоминаются как прибрежные съедобные растения мидзуна («морской овощ», или японская листовая капуста), а также широколистный водяной рис (в японском переводе китайского трактата VI в. «Основы существования народа», который считается самым древним в мире описанием сельского хозяйства в Китае). Собранный Ёсикавой материал о рационе питания обитателей лагуны Фукусимагата, по мнению автора третьего раздела первой главы Л.В. Никитиной, подтверждает предположение японского ученого о том, что в переходный период японской истории от охоты к земледелию существовало еще и время, отмеченное культурой собирательства. В другом высокогорном городке Сува (префектура Нагано) Ёсикава обратился к традиционному для этих мест лечебному питанию повышенной калорийности, которое предполагало использование в пищу мяса диких животных. Историкам известно, что с VIII в., когда в Японию проник и стал государственной религией буддизм, и до эпохи Эдо было запрещено есть мясо животных. Однако Ёсикава выяснил, что одновременно издавались и более мягкие указы, по которым нельзя было есть говядину, конину, мясо обезьян и домашнюю птицу, но разрешалось использовать мясо оленя, кабана и дичи. Несмотря на то что убивать животных и есть их мясо нельзя, по его мнению, в отношении диких животных делалось исключение, поскольку дикие животные губили

сельскохозяйственные посевы, нанося ущерб земледельцам. Позже ситуация изменилась и в ученых трактатах признавалось полезное воздействие разных видов пищи, в том числе и оленины. Однако чтобы избежать Божьей кары за употребление «нечистой пищи», следовало получить в синтоистских храмах разрешение. Эта практика сохранилась до наших дней. В подтверждение своей правоты он описывает ресторанчик в Сува, в котором готовили мясо диких животных. Его владелец сообщил ему, что у него хранится образец такого разрешения: на футляре для столовых палочек было написано «кадзики-но-баси» (палочки для еды оленей).

В книге Ёсикавы отмечено и его пребывание в небольшом городке Кисатё, расположенном в горном районе префектуры Хиросима, где он познакомился с блюдами из акул, особого вида рыбы, которые готовят здесь с незапамятных времен. Судя по «Легенде о белом зайце» (712 г.), акула давно была известна японцам. Самое первое письменное упоминание о ней относится к 746 г. Ее боялись и ей поклонялись, но в то же время ее сравнительно легко было выловить, поэтому на протяжении веков и вплоть до наших дней она фигурирует в истории японской кухни. В настоящее время мясо акулы (как разновидность сасими – тонко нарезанные ломтики сырых морепродуктов) фактически исчезло из рациона японцев, живущих на берегу моря, но осталось как экзотическая добавка к деревенской еде жителей горных районов Японии.

В целом же изыскания японского исследователя Ёсикавы свидетельствуют о длительном периоде формирования и развития японского этноса, отразившегося в противоречивом процессе складывания культуры местных жителей страны. Местные ресурсы растительного и животного мира позволили им не просто выживать, но постепенно осваивать среду обитания.

Пример Японии при всех ее особенностях показывает общую для стран Востока тенденцию унификации рациона питания и вместе с тем убеждает о возможности сохранения в современном мире тех специфических компонентов, которые раскрывают сложный характер исторического развития как Японии, так и других стран Востока. Знакомство с рецензируемым трудом, раскрывающим особенности гастрономических традиций, позволяет нам глубже и полнее представить ход истории и развитие культуры народов Азии и Африки.

Mikhail S. Meyer

**Book Review: The Taste of the East: Gastronomic Traditions
in History, Culture and Religion of Asia and Africa. Moscow:
MGIMO-Universitet, 2019**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 19991*

About the author: *Mikhail S. Meyer* – Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mihamilmeyer@mail.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.Б. Иванов

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИРАНИСТИКЕ ECIS9

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Девятая конференция по исследованиям в области иранистики проходила с 9 по 13 сентября 2019 г. в Свободном университете Берлина (Freie Universität Berlin) под эгидой Европейского общества иранистов (Societas Iranologica Europaea, SIE). В мероприятии приняло участие более 200 человек, из которых значительную часть составляли иранские ученые. Они смогли прибыть в Берлин, несмотря на повышенные трудности в получении шенгенских виз и отсутствие прямых рейсов из Ирана. Многие из них добирались до места через Москву Аэрофлотом.

Конференция открывалась пленарным докладом проф. *Жана Келленса* (Франция) «Почему так ограничено наше понимание Гат»? Большой интерес участников вызвали и другие пленарные доклады: нидерландской исследовательницы *Кристин ван Руймбеке* «Новый взгляд на литературный шедевр: произведение “Анвар Сохейли” Ваэза Кашефи (XV в. Герат)» и представительницы Ирана искусствоведа Фарзана Милани «Ширин Нешат: в поисках радуги».

На конференции параллельно работало десять секций, из них две по лингвистике, пять по истории и археологии и три по литературоведению. В рамках одной из исторических секций рассматривались также вопросы политологии, а в литературоведческих секциях были представлены доклады по культуре и искусству ираноязычных народов. В рамках этих секций было организовано 16 панелей. Наиболее популярные: «Элам и Парса: современные тенденции в ахеменидских исследованиях»; «Зороастрийские ритуалы»; «Пер-

Иванов Владимир Борисович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: iranorus@mail.ru).

сидское культурное наследие»; «Литературный модернизм: голоса из Ирана, Афганистана и Центральной Азии»; «Персидские переводы и тексты в многоязычном контексте Южной Азии»; «Сефевидские исследования»; «Миноритарные иранские языки»; «Фигура Иосифа/Юсуфа в классической персидской и иудейско-персидской литературе»; «Тюркское взаимодействие с персидским миром»; «Контакты и интерференция между древнеперсидской и авестийской лингвистической культурой»; «Корпус Авестикум Беролинезе: реконструкция ритуалов в авестийском языке»; «Иран и Коран (Корпус *Coranicum BBAW*)».

На время проведения конференции работали выставки «Зороастрийские рукописи», «Коллекция пехлевийских документов», «Магические вазы», которые были основаны на материалах, предоставленных Институтом исследований в области иранистики при Свободном университете Берлина. Руководил организацией конференции известный испанский иранист проф. *Альберто Кантера*, в настоящее время возглавляющий этот Институт. Профессор А. Кантера специализируется по истории иранских языков. Всеобщее признание заслужили его работы по расшифровке зороастрийских рукописей как иранского, так и индийского происхождения. Будучи знатоком древних языков (санскрита, авестийского, древне- и среднеперсидского), он подготовил достойную команду испанских и немецких исследователей. О высоком уровне их подготовки говорит хотя бы тот факт, что его команду пригласили в Иран расшифровывать недавно найденный архив зороастрийских рукописей, так как в самом Иране соответствующих специалистов не нашлось.

Среди участников обращали на себя внимание представители немецкой школы *А. Корн*, *Г. Кёниг* и др. По существу, к немецкой школе можно отнести и многих участников из Ирана, России и стран СНГ, которые сейчас живут и ведут свои исследования в Германии. Другим заметным объединением, представленным на конференции, была Школа восточных и африканских исследований Лондонского университета (SOAS). В ее составе были такие «звезды», как *Н. Симс-Вильямс*, *П.О. Шервё*, *Ч. Мелвилл*, *А. Хинце*. В формировании этой школы также принимают участие многие иностранные исследователи, в том числе из Ирана и России.

От ИСАА МГУ в конференции приняли участие проф. *М.Л. Рейснер* с докладом «История Юсуфа от святого образа до романтической

любви: как формируется повествование?» и проф. *В.Б. Иванов*, выступивший в соавторстве с канд. филол. наук *Л.Р. Додыхудоевой* с докладом «Проблема падежей в северо-западных иранских языках».

На предыдущей конференции ECIS8, проходившей в 2015 г. в Санкт-Петербурге, президентом Европейского общества иранистов был избран историк профессор Университета города Болонья Пьерфранеско Кальери. От России в правление также входил профессор Эрмитажа (Санкт-Петербург) историк и филолог П.Б. Лурье. Во время конференции ECIS9 новым президентом SIE был избран представитель Университета г. Бамберг (ФРГ) литературовед проф. Кристоф Вернер.

Vladimir B. Ivanov

NINTH EUROPEAN CONFERENCE OF IRANIAN STUDIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 19991*

About the authors: *Vladimir B. Ivanov* – D.Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Iranian Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: iranorus@mail.ru).

А.М. Карапетьянц

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КИТАЙСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И СИНОЛОГИЯ»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

3–5 мая 2019 г. в РГГУ проходила Международная конференция «Китайская лингвистика и синология», задуманная как возобновление международных конференций по китайскому языкознанию, проводимых в свое время в Институте языкознания РАН. Она была организована силами ведущих синологов Института лингвистики РГГУ при участии Института Конфуция РГГУ и Ассоциации развития синологии и посвящена памяти профессора кафедры китайской филологии, видного российско-китайского лингвиста Тань Аошуан (1931–2017).

Тематика конференции включала два блока: лингвистический и синологический. Первые два дня работы конференции были отведены лингвистике. С приветственным словом к участникам обратились проректор РГГУ и советник по науке посольства КНР. На двух пленарных заседаниях было заслушено пять докладов, два из которых касались научного и педагогического наследия Тань Аошуан (докт. филол. наук, проф. *А.М. Карапетьянц*, докт. филол. наук *Т.В. Ивченко*), доклад канд. филол. наук *Г.С. Старостина* по проблемам достоверности реконструкции древнекитайских суффиксов, а также доклад ведущего лингвиста Пекинского университета *Дун Сюфан* о типологическом статусе сочинительных сочетаний в китайском языке и доклад представителя Фуданьского университета *Цзян Юйбиня* о гадательных надписях 2 тыс. до н.э.

Карапетьянц Артемий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: amkar43@gmail.com).

На этой части конференции работали следующие секции: 1. Стилистика и прагматика китайского языка (семь докладов, один зарубежный участник); 2. Вопросы преподавания китайского языка (18 докладов, два зарубежных участника); 3. Теоретическая грамматика китайского языка (семь докладов, три зарубежных участника); 4. История китайского языка (пять докладов, четыре зарубежных участника); 5. Диалекты китайского языка (пять докладов, один зарубежный участник). Постерные секции лингвистики и преподавания включали 16 и 10 докладов соответственно.

Наряду с пленарными докладами обратили на себя внимание доклады представителей пекинского университета *Хуан Тяньши*, показавшего, насколько грамматические идеи Тань Аошуан, первоначально не нашедшие понимания в Китае, фактически подтвердились в ходе дальнейших исследований китайских ученых, и представительницы того же университета *Ли Вэньси*, подробно осветившей спорные вопросы управления китайских глаголов. Из тех докладов, которые мне удалось услышать, хотелось бы также отметить доклад *Е.Н. Колпачковой* «Аппликативные конструкции в современном китайском языке», осветившей проблемы залога с точки зрения петербургской грамматической школы.

В работе этой части конференции с российской стороны приняли участие ученые РГГУ, ИСАА МГУ, ВШЭ, МГЛУ, РУДН, МГПУ, МПГУ, Военного университета МО РФ, ИЯ РАН, ИДВ РАН, НГЛУ, ДВФУ, ОмГПУ. Примерно из 80 ученых, принявших участие в первые два дня работы конференции, свыше 20 – представители китайских университетов (из них большая группа ученых Пекинского университета) и ряда европейских университетов.

В третий день работы конференции, посвященный другим проблемам синологии, на пленарном заседании был заслушен доклад известного китайского искусствоведа *Чжу Чжижуня* о портретах эпохи Хань, функционировали секции: «общество и государство» (четыре доклада, два зарубежных участника), «религия» (один доклад), «литература» (10 докладов), «особенности перевода» (пять докладов). В этот день наряду с уже перечисленными российскими учреждениями были представлены МГИМО, ИВ РАН, КФУ, БелГУ, ИК ТашГИВ, ЧелГУ. С учетом постерных докладов в этот день приняло участие еще 20 с лишним человек.

В целом конференция прошла на уровне современной лингвистической науки. Среди докладчиков было немало людей, связанных с ИСАА: выпускников, докторантов, аспирантов и магистрантов. По замыслу организаторов конференции подобные конференции планируется проводить раз в два года и хочется надеяться, что в число их организаторов войдет и ИСАА МГУ.

Artemy M. Karapetyants

**INTERNATIONAL CONFERENCE ‘CHINESE
LINGUISTICS AND SINOLOGY’**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 19991*

About the authors: *Artemiy M. Karapetyants* – D.Sc. (Philology), Professor of the Department of History of Far East and South-East Asia, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: amkar43@gmail.com).

С.А. Кириллина, Т.Ю. Кобищанов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ОСМАНИСТИКА В ХХІ в.: ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ «АЦАМБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

27 апреля 2019 г. в Институте Стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова прошла первая конференция по арабским и османским исследованиям «Ацамбовские чтения», посвященная памяти профессора Фериды Мустафовны Ацамба (1922–2016), чья научная деятельность была неразрывно связана с Московским университетом. Ф.М. Ацамба начала работу в Институте восточных языков с момента его создания в 1956 г. и на протяжении 60 лет трудилась в стенах ИВЯ–ИСАА. За эти годы она подготовила сотни специалистов по истории Востока, 25 аспирантов защитили под ее руководством кандидатские диссертации. Ее учениками являются многие профессора и доценты ИСАА МГУ и других высших учебных заведений России и ближнего зарубежья. Эта конференция не только стала значимым событием в истории российского востоковедения, но и во многом очертила проблематику отечественной и, отчасти, мировой османистики.

Предваряя основную часть конференции, директор ИСАА МГУ профессор *И.И. Абылгазиев* напомнил слова ректора МГУ В.А. Садовниченко о том, что «Университетом правят традиции» и

Кириллина Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.kirillina@gmail.com).

Кобищанов Тарас Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kobischanov@mail.ru).

подчеркнул, что одной из таких университетских традиций должно стать проведение «Ацамбовских чтений». И.И. Абылгазиев отметил значимость вклада профессора Ф.М. Ацамба в развитие отечественной востоковедной науки и прежде всего в исследование османского периода истории Ближнего Востока.

Тему «Ф.М. Ацамба как педагог-востоковед» развил президент ИСАА МГУ профессор *М.С. Мейер*. Его доклад, начавшись как воспоминания об учителе и коллеге, перешел в полноценный анализ эволюции ее научных изысканий – от современного арабского мира к прошедшим эпохам. В 1940-е – начале 1960-х годов исследования Ф.М. Ацамба осуществлялись в рамках парадигмы советской исторической науки. Автор доклада обобщил данные о защищавшихся в те годы кандидатских диссертациях востоковедов, которые занимались практически единой проблематикой: социально-экономическими отношениями, становлением рабочего класса, аграрным вопросом и пр. В этой направленности М.С. Мейер усматривает не только конъюнктурную необходимость соответствовать требованиям господствовавшей идеологии. Многие молодые ученые были твердо убеждены в светлых перспективах народов Востока, скинувших узы колониализма, и писали свои работы в ожидании скорого кризиса капитализма. В 1960-е годы произошло переключение фокуса внимания Ф.М. Ацамба на традиционную жизнь арабского мира, в том числе на его исламские институты. Область интересов исследователя все дальше отходила от современности. Османский Египет, мамлюкский и алимский «корпуса», институт мусульманского паломничества (*хадж*) – все это было бесконечно далеко от ее первой работы по истории рабочего класса Египта. Более двух последних десятилетий своего научного творчества Ф.М. Ацамба посвятила анализу «Канун-наме Мыср» («Книги законов Египта», 1524), первого свода законоположений в этой ключевой арабской провинции Османской империи. На взгляд М.С. Мейера, исследование «Канун-наме», который, по сути, архаизировал Египет, приведя к восстановлению средневековых порядков, стало свидетельством разочарования историка, утратившего надежду на быстрое развитие и прогресс нежно любимого ей арабского мира. В своем докладе М.С. Мейер сравнил Ф.М. Ацамба с выдающимся отечественным востоковедом А.Ф. Миллером (1901–1973). При этом он отметил

постоянное стремление к углубленному изучению фактического материала, которое Ф.М. Ацамба удалось передать своим ученикам.

Тему традиций и преемственности в российской и советской арабистике и османистике продолжил профессор Казанского (Приволжского) Федерального университета *Р.М. Валеев*, выступивший с докладом «Профессор А.Е. Крымский и отечественная османистика на рубеже XX в.». А.Е. Крымский (1871–1942), связавший дореволюционную и советскую востоковедные традиции, стоял у истоков становления отечественной османистики как социогуманитарной, комплексной и междисциплинарной науки. Проводившиеся А.Е. Крымским в московский, бейрутский и киевский периоды его жизни исследования тюркского пространства Евразии, в том числе политического и культурного османского наследия, рассматриваются Р.М. Валеевым как важнейшая часть отечественной ориенталистики. Изыскания А.Е. Крымского сыграли исключительную роль в формировании национальных востоковедных школ, и в этой связи казанский ученый подчеркивает особую роль университетов России в тюркологических и османистических штудиях.

В еще более глубокое прошлое, фактически, в первые предпринимавшиеся в России попытки понять османский мир, погрузился в своем докладе «Распросные речи и челобитные “полоняников” как источник о рабстве в Османской империи в XVII в.» профессор университета Сорбонна (Париж) *А.С. Лавров*. Французский историк российского происхождения сразу оговорился, что исследуемые им источники могут дать больше для понимания не Османской империи, а Московской Руси. Анализ как формализованных челобитных бывших «полоняников», так и более пространных «распросных грамот» позволил А.С. Лаврову сделать вывод о том, что все вернувшиеся домой россияне потерпели неудачу в адаптации в османское общество. Репатрианты стали жертвами неудачной интеграции, не сумев воспользоваться существовавшими в Османской империи социальными лифтами. Все, кто вернулся на родину, сделал это по своей воле, в отличие от другой категории «полоняников», которые предпочли остаться в Османском государстве. Конечно, была и третья, самая значительная группа плененных россиян, попавших на галеры либо в домашнее рабство. Во всех случаях «полоняники» превращались в источники культурных обменов и взаимовлияния,

сближали статусы населения Московской Руси и Османской империи до степени, при которой они становились сравнимы друг с другом.

Теме воздействия османской культурно-религиозной традиции на окружающий мир был посвящен доклад профессоров ИСАА МГУ *С.А. Кириллиной, В.В. Орлова и А.Л. Сафроновой* «Феномен халифата на рубеже Нового и Новейшего времени: политико-культурологическое измерение». В нем были проанализированы подходы арабских и южноазиатских мусульманских политических лидеров и идеологов к идее возрождения института халифата в эпоху ослабления и краха Османской империи. Особое внимание было уделено соотношению панисламского и националистического начал в арабской и южноазиатской мусульманской идеологии и риторике 1910–1920-х годов. Как отметили авторы доклада, при всех различиях в политической культуре Ближнего Востока и Южной Азии халифатистские устремления привели к усилению местнических и националистических тенденций, попыткам создать на руинах халифата новые формы правления и самоотождествления, все менее связанные с религиозной ориентацией. Во время дискуссии по этой теме была проведена параллель с отношением российских мусульман к османскому халифу. В качестве примера в реплике было упомянуто восстание в Аджарии, в котором участвовал отец Ф.М. Ацамба.

Живое обсуждение на конференции вызвало выступление профессора ИСАА МГУ *К.А. Панченко* «Османская модель империи: некоторые размышления». Как считает автор доклада, в длинном ряду имперских «проектов» Османская империя по критериям жизнестойкости и успешности занимает одно из лидирующих мест. Успех османского имперостроительства К.А. Панченко рассматривает через его сравнение с конкурировавшими «проектами» государства Ак-Коюнлу, Мамлюкского султаната и империи Сефевидов. Ответ на вопрос, в чем же принципиальное отличие государства османов от перечисленных политических моделей, К.А. Панченко видит в сочетании двух факторов: быстром оседании анатолийских тюрок на землю, сопровождавшемся полной сменой менталитета у правящей верхушки, и способностью вбирать в свою племенную организацию иноверные и иноэтничные группы. Именно имперский талант османов, умевших втягивать в свой политический проект людей, представлявших самые разные народы и культуры, прежде всего балканских и анатолийских христиан, предопределил впечатляющий

успех османского великодержавия. Вторая важная черта османского миропорядка – «торжество Каина над Авелем», последовательная защита городского и земледельческого уклада от кочевой стихии. В этом, как полагает автор, состоит коренное отличие Османского государства от большинства других ближневосточных империй Средневековья.

Доклад профессора Иркутского государственного университета *В.И. Дятлова* «“Торговые меньшинства” Египта в эпоху деколонизации», по сути, поставил вопрос: что означает быть меньшинством в различные эпохи (как в османскую, так и в XX–XXI вв.)? Конечно, оговаривается В.И. Дятлов, феномен торговых меньшинств – это феномен традиционного общества и присущей ему системы этносоциального разделения труда. В доколониальную эпоху в арабосманском мире этноним или обозначение религиозной принадлежности (*конфессионизм*) обычно приобретали профессиональное содержание. Однако в индустриальном обществе это явление не исчезло, а получило новые формы «этнической экономики». Показательный пример подобной трансформации предпринимательских меньшинств дает османский и постосманский Египет. Возможность исчезновения этого явления связана с проблемой трансформации общинности и в конечном счете с исчерпанием общинности как таковой.

Один из культурных аспектов жизни этноконфессионального меньшинства в Османском Египте раскрыл ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН *А.А. Войтенко* в докладе «Творчество Юханны аль-Армани как перекресток культурных влияний в Османской империи XVIII в.». Особенности проводившейся Стамбулом этнорелигиозной политики А.А. Войтенко заключил в формулу: «Османь – не ассимиляторы, а администраторы». Внутренняя жизнь меньшинств интересовала завоевателей весьма мало. В связи с этим автор доклада задался вопросом: откуда в коптской иконописи XVIII столетия появляются византийские и поствизантийские влияния? Этот «ренессанс» А.А. Войтенко связывает с масштабной деятельностью переехавшего из Иерусалима в Египет армянского иконописца Юханны аль-Армани (ум. в 1786 г.), причем рассматривает ее как закономерное явление своего времени. Многое в живописи Юханны аль-Армани (в том числе поиски новых сюжетов и проставление на иконах авторской подписи) является

своеобразной революцией, а само творчество иконописца – синтезом оригинальных идей и обращением к греческой византийской и поствизантийской, армянской, коптской, католической и арабомусульманской традициям.

Старший научный сотрудник ИСАА МГУ В.Е. Смирнов в докладе «Особенности становления и развития мамлюкского дома Балфийа» также обратился к истории Османского Египта. Именно Ф.М. Ацамба в свое время вдохновила начинающего исследователя обратить внимание на произошедшую в османскую эпоху трансформацию мамлюкского корпуса, в котором могущественный и влиятельный «дом» Балфийа, без сомнения, является одной из самых необычных составляющих. По словам В.Е. Смирнова, Балфийа сложно назвать образцом мамлюкского бейта классического типа. Его главы-*беи* отличались удивительным для мамлюков чадолюбием, заставившим их презреть традицию не передавать свою должность по наследству сыновьям. Взлет и падение «дома» Балфийа стали свидетельством борьбы традиции и модернизации внутри мамлюкской «касты» в османский период.

Конечно, не только Египетская провинция привлекает внимание исследователей османского мира. Доценты ИСАА МГУ Д.Р. Жантиев и Т.Ю. Кобищанов представили два доклада, препарирующих взаимоотношения имперского центра с географически весьма близкими, но столь отличавшимися друг от друга частями османской периферии: Сирией и Ираком. Компаративный анализ региональной политики Порты помогает понять идеологию стамбульских властей, выявить их стратегию и тактику первоначально в борьбе за создание империи, а позднее – за сохранение общеосманского пространства.

Д.Р. Жантиев в докладе «Беспокойная периферия или надежный оплот? Сирия в системе османских владений (XVI–XIX вв.)» отметил уникальность аш-Шама («Большой Сирии») среди других регионов Османской империи. Основными причинами его своеобразия были отсутствие серьезной внешней угрозы на границах и полицентричность Сирии, что давало османским властям возможность создавать там систему сдержек и противовесов. В целом, отметил Д.Р. Жантиев, именно в Сирии контроль Стамбула на протяжении веков был прочнее, чем в других арабских провинциях. Оформившаяся еще при Селиме I (1512–1520) центральная стратегическая роль Сирии

как связующего звена между Анатолией, Месопотамией, Аравией и Египтом была актуализирована в последние десятилетия османского господства при Абдул-Хамиде II (1876–1909). Положение Сирии в системе османских владений к началу XX в. наглядно показывало, что процесс ослабления Османской империи вовсе не был линейным, и наряду с утратой владений и влияния на Балканах, в азиатской части империи в XIX в. происходила консолидация.

В выступлении *Т.Ю. Кобищанова* «Беспокойный оплот или надежная периферия? Ирак в системе османских владений (XVI–XIX вв.)», перекликающемся с докладом Д.Р. Жантиева, подчеркивается специфика управления одной из самых труднодоступных частей империи. Для того, чтобы сохранить власть в своем крайнем восточном оплоте, османам требовалось решить четыре основные задачи: организовать там военно-административное управление, защитить Ирак от внешней угрозы, усмирить кочевые племена и держать в установленных рамках шиитское население. На эти вызовы на протяжении всех четырех столетий своего правления в Ираке Стамбул отвечал по-разному, в зависимости от имевшихся в распоряжении империи ресурсов. При этом вопросы унификации системы управления Ираком и его защиты от внешней угрозы, а также оседания кочевников на землю и роста шиитского населения находились в диалектической взаимосвязи. Автор доклада констатировал относительный успех османского руководства, удержавшего власть на дальней периферии империи.

Историографический доклад доцента ИСАА МГУ *П.В. Шлыкова* «Исследования института вакфа в российской и мировой османистике и туркологии: вехи исторического развития» представил широкий обзор изучения этого института. П.В. Шлыков отметил, что долгое время вакф не являлся объектом отдельных научных изысканий, не было исследований значения вакфа для мусульманского общества. В середине XX в. отступление от правового детерминизма позволило рассмотреть этот институт в комплексе. Учеными был выявлен полифункциональный характер вакфа, способного удовлетворять как групповые, так и индивидуальные нужды, и интересы. Отдельный пласт исследований касается изучения вакфа как альтернативы государственным институтам, в том числе и в Османской империи.

В выступлении аспиранта ИСАА МГУ *Н.Р. Краюшкина* «Феномен “путешествия в поисках знания” в османской культуре» в весьма

необычном ракурсе были проанализированы османские тревелогисты. Сравнив записки о странствиях Мухаммада Кибрита (ум. в 1659 г.), Эвилия Челеби (1611–1682) и Абд аль-Гани ан-Наблуси (1641–1731), автор доклада пришел к выводу о том, что культ знания пронизывал практически все сферы жизни османского общества. Именно в силу этого «путешествие в поисках знания» в исследуемый период обладало исключительной многогранностью. Н.Р. Краюшкин рассмотрел политическую актуальность деятельности османских богословов, защищавших мусульманский мир от нападок извне, и социальную ориентированность путешествий. По его словам, во время поездок путники стремились, обогатившись духовно и интеллектуально, поделиться своими знаниями с жителями различных уголков Османской империи.

Анализ докладов на конференции «Ацамбовские чтения» позволяет сделать некоторые общие выводы о современном развитии отечественной османистики. Из фокуса внимания российских ученых практически полностью ушло описание событийной части истории Османского государства. Не пользуется популярностью и изучение социально-экономических процессов, аграрных отношений или городской жизни. В центре анализа исследователей преимущественно находятся отдельные институты османского общества. Это могут быть особые формы социальной организации, такие как группы «торговых меньшинств», инкорпорация пленных рабов или формы консолидации региональных элит, а также общественно-религиозные явления, подобные феноменам халифата или путешествий в поисках знаний. Отдельное внимание уделяется особенностям имперостроительства и взаимоотношениям османского центра и периферии.

Безусловно, османистика развивается не только в России. Центром османских исследований остается Турция, в которой османский период истории в последние годы не только активно изучается, но и мифологизируется. Недаром международную политику турецкого руководства многие наблюдатели именуют «неоосманизмом». В Западной и Восточной Европе, арабском мире, Северной Америке и даже в Японии продолжается изучение Османской империи, публикуют труды историки, культурологи и религиоведы. При этом отечественная школа османистики занимает в этом ряду особое место, что во многом является заслугой профессора Ф.М. Ацамба.

Svetlana A. Kirillina, Taras Yu. Kobishchanov

**Research Trends of Ottoman Studies in Russia in the 21st
Century (based on Materials of the Conference ‘Readings
dedicated to Ferida M. Atsamba’)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 19991*

About authors: *Svetlana A. Kirillina* – Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.kirillina@gmail.com); *Taras Yu. Kobishchanov* – PhD, Associate Professor of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kobishchanov@mail.ru).

О.Э. Милюкова

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЯЗЫКУ И РАЗВИТИЮ В АФРИКЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В мае 2019 г. в Университете Додоми (Танзания) прошла Международная конференция по языку и развитию в Африке. На африканском континенте проживает около 13% всего населения планеты, а языки Африки составляют примерно треть мировых языков, что делает его самым лингвистически насыщенным регионом в мире. Это исключительное языковое разнообразие вызывает заинтересованность не только у лингвистов и антропологов, но и у экономистов, политологов и психологов. По замыслу организаторов конференции, кафедры иностранных языков и литературы Университета, основными задачами мероприятия стали: обсуждение влияния этнолингвистического многообразия на социальное, политическое и экономическое развитие в африканских странах; определение места и роли языков народов Африки в программах индустриализации развивающихся стран и их возможности способствовать успешной реализации плана развития, сформулированного в Декларации тысячелетия ООН.

Конференция проводилась по пяти тематическим секциям: 1. Язык и экономика; Дискурс-анализ; 2. Документирование языков и их описание; 3. Переводоведение; 4. Преподавание языков и языковая политика; 5. Литература и языковая политика.

В конференции приняли участие представители восьми государств: Танзании, Кении, Уганды, Руанды, Германии, Великобритании, США и России. Рабочим языком конференции был принят английский язык.

Милюкова Ольга Эльмаровна – соискатель кафедры африканистики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: olga9669@gmail.com).

Торжественная церемония открытия сопровождалась исполнением гимна Объединенной Республики Танзания, приветственной речью руководства Университета Додомы и выступлением почетных гостей из Министерства образования.

Высокая честь открытия пленарного заседания была предложена профессору Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета *А. Реттовой*, выступившей с докладом «Африканская философия и литература: возможности развития». Доклад сопровождался оживленной дискуссией, в ходе которой участники достаточно эмоционально высказывали свое мнение о несовпадении восприятия африканской философии самими африканцами и представителями западной цивилизации. Продолжил повестку первого дня конференции профессор Университета Св. Джона (Танзания) *К. Рубагумья*, чей яркий доклад с аллегорическим названием «Английский язык в Танзании: альбатрос на наших шеях?» вызвал широкий резонанс у аудитории. По мнению докладчика, система образования в Танзании испытывает острый кризис ввиду преподавания предметов в начальной школе на языке суахили, а затем перехода на английский язык в средней школе и высших учебных заведениях. В результате такой практики учащиеся, с одной стороны, теряют навыки суахили, а с другой – их уровень знания английского языка оставляет желать лучшего. Впоследствии будущие студенты с трудом усваивают материал в вузах на английском языке, что, безусловно, негативно сказывается на качестве образования, а следовательно, и на подготовке профессиональных кадров. Профессор выступил с резкой критикой существующей системы обучения, призывая представителей Министерства образования обратить самое пристальное внимание на создавшуюся ситуацию. В качестве успешного примера он привел опыт высшей школы различных стран, в том числе и российской, где обучение ведется на государственных языках, а иностранные языки преподаются как отдельные дисциплины. Своим выступлением профессор задал научный вектор всей конференции. В последующих докладах рефреном звучала тема использования английского языка в школах, госучреждениях и официальных структурах страны, его неоднозначной роли в индустриализационных процессах на африканском континенте и противостоянии местным африканским языкам, которые в настоящее время не в состоянии в полной мере выступать гарантом социальной мобильности.

Пленарное заседание второго дня конференции открыла профессор Университета Дар-Эс-Салама *М. Корро* с докладом «Проблема

языка и развития в Африке: пример неудачного общения?», в котором затрагивались вопросы языковой политики государства, и в частности, статус языка суахили в современном обществе на фоне использования английского языка в качестве элитарного коммуникативного инструмента.

Открытая панельная дискуссия форума была посвящена обсуждению таких актуальных тем, как: мультилингвизм; стратегия развития и поддержки местных языков; их роль в области образования, науки и техники в современной Африке, а также вопросы африканского языкознания и литературоведения.

Российскую сторону на конференции представлял Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова в лице соискателя кафедры африканистики *О.Э. Милюковой*, а также двух аспирантов кафедры африканистики *О. Грушиной* и *В. Шатохиной*, которые представили сообщения в заочной форме. *О.Э. Милюкова* выступила с научным докладом «Роман Анисети Китерезы “Бвана Мьомбекере на Биби Бугонока, Нтуланалво на Булихвали” как эксклюзивный источник для изучения языка кереве», который вызвал большой интерес и активные обсуждения. Она подчеркнула, что относящийся к редким языкам Танзании язык кереве мало исследован и прежде всего в силу отсутствия письменных источников на нем. Роман Анисети Китерезы является ярчайшим образцом бытописательной прозы и имеет огромное значение, в частности, благодаря составленному рукой автора глоссарию, в который вошли слова и паремии из языка кереве. Глоссарий романа служит прекрасной почвой для предварительного анализа и реконструкции структуры языка кереве, но требует подкрепления современными данными, что является целью запланированного автором доклада полевого исследования на островах Укереве и Бви́ро для лексико-грамматического описания языка кереве.

На заключительном пленарном заседании выступающие единодушно отметили, что Международная конференция по языку и развитию в Африке имела большой успех и впечатляющие результаты, и выразили надежду, что проведение подобного форума станет доброй традицией. Докладчики подчеркнули, что участие в конференции представителей научного сообщества не только стран африканского континента, но и европейских государств и США, свидетельствует об актуальности тем, представленных для обсуждения. Как прозвучало в ряде сообщений, этнолингвистическое разнообразие, особенности политического устройства, проблемы в экономической и социальной

жизни оказывают мощное влияние на национальные программы развития и языковую политику африканских стран. Гегемония английского языка в качестве лингва франка неизбежно влечет за собой понижение статуса государственных языков и ограничение функций языков внутриэтнического общения, многие из которых стоят на грани исчезновения или подвергаются маргинализации, функциональной и структурной эррозии. Одним из результатов конференции явилось общее мнение участников о необходимости принятия мер, в том числе и на правительственном уровне, для поддержки и развития миноритарных языков Африки.

На торжественном закрытии конференции ректор Университета Додомы профессор *Ф. Каррани Би* подчеркнул: «Язык является средством коммуникации, которым люди пользуются неосознанно, однако существует ряд аспектов, связанных с использованием языка, требующие взвешенного подхода и разумных решений. К таким аспектам относятся языковые изменения, языковая глобализация, степень сохранности языка, языковые контакты и многие другие. Язык может выступать как средством достижения экономического процветания и социального благополучия, так и инструментом политического давления и идеологической обработки. Все поставленные вопросы нуждаются в глубоком анализе и практических ответах, что и было основной целью организаторов конференции».

Olga E. Milyukova

INTERNATIONAL CONFERENCE ON LANGUAGE AND DEVELOPMENT IN AFRICA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 19991*

About the authors: *Olga E. Milyukova* – postgraduate student, Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: olga9669@gmail.com).

Е.В. Волчкова

17-я ЕЖЕГОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

*Институт классического Востока и античности, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная 21/4*

В г. Тарту (Эстония) 25–29 июня 2019 г. прошла 17-я ежегодная конференция Европейской ассоциации изучения религий (European Association for the Study of Religions (EASR)). Европейская ассоциация изучения религий была учреждена в 2000 г., аффилирована с Международной ассоциацией истории религий (IAHR) и ставит своей целью содействие академическому изучению религий посредством международного сотрудничества европейских исследователей.

Тема 17-й конференции EASR, организованной Тартуским университетом, была сформулирована следующим образом: «Религия: преемственность и прерывание традиций» (Religion: Continuations and Disruptions). В рамках этой темы докладчиками обсуждался широкий круг проблем, связанных с устойчивостью и вариативностью трансформации религиозных традиций под воздействием разнообразных факторов: давлением политических и религиозных институтов; влиянием глобализационных процессов, социальных изменений, технологического прогресса, новых средств массовой коммуникации и т.д. К числу поднимавшихся на конференции вопросов относились также проблемы эволюции теоретических подходов, методологий и понятийного аппарата религиоведения в условиях комплексной трансформации религиозных традиций.

Волчкова Елизавета Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Китая ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ; доцент Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС (e-mail: elizavetavolchkova@gmail.com).

В рамках конференции было организовано 96 панелей, в работе которых приняло участие 618 исследователей из 49 стран. Россию представляли 44 ученых из МГУ, РГГУ, РАНХиГС, НИУ ВШЭ, СПбГУ, УрФУ, ЕУСПБ, ИЛИ РАН, ИЯ РАН, МАЭ РАН, ИРЛИ РАН, ИФ РАН.

Треть панелей конференции (33 из 96) была посвящена религиям Востока, из них почти половина (15) – исламу. При этом большая часть докладов на этих панелях была посвящена современному развитию ислама: религиозному фактору в политических событиях в странах Ближнего Востока и Северной Африки; роли онлайн-медиа и средств массовой коммуникации в религиозном взаимодействии в мусульманских странах; эволюции фундаментализма в мусульманских общинах и группах стран Европы; динамике развития ислама в посткоммунистических странах и регионах.

В рамках девяти панелей обсуждались вопросы, связанные с историей, взаимодействием и развитием религиозных традиций Южной Азии. К числу наиболее важных тем этих панелей относились теоретические и методологические подходы к изучению индуизма, анализ религиозных традиций в отражении литературных текстов, эволюция локальных культов и обрядовых практик в разных регионах Индии. Не менее интересный материал был представлен коллективом исследователей, изучавших структуру индуистских храмов и храмовых организаций иммигрантских общин Европы (Дании, Норвегии и Швейцарии).

Анализу истории буддийских школ и буддийских текстов было посвящено две панели конференции. Ряд дополнительных докладов рассматривали эволюцию буддизма в Китае, Корее и Японии.

В целом религиозным традициям Дальнего Востока, Тибета и Монголии на конференции было уделено значительно меньше внимания; тем не менее научные доклады, подготовленные исследователями этих регионов, представляли немалый интерес. Большая часть из них суммировала результаты продолжительных полевых исследований локальных вариантов народной религиозности – специфики католической обрядовой практики и ее интеграции в традиционные религиозные верования у *ханарэ-кириситан* Японии («тайных христиан», отказавшихся от воссоединения с католичеством после снятия запрета на христианство); системы религиозных представлений отдельных этнических групп Тибета и Западного Китая; трансформации тибетских ритуалов в современной Монголии и т.д.

Китайской народной религиозной традиции была посвящена панель «Материальная репрезентации верований: предметы и концепт богатства в религиозных традициях Китая», совместно организованная сотрудниками ИКВИА НИУ ВШЭ и ИСАА МГУ. На ней обсуждались формы материальной репрезентации культа духов-покровителей земли в современном Макао (доклад *А.А. Соловьевой*), трансформация традиционных храмовых праздников и появление так называемых храмовых ярмарок без храмов в контексте религиозной политики КНР (доклад *А.Б. Старостиной*), а также причины появления функции дарителя материальных благ у Дин Ланя, одного из героев известного текста «24 примера сыновней почтительности», и дальнейшие трансформации этих функций в современном Макао (доклад *О.М. Мазо*). ИСАА МГУ был представлен докладом *Е.В. Волчковой* «Рынок для магии: трансформация даосских амулетов и ритуалов в эпоху электронной коммерции», в котором на основании анализа рынка онлайн-предложений даосских амулетов и ритуальных услуг делались выводы об изменяющейся иерархии запросов потребителей, ищущих магические пути решения жизненных проблем.

Elizaveta V. Volchkova

**THE 17TH ANNUAL CONFERENCE OF THE
EUROPEAN ASSOCIATION FOR THE STUDY
OF RELIGIONS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Institute for Oriental and Classical Studies,
National Research University Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya, Moscow, 105066*

About the author: *Elizaveta V. Volchkova* – PhD (History), Associate Professor of the Department of Chinese History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; Lecturer of the Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics; Associate Professor of the Institute of Business Studies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: elizavetavolchkova@gmail.com).

**Указатель статей и материалов,
опубликованных в журнале «Вестник Московского
университета. Серия 13. Востоковедение» в 2018 г.**

	№	С.
История		
<i>Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г.</i> Апологетика и критика суфизма в Дагестане в начале XX в.	1	23
<i>Ардашников А.Н., Коняшкина Т.А.</i> «Воскресение иранских владетелинов»: к вопросу о легитимации Реза-шаха (по материалам «Сафар-наме бе Хузестан»)	4	37
<i>Бочковская А.В.</i> Автар-бани: конфликтный текст «Универсального Братства»	4	4
<i>Брилева Д.С.</i> Дискуссии о тафсирах Корана в периодической прессе татармусульман Российской империи начала XX в. ...	3	19
<i>Валеев Р.М., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мейер М.С.</i> Из жизни отечественного востоковедного сообщества в ранний постреволюционный период: переписка В.В. Бартольда и А.Е. Крымского в 1920-е годы (по материалам архивных фондов)	1	3
<i>Дербенев А.С.</i> Катар в конце XX – начале XXI в.: динамика политических процессов	1	39
<i>Зарубина Е.Д.</i> Роль представления о «синагогах гетто» в нормативных текстах венецианской еврейской общины конца XVI – начала XVII в.	3	32
<i>Колдунова Е.В.</i> Трансрегиональное исламское движение Джамаат Таблиг в странах АСЕАН: стратегии экспансии и трансформация в условиях Юго-Восточной Азии (вторая половина XX – начало XXI в.)	3	53

	№	С.
<i>Краюшкин Н.Р.</i> Богач – бедняк: два мусульманских паломника в Османском Каире XVII в.	3	42
<i>Краюшкин Н.Р.</i> Дамасский суфий ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси и его «большое» путешествие по Великой Сирии конца XVII в. ...	2	58
<i>Лукьянов Г.В.</i> Российская историография о Триполитанской республике 1918–1923 гг. в Ливии	1	54
<i>Мишин Д.Е.</i> К вопросу о датировке сражения при Зӯ Қаре	4	22
<i>Мишин Д.Е.</i> Киндитский царевич Абӯ-ль-Джабр и сасанидский царь Хосров I Ануширван	1	71
<i>Низамутдинова О.В., Валеев Р.М.</i> Место журнала «Ал-Кираза» в церковной жизни египетских коптов	2	35
<i>Новакова О.В.</i> Европейские типографии в Индокитае – важнейшие каналы трансмиссии западной культуры на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.	2	44
<i>Нуриманов И.А.</i> Становление паломнических маршрутов мусульман Российской империи в Аравию во второй половине XIX – начале XX в.	2	74
<i>Овчинникова Л.В.</i> Колониальное управление в Корее (1910–1945) в зеркале служебных изданий японского генерал-губернаторства	3	4
<i>Подоплелов С.А.</i> Река Тиста в трансграничных спорах Индии и Бангладеш	2	91
<i>Ростоцкая М.А., Никитина Л.В.</i> Путешествие на Восток в фильме Вима Вендерса «Токио-га»: диалог культур	1	85
<i>Соловьева Д.В.</i> Марокканский султанат и суфийские братства (XVII—XVIII вв.): диалектика конфликта и сотрудничества .	2	106
<i>Спектор И.Б.</i> «Пурушартхи» в Индии: роль беженцев из Пакистана в политической жизни Дели	2	119

	№	С.
<i>Старикова М.Н.</i> Проблема ранних браков в мусульманской общине современной Индии	2	129
<i>Шалупенко Е.В.</i> Предвыборная кампания 2018 г. в Пакистане: влияние индийского фактора	3	71
Литературоведение		
<i>Гурия А.Г.</i> Смена мотивировок в средневековом тексте: две «Рамаяны»	4	51
<i>Завьялова О.Ю.</i> К проблеме определения жанра анекдота у народов манден	1	92
<i>Рейснер М.Л.</i> Сон и бессонница в тематическом лексиконе персидской классической газели (XII–XV вв.)	2	4
<i>Хронопуло Л.Ю.</i> Символика цикла новелл «Десять ночей грез» Нацумэ Сосэки	1	108
Публикации		
<i>Строганова Н.А.</i> «Письмо Ян Дэцзу» – эпистолярное эссе Цао Чжи (192–232 гг.) о литературе	3	135
<i>Фролов Д.В., Зарипов И.А.</i> «Понимание Корана» Мусы Бигиева. Часть 2	1	120
<i>Фролов Д.В., Зарипов И.А.</i> «Понимание Корана» Мусы Бигиева. Часть 3	3	111
Языкознание		
<i>Громова Н.В.</i> Деструкция системы именных согласовательных классов в языках банту	4	63
<i>Громова Н.В., Урб М.Р.</i> Влияние языка суахили на местные языки банту в современной Танзании	2	20
<i>Грушина О.А.</i> Структурно-лингвистические особенности медиа-текста на языке суахили	3	99
		157

<i>Карапетьянци А.М., Даулет Ф.Н.</i> Вербализация аксиологического концепта «судьба» в китайской языковой картине мира	4	74
<i>Ли Дань.</i> Когнитивно-сопоставительное исследование пространственного предлога «на» в русском языке и рамочной конструкции «在...上» в китайском языке	4	92
<i>Daulet Fatimabibi N.</i> Zoomorphic Culture Codes in the Semantics of Chinese Phraseological Units	3	82

Экономика

<i>Исаев В.А., Филоник А.О.</i> Новая роль суверенных фондов в экономическом развитии арабских монархий Персидского залива .	4	109
--	---	-----

Научная жизнь

<i>Волчкова Е.В.</i> 17-я Ежегодная конференция Европейской ассоциации изучения религий	4	152
<i>Громова Н.В., Урб М.Р.</i> Чтения памяти В.А. Виноградова «Африканистика, типология, теория языка»	3	156
<i>Жантиев Д.Р., Кириллина С.А., Орлов В.В.</i> Исторические исследования в сфере арабистики: традиционные и новые аспекты . .	3	152
<i>Иванов В.Б.</i> Конференция по иранистике ECIS9	4	133
<i>Карапетьянци А.М.</i> Международная конференция «Китайская лингвистика и синология»	4	136
<i>Карнеев А.Н.</i> Российско-китайская конференция, посвященная опыту реформ и открытости и современным вызовам	2	156
<i>Кириллина С.А., Жантиев Д.Р., Кобищанов Т.Ю.</i> Новейшие тенденции арабистических, исламоведческих и османских исследований	2	146
<i>Кириллина С.А., Кобищанов Т.Ю.</i> Отечественная османистика в XXI в.: векторы исследований (по материалам конференции «Ацамбовские чтения»)	4	139

<i>Кравченко С.Л.</i> Второй Международный Форум устных переводчиков	2	152
--	---	-----

<i>Милукова О.Э.</i> Международная конференция по языку и развитию в Африке	4	142
---	---	-----

Рецензии

<i>Никитина Л.В.</i> Рецензия на кн.: Introduction to Japanese Cuisine: Nature, History and Culture (The Japanese Culinary Academy's Complete Japanese Cuisine) Hardcover – February 1, 2016	3	149
--	---	-----

<i>Мейер М.С.</i> Рецензия на кн.: Вкус Востока: Гастрономические традиции в истории, культуре и религии народов Азии и Африки. М.: МГИМО-Университет, 2019	4	127
---	---	-----

Памяти...

Дмитрий Евгеньевич Еремеев	3	160
----------------------------	---	-----

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информацию о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к **формату** текста статей:

- текстовый редактор Microsoft Word (версия 6.0, 7.0, 95, 97, 2000 и т. д.);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный междустрочный интервал;
- поля 2,54×3,17;
- объем рукописи до 20 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – строго до 15 тыс. знаков с пробелами).

Требования к **форме** предоставления статей:

- текст предоставляется на компакт-диске (или присылается на электронный адрес редколлегии) в формате RTF (rich text format) и в распечатанном виде (можно прислать указанные материалы простым письмом по почте на адрес института с пометой «для Вестника МГУ»);
- если в статье используются дополнительные шрифты (старославянские, древнегреческие и т. д.), то они должны быть записаны на диск;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных страницах.

Статья должна содержать обязательные элементы, без которых ее публикация невозможна:

- аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены **в тексте в виде подстрочных примечаний**, а список процитированных произведений должен быть вынесен **в конец статьи в виде списка литературы**.

Статьи, оформленные не по правилам, не будут приниматься к публикации.

Помните, что набор текстов в других редакторах или программах, сохранение их на вирусных или дефектных дискетах, а также распечатка без соблюдения требований к шрифту, его размеру, междустрочному интервалу, некачественная печать могут существенно образом усложнить процесс публикации ваших статей.

Материалы сдаются в редколлегию по: e-mail: office@iaas.msu.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Рецензии не высылаются. Редакция в переписку с авторами не вступает. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата за публикацию рукописей (в том числе с аспирантов) не взимается.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова;
Институт стран Азии и Африки МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Брагинский В.И., доктор филологических наук, профессор Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета, Великобритания (SOAS, University of London, UK); **Ильбер Ортайлы**, профессор университета Стамбула, Турция (Istanbul University, Turkey); **Панчанан Моханти**, профессор университета Хайдарабада, Индия (Haiderabad University, India); **Ху Аньган**, профессор университета Цинхуа, Китай (Tsinghua University, China); **Экехард Шульц**, доктор филологических наук, профессор института Восточных исследований Лейпцигского университета, Германия (Institute of Oriental Studies, Leipzig University, Germany); **Ямасита Марико**, почетный профессор университета Токай, Япония (Tokai University, Japan)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Мейер М.С., президент ИСАА МГУ, докт. ист. наук, профессор — главный редактор; **Исаев В.А.**, докт. экон. наук, профессор — зам. главного редактора; **Захарьин Б.А.**, зав. кафедрой индийской филологии, докт. филол. наук, профессор — зам. главного редактора; **Волчкова Е.В.**, доцент кафедры истории Китая — ответственный секретарь

Члены редколлегии:

Абрамова И.О., директор Института Африки РАН, чл.-корр. РАН; **Басс И.И.**, доц., зав. кафедрой иностранных языков и лингвистики Санкт-Петербургского ин-та культуры; **Быкова С.А.**, доцент, зав. кафедрой японской филологии; **Видясова М.Ф.**, проф.; **Громова Н.В.**, проф., зав. кафедрой африканистики; **Деоник Д.В.**, проф. кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии; **Карапетьянц А.М.**, проф. кафедры китайской филологии; **Кириллина С.А.**, проф., зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока; **Ковельман А.Б.**, проф., зав. кафедрой иудаики; **Кулешова Н.С.**, зам. директора по науке, проф. кафедры политологии; **Мельянцева В.А.**, проф., зав. кафедрой международных экономических отношений; **Мосяков Д.В.**, проф., заведующий Центром исследований Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Ин-та востоковедения РАН; **Орлов В.В.**, проф. кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока; **Писарев А.А.**, проф. ф-та русского языка и междунар. отношений Тамканского университета (Тайвань); **Репенкова М.М.**, проф., зав. кафедрой тюркской филологии; **Сафронова А.Л.**, проф., зав. кафедрой истории Южной Азии; **Фролов Д.В.**, проф., зав. кафедрой арабской филологии, чл.-корр. РАН; **Яковлев А.И.**, проф., вед. науч. сотр. Института востоковедения РАН

Редактор И.В. Краснослободцева

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 1563 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 103009, Моховая, 11, стр. 1. Тел. 8 (495) 629-55-48

Подписано в печать 27.01.2020. Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,3. Тираж экз. Изд. № 11 253. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)
Тел.: (495)939-32-91. E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

ISSN 0201–7385

ISSN 0320–8095

ИНДЕКС 71013 (каталог «Роспечать»)

ИНДЕКС 40552 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201–7385. ISSN 0320–8095

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 13. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ. 2019. № 4. 1–160.